

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Первая пятилетка председателя Си

Читайте в номере:

Пределы взаимодействия российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС

Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае

Си Цзиньпин и новое поколение руководителей Коммунистической партии Китая

Китайская диаспора в России

Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство

США и политика «одного Китая»

Станет ли Южно-Китайское море китайским *mare nostrum*? Военно-стратегический и внешнеполитический аспект территориальных претензий Китая в Южно-Китайском море

Китайский военно-промышленный комплекс при Си Цзиньпине

К вопросу о перспективах Китая как глобального лидера

Китай – Япония: территориальный конфликт или региональная кооперация?

ТОМ 10 • НОМЕР 5 • 2017

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 10 • NUMBER 5 • 2017

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право

Том 10 • Номер 5 • 2017

Цели и задачи

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Главный редактор

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович – член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Заместители главного редактора

ИСАКОВ Владимир Борисович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

ЛЕКСИН Владимир Николаевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института системного анализа Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

СОЛОВЬЕВ Александр Иванович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

БАГДАСАРЯН Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ВЕРШИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ВИЛИСОВ Максим Владимирович – кандидат политических наук, генеральный директор Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович – доктор политических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ЖЕБИТ Александр – профессор, Федеральный университет г. Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

КАЧИНС Эндрю – директор программы по России и Евразии, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

КРИВОПАЛОВ Алексей Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

ЛУКИН Александр Владимирович – доктор исторических наук, директор Центра исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич – доктор политических наук, профессор, декан факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

МИГРАНЯН Аза Ашотовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

МИРОНЮК Михаил Григорьевич – кандидат политических наук, доцент, первый заместитель декана факультета социальных наук, Москва, Российская Федерация

ОРЛОВ Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, заместитель руководителя департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

ПАБСТ Адриан – Ph.D (философия религии), лектор факультета политологии и международных отношений, Кентский университет, Кент, Великобритания

СИЛЬВЕСТРОВ Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор, проректор по инновационному развитию Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

ТЕЛИН Кирилл Олегович – кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

УННИКРИШНАН Нандан – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», вице-президент индийского исследовательского центра Observer Research Foundation, Нью-Дели, Индия

ЭПШТЕЙН Алек Д. – доктор социологических наук (Иерусалимский университет), эксперт Института Ближнего Востока (Москва), Иерусалим, Израиль

Председатель редакционного совета

ЯКУНИН Владимир Иванович – доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Редакционный совет

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

ГРИНБЕРГ Руслан Семенович – член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, научный руководитель Института экономики Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ Андрей Геннадьевич – академик Российской академии наук, доктор юридических наук, директор Института государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

МАКАРОВ Валерий Леонидович – академик Российской академии наук, доктор физико-математических наук, директор Центрального экономико-математического института Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич – академик Российской академии наук, доктор экономических наук, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук

САДОВНИЧИЙ Виктор Антонович – академик Российской академии наук, доктор физико-математических наук, ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич – академик Российской академии наук, доктор политических наук, ректор Московского государственного института международных отношений (Университет) России, Москва, Российская Федерация

ШУТОВ Андрей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Секретарь

МОЛЧАКОВ Никита Юрьевич – магистр юриспруденции, научный сотрудник Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

Журнал «**Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право**» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в качестве средства массовой информации 05.10.2016, регистрационное свидетельство: ПИ №ФС77-67382

ISSN: 2542-0240 (Print); 2587-9324 (Online)

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включенных Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 80247

Периодичность: 6 раз в год

Учредитель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», г. Москва, Российская Федерация

Сайт: <http://centero.elpub.ru>

Адрес: 107078, Российская Федерация, Москва, Докучаев переулок, дом 4, 2-й этаж

E-mail: molchakov@centero.ru

Тел.: +79035563419

Подписка и распространение: Журнал распространяется бесплатно

Тираж: 1000 экземпляров

© «Контуры глобальных трансформаций», 2017

Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law

Volume 10 • Number 5 • 2017

About OGT

The *Outlines of Global Transformations* Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editor-in-chief

Alexey V. Kuznetsov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Deputy editors-in-chief

Vladimir B. Isakov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vladimir N. Leksin – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Scientist at the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexander I. Solovyev – Doctor of Politics, Professor, Head of the Department of Political Analysis at the School of Public Administrations of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial board

Vardan E. Bagdasaryan – Doctor of History, Professor of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alek D. Epstein – Ph.D. (Department of Sociology, The Hebrew University of Jerusalem), Expert, Institute of Middle Eastern Studies (Moscow), Jerusalem, Israel

Andrew C. Kuchins – Senior Associate of the CSIS Russia and Eurasia Program, Washington, USA

Aleksey A. Krivopalov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia

Alexander V. Lukin – Doctor of History, Director of the Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Aza A. Migranyan – Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher at the Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrei Y. Melville – Doctor of Politics, Professor, Dean of Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Michail G. Mironyuk – Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Adrian Pabst – Ph.D (philosophy of religion), Lecturer, School of Politics and International, University of Kent, Kent, United Kingdom

Sergey N. Silvestrov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Economist of the Russian Federation, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Kirill O. Telin – Cand. Sci. (Pol.), Research Assistant, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Nandan Unnikrishnan – Vice-president of the Observer Research Foundation, New Delhi, India

Alexander A. Vershinin – Cand. Sci. (History), Lecturer, Department of History of Russia XX-XXI centuries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Maksim V. Vilisov – Cand. Sci. (Pol.), General Director of the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia
Sergey V. Volodenkov – Doctor of Politics, Associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Alexander Zhebit – Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya – Doctor of History, Professor, Department of East Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Editorial Council

Oksana V. Gaman-Golutvina – Doctor of Politics, Professor, Head of the Department of Comparative Politics, Faculty of Political Science, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
Ruslan S. Grinberg – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Scientific Supervisor of the Institute for International Economic and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Valeriy L. Makarov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Director of the Central Economics and Mathematics Institute at the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Boris N. Porfiryev – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Associate Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia
Viktor A. Sadovnichiy – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Rector of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Anatoly V. Torkunov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Politics, Rector of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
Andrei Y. Shutov – Doctor of History, Professor, Dean of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Head of the Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Doctor of Politics, Head of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Executive Secretary

Nikita Y. Molchakov – Master of Jurisprudence, Research Assistant at the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia

The Journal “**Outlines of Global Transformations: politics, economics, law**” was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 5th of October, 2016. Registration certificate: ПИ №ФЦ77-67382 I

ISSN: 2542-0240 (Print); 2587-9324 (Online)

The Journal is included into the Higher Attestation Commission (HAC) list of periodicals (the list of leading peer-reviewed scientific journals recommended of publishing the basic research results of doctor and candidate theses).

Publication Frequency: Bi-monthly

Founder: Association for independent experts “Center for Crisis Society Studies”, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://centero.elpub.ru>

Postal address: 4 Dockuchaev per., Moscow, 107078, Russian Federation

E-mail: molchakov@centero.ru

Tel.: +79035563419

Subscription: The journal content is free distributed

Circulation: 1000 copies

Содержание

Представляя номер 9

С точки зрения экономики

Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ. Пределы взаимодействия
российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС 15

Социальные трансформации

Иван Юрьевич ЗУЕНКО. Укрепление «вертикали власти» по-китайски:
кадровая политика в отношении регионального руководства
в современном Китае 30

Евгений Николаевич РУМЯНЦЕВ. Си Цзиньпин и новое поколение
руководителей Коммунистической партии Китая 47

Российский опыт

Александр Георгиевич ЛАРИН. Китайская диаспора в России. 65

Политические процессы в меняющемся мире

Игорь Евгеньевич ДЕНИСОВ. Внешняя политика Китая
при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. 83

Яна Валерьевна ЛЕКСЮТИНА. США и политика «одного Китая» 99

Азия: вызовы и перспективы

Андрей Владимирович ГУБИН. Станет ли Южно-Китайское море китайским
mare nostrum? Военно-стратегический и внешнеполитический аспект
территориальных претензий Китая в Южно-Китайском море. 116

Павел Борисович КАМЕННОВ. Китайский военно-промышленный
комплекс при Си Цзиньпине 135

Точка зрения

**Василий Васильевич МИХЕЕВ, Сергей Александрович ЛУКОНИН,
Сергей Владимирович ИГНАТЬЕВ.** К вопросу о перспективах Китая
как глобального лидера 152

Андрей Дмитриевич ДИКАРЕВ. Китай – Япония: территориальный
конфликт или региональная кооперация? 162

Contents

Introduction 12

From the Point of Economics

Alexey V. KUZNETSOV. Limits of Interaction of Russian and Chinese Business
in the Countries of Eurasian Economic Union 16

Social Transformations

Ivan Yu. ZUENKO. Strengthening of “Power Vertical”:
Allocation and Promotion of Regional Leaders in Modern China 31

Evgeny N. RUMYANTSEV. Xi Jinping and the New Generation
of the Leaders of the Chinese Communist Party 48

Russian Experience

Alexander G. LARIN. Chinese Diaspora in Russia 66

Political Processes in the Changing World

Igor E. DENISOV. Chinese Foreign Policy Under Xi Jinping:
Continuity And Innovation 84

Yana V. LEKSYUTINA. U.S. and Its “One China” Policy 100

Asia: Challenges and Perspectives

Andrey V. GUBIN. Will the South-Chinese Sea Become the Chinese Mare Nostrum?
Military Strategic and Foreign Policy Aspect of the Territorial Claims of China
in the South-Chinese Sea 117

Pavel B. KAMENNOV. PRC’s Military-Industrial Complex under Xi Jinping 136

Point of View

Vasily V. MIKHEEV, Sergey A. LUKONIN, Sergei V. IGNATEV.
China and Global Leadership 153

Andrey D. DIKAREV. China and Japan: Territorial Conflict
or Regional Cooperation? 163

Представляя номер

Предлагаемый вниманию читателей очередной номер журнала «*Контуры глобальных трансформаций*» посвящён Китаю. История государственности этой удивительной страны насчитывает 3500 лет. Цивилизация в междуречье Янцзы и Хуанхэ возникла задолго до того, как политическая карта мира начала приобретать современные очертания. За свою долгую историю Срединная империя знала периоды взлётов и падений. Всего столетие назад она являлась слабой и отсталой полуколонией, открыто поделённой великими державами на сферы влияния. В наши дни Китай – в чём-то динамичный и современный, а в чём-то, напротив, по-прежнему архаичный и патриархальный – уверенно заявляет о себе как о бесспорном региональном лидере.

Ни во внутривнутриполитической, ни в социальной сфере Китай не статичен. Страна стремительно индустриализируется и урбанизируется. Соответственно, видоизменяется и китайское общество. О том, насколько устойчивым и долговременным может стать новый цикл укрепления могущества Китая, уверенно судить невозможно. Спектр высказываемых на данный счёт мнений простирается от остро скептических до чрезмерно оптимистичных. При желании более или менее убедительные обоснования можно подвести под обе точки зрения.

Успехи Китая, превратившегося за последние тридцать лет во вторую экономику мира, были достигнуты с опорой на недемократическую модель раз-

вития. В то же время Пекин оказался самым тесным образом включён в мировую экономику, функционирование которой в значительной мере определяется либеральными подходами. Своим стремительным возвышением Китай убедительно доказывает отсутствие линейной связи между политической демократизацией и экономическим процветанием.

В связи с тяжёлым кризисом, возникшим во взаимоотношениях России с США и западноевропейскими державами, частичная переориентация российской внешней политики на дальневосточное направление стала закономерной. Однако Китай – не только выгодный партнер, но и серьезный конкурент для России. Экономическая составляющая российско-китайского взаимодействия на пространстве Евразийского экономического союза подробно описана в статье А.В. Кузнецова.

И.Е. Денисов подводит итог достижениям китайской дипломатии при Си Цзиньпине. Автор призывает не преувеличивать стремительность и революционность изменений во внешнеполитическом курсе китайского лидера. Позиции Китая как второй экономики мира не трансформируются автоматически в глобальное влияние и тем более в глобальную власть. С его точки зрения, за осторожностью китайцев в игре на глобальной шахматной доске по-прежнему скрывается боязнь проиграть более искушённым в этом деле державам. Возможные неудачи и связанное с ними международное униже-

ние означает для китайского руководства шаг к делигитимации КПК. Мотивы же сохранения и укрепления партийной власти продолжают определять любые крупные внешнеполитические шаги китайского руководства.

На своего великого восточного соседа Москва взирает с противоречивыми чувствами. В 1990-е гг. в общественном мнении России устойчиво культивировалась тревога в связи с вероятной угрозой китайской демографической экспансии на российский Дальнем Востоке. Рассмотрению этой проблемы посвящена статья А.Г. Ларина.

В военной области Китай последовательно преодолевает накопившееся военно-техническое отставание. Успехам модернизации китайского оборонно-промышленного комплекса посвящена статья П.Б. Каменнова. Совокупная боевая мощь Народно-освободительной армии быстро растёт. При этом в определении истинных целей китайской оборонной политики как в западном, так и в российском экспертном сообществе сохраняются серьёзные разногласия.

Наряду с Россией Китай является второй страной мира, в отношении которой США вынуждены терпеть весьма неприятное для себя состояние взаимной уязвимости. Несмотря на то, что ракетно-ядерный потенциал Пекина составляет лишь примерно 15% от американского, он в случае кризиса всё равно гарантирует нанесение Вашингтону неприемлемого ущерба, и в этом смысле играет роль эффективного средства стратегического сдерживания.

Проблеме взаимоотношений Пекина и Токио посвящена статья А.Д. Дикарева. Если же говорить об угрозе американо-китайского соперничества, то наибольшую опасность с точки зрения возможности неконтролируемой эскалации представляют тлеющие конфликты вокруг международного

статуса Тайваня и в акватории Южно-Китайского моря.

А.В. Губин, ссылаясь в своей статье на мнение крупного американского политолога Дж. Миршаймера, утверждает, что ситуация в спорных районах Южно-Китайского моря напоминает принятие США в 1823 г. доктрины Монро. Тогда европейские великие державы отказались признать Американский континент сферой, закрытой для их вмешательства, однако практически ничего не смогли противопоставить распространению влияния США. Так и Китай как азиатская сверхдержава сегодня в состоянии исключить любое нежелательное вмешательство вне-региональных государств в стратегически важные для него районы.

В тайваньском вопросе, рассмотрению которого посвящена статья Я.В. Лексютиной, сменяющие друг друга американские администрации начиная с Дж. Картера на протяжении вот уже сорока лет используют принцип так называемой «стратегической неопределённости». Его суть, по мнению автора, заключается в отсутствии точных представлений у Пекина и Тайбэя относительно степени, формы и порогов вмешательства США в случае возникновения вооруженного конфликта в Тайваньском проливе. При этом Вашингтон даёт гарантии Тайбэю в том, что не откажется от его поддержки ради развития хороших отношений с Китаем. По замыслу Вашингтона, политика «стратегической неопределённости» призвана удерживать Китай от силового сценария решения тайваньского вопроса и в то же время не допустить использование Тайбэем американских гарантий для продвижения в сторону независимости.

Западные исследователи, наблюдающие за эволюцией китайской Компартии после смерти Мао, нередко обращают внимание на то, что современная КПК превратилась в партию без идео-

логии. Если применительно к конфуцианскому Китаю вообще уместно рассуждать об идеологии в её западном понимании, то такой идеологией до середины 1970-х гг. оставался революционный марксизм в его маоистской разновидности. Однако в дальнейшем, по мере прогресса экономических реформ и выхода Китая из образа революционного государства, идейной опорой существующего социального порядка всё более явно стал идеологический коктейль, состоящий из консюмеризма и великодержавия.

Экономические успехи Китая бесспорны. Однако двузначные цифры прироста валового внутреннего продукта во многом объяснялись эффектом низкой базы и потому не должны вводить в заблуждение. При оценке будущей динамики экономического роста страны существует опасность повторить ту же ошибку, которая допущена некоторыми западными экспертами в отношении Советского Союза в 1950-х гг. Многим внешним наблюдателям искренне казалось, что при сохранении высоких темпов роста, существовавших на момент прогноза, Советский Союз неизбежно превзойдёт Соединённые Штаты в экономическом соревновании. Эти надежды не оправдались. Китай же, как известно, с большим вниманием изучает разноплановый и противоречивый опыт позднего СССР.

Для Коммунистической партии Китая снижение темпов роста благосо-

стояния представляет очень серьёзную опасность, поскольку экономические успехи по мере выхолащивания революционной идеологии сделали основой политической легитимности КПК.

Во внутренней политике после состоявшегося в октябре 2017 г. 19-го съезда Коммунистической партии Китая наблюдается всё более отчётливая тенденция дальнейшей консолидации правящего режима вокруг фигуры председателя Си Цзиньпина. Этому сюжету посвящены статьи И.Ю. Зуенко и Е.Н. Румянцева.

В любом случае, если Китаю и суждено опередить США в борьбе за глобальное первенство, это произойдёт ещё очень нескоро. Эта мысль получает развитие в материале В.В. Михеева, С.А. Луконина и С.В. Игнатьева. Борьба за экономическое и военнополитическое доминирование в мире, а также закрепление нового качества совокупной государственной мощи потребует от китайской политической элиты значительно больших усилий, чем это, возможно, представляется сейчас оптимистам.

Председатель редакционного совета
журнала, доктор политических наук
ЯКУНИН В.И.

Главный редактор журнала,
член-корреспондент РАН
КУЗНЕЦОВ А.В.

Introduction

This issue of the “*Outlines of Global Transformations*” is devoted to China. The roots of this beautiful country’s statehood go back 3,500 years. The Chinese civilization arose between the basins of the Yangtze and the Yellow River, long before the modern political map started to take shape. Over its long history, the Middle Kingdom saw periods of prosperity, as well as times of trouble. Only a century ago, China was a weak and backward semi-colony, openly divided by the great powers into their spheres of influence. Modern China – vibrant and modern in some aspects, whilst archaic and patriarchal in others – has confidently asserted itself as the undisputed leader of the region.

China’s domestic policies and its social sphere are far from static. The country is undergoing a process of rapid industrialization and urbanization. The Chinese society itself is transforming to reflect these changes. It is impossible to say with complete confidence, how durable and how sustainable this new period of China’s rise will ultimately be. The spectrum of views expressed on this matter goes from extremely skeptical to overly optimistic. Moreover, there are arguments to justify both points of view.

The rise of China, which has, over the past thirty years, turned into the second largest economy in the world, was driven by an undemocratic development model. At the same time, Beijing became closely integrated into the world economy, whose mechanisms are largely determined by liberal ideas. The swift rise of China dem-

onstrates all too convincingly that there is no linear causal relationship between political democratization and economic prosperity.

Due to the severe crisis in Russia’s relations with the US and Western Europe, it was logical for Russia to partly realign its foreign policy focus towards the Far East. However, from Russia’s point of view, China is not only a promising partner, but also a competitor to reckon with. The economic component of China-Russia interactions within the space of the Eurasian Economic Union is examined in detail in the article by A. Kuznetsov.

In his article, I. Denisov sums up the achievements of Chinese diplomacy under Xi Jinping. The author cautions against overstating the swiftness and the revolutionary nature of the changes in China’s foreign policy. China’s position as the world’s second largest economy does not automatically translate into global influence, much less global power. From Denisov’s point of view, the cautiousness of China as a player on the grand chessboard is an attempt to mask its fear of losing to the more diplomatically sophisticated powers. To the Chinese leadership, the risk of failure and the resulting international humiliation would be a step towards undermining the legitimacy of the Communist Party. The drive to preserve and strengthen the party’s authority continue to determine all of the major foreign policy decisions of the Chinese leadership.

Moscow is looking at its great neighbor to the East with conflicted feelings. During the 1990s, public opinion in Rus-

sia saw rising anxiety regarding the perceived threat of China's demographic expansion into the Russian Far East. This problem is examined in the article by A. Larin.

In the military sphere, China has been steadily catching up with the world's leaders in terms of military technology. P. Kamennov devotes his article to analyzing China's successful modernization of its military-industrial complex. The total military power of the People's Liberation Army is increasing dramatically. Meanwhile, major points of disagreement remain within both the Russian and the Western expert communities as regards the actual goals China's defense policy.

Alongside Russia, China is the second country in the world with respect to which the US has to tolerate an unpleasant condition of mutual vulnerability. Despite the fact that Beijing's nuclear missile potential equals just about 15% of that of the US, in the event of a crisis it would still guarantee an unacceptable degree of damage inflicted on the US – and in this sense it is an effective instrument of strategic deterrence.

A. Dikarev's article is dedicated to the relations between Beijing and Tokyo. As concerns the threat of US-China rivalry, the biggest danger (in terms of potential for uncontrolled escalation) comes from the simmering conflicts around the international status of Taiwan and the South China Sea international waters.

A. Gubin, referring in his article to a prominent American political scientist John Mearsheimer, argues that the situation in the contested areas of the South China Sea reminds him of the Monroe Doctrine adopted by the US in 1823. At that time, European great powers refused to recognize the American continent as "off limits" to their interventionism, but could do practically nothing to stop the expansion of US influence. Likewise, China, being an Asian superpower, can pre-

vent any undesirable interference on the part of extra-regional states into its strategically important regions.

As for the Taiwan issue, which is examined in the article by Y. Leksyutina, over the past 40 years, starting from the presidency of Jimmy Carter, successive US administrations have been using the so-called "strategic uncertainty" principle. The essence of this principle, according to the author, is that Beijing and Taipei have no accurate models to predict the degree, the form and the limits of US potential intervention in case an armed conflict breaks out in the Taiwan Strait. At the same time, Washington has been assuring Taipei that it would not give up its support of Taiwan for the sake of maintaining good relations with China. By using the "strategic uncertainty" policy, America intends to keep China from attempting a military solution to the Taiwan problem, and at the same time prevent Taipei from exploiting America's guarantees in order to move towards full independence.

Western researchers monitoring the evolution of the Chinese Communist Party after Mao's death often point out that the modern CCP has turned into a party without a distinct ideology. It's not entirely clear if the notion of ideology in the Western sense can be applied to China and its Confucian tradition, but if it can, then up until the mid-1970s China was dominated by revolutionary Marxism, or, more specifically, its Maoist variety. However, in the following decades, with the success of economic reforms and China's shedding of its image as a revolutionary state, it was becoming more and more clear that the ideological foundation of the existing social order would be an ideological mish-mash consisting of consumerism and ambitions for becoming a great power.

China's economic success is undeniable. However, the double-digit growth of the gross domestic product was largely due to low base effect and therefore may

be misleading. When assessing the future of China's economic growth, there is a danger of repeating the same mistake that was made in the 1950s by some of the Western experts with regard to the Soviet Union. To the outsider, it often seemed that, should the high growth rates observed at the time of the forecast persist, the Soviet Union would inevitably surpass the United States in terms of sheer economic power. The reality was a far cry from these forecasts. China, as is well known, has been studying the diverse and somewhat contradictory experience of the late USSR with great interest.

For the Chinese Communist Party, the slowdown of economic growth represents a very serious danger: with the waning of revolutionary ideology, economic success has taken its place to become the source of CCP's political legitimacy.

After the 19th National Congress of the Communist Party of China in October 2017, there has been an increasing-

ly noticeable trend for further consolidation of the ruling regime around Xi Jinping. This topic is discussed in the articles by I. Zuenko and E. Rumyantsev.

Whatever the future may hold, if China is indeed destined to take America's place as the leading global power, this will not happen any time soon. This idea is expressed in the piece by V. Mikheev, S. Lukonin and S. Ignatyev. The struggle for economic, military and political domination, combined with the need to consolidate its new status as a great power, will require a lot more efforts on the part China's political elite than the optimists tend to believe.

Head of Editorial Council,
Doctor of Political Sciences
YAKUNIN V.I.

Editor-in-Chief,
Corresponding Member of RAS
KUZNETSOV A.V.

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-15-29

Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

kuznetsov_alexei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

Пределы взаимодействия российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются возможности сопряжения российских и китайских интеграционных инициатив на пространстве ЕАЭС со стороны разных бизнес-структур. Подчеркивается необходимость более широкого анализа проблемы, не ограниченного изучением перспектив так называемого Экономического пояса Шёлкового пути. Статья основана на анализе статистики внешней торговли стран ЕАЭС, а также официальной информации и экспертных оценках о масштабах и структуре инвестиций, в том числе собранных автором данных о прямых капиталовложениях российских и китайских ТНК, осуществленных в странах ЕАЭС напрямую или через третьи государства. Особое внимание уделено как конкуренции российских и китайских ТНК в Казахстане и Киргизии, так и возможностям продуктивного сотрудничества соответствующих бизнес-структур в Центральной Азии. Рассмотрено также растущее влияние китайского бизнеса в Белоруссии и Армении, где среди иностранных инвесторов пока доминируют российские компании, но имеется также существенное присутствие западноевропейских

и некоторых других ТНК. Затем отдельно изучаются пределы взаимодействия российского и китайского бизнеса в самой России, а также сравниваются масштабы китайских прямых капиталовложений в Российской Федерации и встречные потоки российских прямых инвестиций в КНР. Наконец, проверяется гипотеза о жизнеспособности российско-китайского экономического взаимодействия за пределами постсоветского пространства, поскольку отсутствие кооперации российских и китайских ТНК в Африке или Латинской Америке, скорее, может свидетельствовать лишь о вынужденном, обусловленном политическими факторами характере сотрудничества в странах ЕАЭС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЕАЭС, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции, российские ТНК, китайские ТНК

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кузнецов А.В. (2017). Пределы взаимодействия российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 15-29. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-15-29

From the Point of Economics

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-15-29

Alexey V. KUZNETSOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

Limits of Interaction of Russian and Chinese Business in the Countries of Eurasian Economic Union

ABSTRACT. *The article is dedicated to the possibility of joining the Russian and Chinese integration initiatives on the EEU space from the side of business-actors. The author stresses the necessity for a wider type of analysis, which would not be limited by such narrow research object as perspectives of the so-called Silk Road Economic Belt. The study is based on the statistic analysis of the partner-states foreign trade and official information, as well as expert evaluation of the investments' scale and structure. Besides, the author collected data about the direct investment provided by Chinese and Russian TNC in order to support the EEU member-states (directly or via third states). The significant part of the article is dedicated to the issues of competition between the Chinese and Russian TNC in Kazakhstan and Kyrgyzstan and possibilities of the fruitful cooperation between those businesses in Central Asia. The author also sheds light on the growing impact of the Chinese business in Belarus and Armenia, where Russian firms are the most powerful foreign economic actors, what, nevertheless, does not re-*

duce the significant impact of the Western European and other TNC. Those considerations are followed by the author's examination of the limitation of the China-Russia business partnership in Russia itself; the author also presents an original comparative analysis of the Chinese direct investments in Russia and vice versa. Finally, the author attempts to verify the hypothesis about the positive perspectives of the Russia-China economic partnership outside of the post-soviet space. The author claims that the lack of such a cooperation between Russian and Chinese TNCs in Africa or Latin America illustrates the power of political limiting factors, rather than the absence of mutual interest of the parties.

KEYWORDS: *Eurasian Economic Union, foreign trade, direct foreign investments, Russian multinational corporations, Chinese multinational corporations*

FOR CITATION: Kuznetsov A.V. (2017). Limits of Interaction between Russian and Chinese Business in the Countries of the Eurasian Economic Union. *Outlines of*

global transformations: politics, economics, law, 10 (5). 15-29. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-15-29

Экономическая конкуренция России и Китая в Центральной Азии обсуждается уже довольно давно (Лузянин, 2010). Актуальность этой темы только возросла с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который позиционируется как долгосрочный перспективный интеграционный проект на постсоветском пространстве, а также в связи с активизацией усилий КНР по практической реализации концепции «Экономического пояса Шёлкового пути» (ныне в рамках концепции «Один пояс – один путь»). Формально лидеры России и Китая в мае 2015 г. объявили о сопряжении строительства ЕАЭС и «Экономического пояса Шёлкового пути», однако эксперты говорят не только о возможностях взаимодействия России и Китая, но и об обострении соперничества двух крупных держав (Салицкий, Семенова, 2014; Лукин и др., 2016; Скриба, 2016).

В этой статье мы делаем акцент на относительно менее изученных аспектах данной проблемы. Во-первых, в географическом плане нами рассматривается не столько популярная у большинства экспертов Центральная Азия, сколько именно ЕАЭС. Причем не только Казахстан и Киргизия, но и Армения и Белоруссия (последняя особенно важна в связи с ростом интереса КНР к экспансии в Восточной Европе), а также сама Россия. Во-вторых, мы уделяем повышенное внимание не политико-экономическим факторам¹, а инвестициям компаний, в том числе частных, причем вопросы взаимо-

действия и конкуренции российских и китайских ТНК нами рассматриваются не только в привязке к странам ЕАЭС. В этой связи нами проверяется гипотеза о жизнеспособности российско-китайского экономического взаимодействия за пределами постсоветского пространства, поскольку отсутствие кооперации российских и китайских ТНК в других регионах мира, скорее, может свидетельствовать лишь о вынужденном, обусловленном политическими факторами характере сотрудничества в странах ЕАЭС.

Современная роль Китая во внешнеэкономических связях ЕАЭС

По мере роста экономической мощи Китая его роль во внешнеэкономических связях большинства стран мира быстро растет. Не стали исключением и страны ЕАЭС. Например, российский товарный экспорт в Китай вырос более чем в 7 раз с 2000 по 2013 г. – с 5,2 млрд долл. до 37,5 млрд долл. При этом доля КНР в российском экспорте увеличилась с 5,1% до 7,1%. Одновременно российский товарный импорт из Китая вырос в 56 раз (!) – с 0,9 млрд долл. до 53,2 млрд долл. В итоге доля КНР в российском импорте увеличилась с 2,8% до 16,9%, причем знак сальдо торгового баланса поменялся. В целом доля Китая во внешнеторговом обороте России выросла за 13 лет с 4,5% до 10,8%. В 2014–2016 гг. объем экспорта и импорта сильно сократился – соответственно до 28,0 млрд долл. и 38,1 млрд долл. При этом удельный вес КНР, однако, продолжил увеличиваться – до 9,8% в экспорте России, 20,9% в импор-

¹ Такой подход довольно распространен (Михеев и др., 2015).

Таблица 1. Место Китая в географии внешней торговли стран ЕАЭС в 2016 г.

Показатель		Россия	Казахстан	Белоруссия	Армения	Киргизия
Всего	экспорт, млрд долл.	287,58	36,74	23,53	1,79	1,58
	импорт, млрд долл.	183,31	25,37	27,61	3,22	4,00
	оборот, млрд долл.	470,89	62,11	51,14	5,01	5,58
	доля в обороте, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Страны ЕАЭС	экспорт, млрд долл.	26,80	3,93	11,38	0,39	0,45
	импорт, млрд долл.	14,49	9,86	15,38	1,06	1,63
	оборот, млрд долл.	41,29	13,79	26,76	1,45	2,08
	доля в обороте, %	8,8	22,2	52,3	28,9	37,3
Россия	экспорт, млрд долл.	X	3,65	10,29	0,38	0,18
	импорт, млрд долл.	X	9,56	15,25	0,96	1,03
	оборот, млрд долл.	X	13,21	25,54	1,34	1,21
	доля в обороте, %	X	21,3	49,9	26,7	21,7
Прочие страны	экспорт, млрд долл.	260,78	32,81	12,15	1,40	1,13
	импорт, млрд долл.	168,82	15,51	12,23	2,16	2,37
	оборот, млрд долл.	429,60	48,32	24,39	3,56	3,50
	доля в обороте, %	91,2	77,8	47,7	71,1	62,7
ЕС-28	экспорт, млрд долл.	130,67	18,68	5,66	0,48	0,07
	импорт, млрд долл.	69,87	5,69	5,52	0,71	0,25
	оборот, млрд долл.	200,55	24,37	11,18	1,19	0,32
	доля в обороте, %	42,6	39,2	21,9	23,8	5,7
Китай	экспорт, млрд долл.	28,02	4,23	0,47	0,10	0,08
	импорт, млрд долл.	38,11	3,67	2,13	0,34	1,47
	оборот, млрд долл.	66,13	7,90	2,60	0,44	1,55
	доля в обороте, %	14,0	12,7	5,1	8,8	27,8
Пятерка стран-лидеров вне ЕАЭС по торговому обороту	Китай	Италия	Украина	Китай	Китай	
	ФРГ	Китай	Китай	ФРГ	Швейцария	
	Нидерланды	Нидерланды	ФРГ	Иран	Турция	
	США	Швейцария	Польша	Грузия	Узбекистан	
	Италия	Франция	Велико-британия	Болгария	США	

Источники: Объемы экспортных поставок Росс/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/ 2016/12_180/I201612_8_5.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Объемы импортных поставок Российской Федерации из государств – членов ЕАЭС за 2016 г. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2016/12_180/I201612_9_5.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя торговля Республики Армения по странам. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2016/12_180/E201612_2_2.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя торговля Республики Беларусь по странам. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2016/12_180/E201612_2_3.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя торговля Республики Казахстан по странам. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2016/12_180/E201612_2_4.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя торговля Кыргызской Республики по странам. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2016/12_180/E201612_2_5.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя торговля Российской Федерации по странам. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2016/12_180/E201612_2_6.pdf (Дата обращения: 18.10.2017).

те России и 14,1% в целом в торговом обороте².

Похожие процессы происходят и в других странах ЕАЭС. Китай уже входит в тройку лидеров среди важнейших партнеров всех стран ЕАЭС (Таблица 1).

Только у Казахстана наблюдается положительное сальдо во внешней торговле с Китаем, что обусловлено масштабным экспортом сырья (в том числе с предприятий и с помощью транспортной инфраструктуры, находящихся под контролем китайских инвесторов). Тем не менее у Казахстана, как и у России, роль ЕС-28 в товарообороте намного больше – за счет того, что значительная часть экспортных поставок ориентирована по-прежнему на Запад, а также по причине более диверсифицированного масштабного товарного импорта из стран ЕС.

Притом что у остальных четырех стран ЕАЭС, включая Россию, отрицательное сальдо торговли с Китаем, наблюдается огромный разрыв между экспортом и импортом только у Киргизии. Он обусловлен среди прочего использованием этого государства в качестве транзита для поставки товаров в третьи страны, в том числе ЕАЭС. При этом собственный экспорт Киргизии за пределы постсоветских стран связан прежде всего с поставками золота (особенно в Швейцарию). Экспортная ориентация золоторудной промышленности, естественно, привлекает иностранные капиталовложения, однако компании из соседнего Китая по масштабам присутствия пока уступают канадским инвесторам (в отрасли действуют и другие иностранные фирмы, в том числе из стран ЕАЭС).

К сожалению, сказанное выше позволяет выявить два тренда, развитие которых пока является наиболее вероятным во взаимоотношениях с Китаем всех стран ЕАЭС, включая Россию. Во-первых, рост экспорта в Китай возможен прежде всего за счет наращивания поставок сырья и полуфабрикатов (например, путем развития производственной базы с помощью китайского капитала). Во-вторых, улучшение структуры импорта возможно главным образом при усилении транзитных функций постсоветских стран. Последнее можно обеспечить как благодаря чисто транспортным операциям, так и налаживанию выпуска продукции на предприятиях с китайским капиталом для дальнейших поставок на Запад (прежде всего в страны ЕС).

Что касается прямых инвестиций, то значение капиталовложений из России важно прежде всего для Белоруссии и Армении, тогда как из Китая – для Казахстана и Киргизии (Таблица 2). Особенно это заметно при расчете накопленных прямых инвестиций с учетом вложений через третьи страны, поскольку и китайские, и особенно российские и казахстанские ТНК нередко осуществляют капиталовложения через фирмы, зарегистрированные на Кипре, Виргинских (Брит.) островах и в иных подобных юрисдикциях. Такие подсчеты прямых инвестиций уже 6 лет делаются исследовательской командой ИМЭМО РАН (Кузнецов и др., 2017). Они показывают занижение реальных масштабов прямых инвестиций официальной статистикой более чем вдвое. При этом в Киргизии значение инвесторов из России и Китая (а также Канады) примерно сопостави-

2 Расчеты произведены по изданию: Россия в цифрах. 2017: Крат. стат. сб. 2017. С. 474, 479, 481. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf. (Дата обращения: 18.10.2017)

мо, ненамного от них отстает и Казахстан. В Армении прямых китайских инвестиций почти нет, тогда как относительно значимую роль играют инвесторы из нескольких стран ЕС, Ливана и США (во многом это представители армянской диаспоры).

В этой связи значение Китая для Киргизии оказывается куда более существенным благодаря кредитам. Так, по данным Минфина Кыргызской Республики, на конец 2016 г. внешний долг страны составил почти 3,8 млрд долл., в том числе перед Экспортно-импортным банком Китая – свыше 1,5 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2010 г. более чем в 10 раз (по сути, весь прирост госдолга Киргизии

связан с увеличением обязательств перед Китаем). Для сравнения: за тот же период долг Киргизии перед Россией сократился с 300 млн долл. до 270 млн, перед Азиатским банком развития вырос с 564 млн долл. до 568 млн, перед Международной ассоциацией развития (группа Всемирного банка) уменьшился с 649 млн до 618 млн долл., перед Японским банком международного сотрудничества снизился с 431 млн до 236 млн долл. и т.д.³ К 30 сентября 2017 г. внешний долг Киргизии приблизился к 4 млрд долл., причем на Экспортно-импортный банк Китая пришлось уже 1,63 млрд долл.⁴. Опыт других небогатых развивающихся стран показывает, что через какое-то время эти долги,

Таблица 2. Накопленные прямые инвестиции в странах ЕАЭС в конце 2016 г.

Страна – источник инвестиций	Россия		Казахстан		Белоруссия		Армения		Киргизия	
	млрд долл.	%								
Всего (данные ЮНКТАД)	379,0	100	129,8	100	19,0	100	4,6	100	5,1	100
Россия (данные ЦБ РФ)	X	X	3,0	2	3,8	20	1,2	26	0,2	4
Россия (данные ИМЭМО РАН)	X	X	8,2	6	8,5	45	3,4	74	0,9	18
Китай (данные ИМЭМО РАН)	8,2	2	21,5	17	0,6	3	0,0	0	0,9	17
Казахстан (данные ИМЭМО РАН)	2,9	0,8	X	X	0,1	0,5	0,0	0	0,6	12
Казахстан (данные Национального банка Казахстана)	1,2	0,3	X	X	0,0	0,1	0,0	0	0,3	6

Источники: UNCTAD. World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. 2017. URL: <http://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=1782> (Accessed: 18.10.2017); (Кузнецов и др., 2017, с. 8); Исходящие прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж по инструментам и странам-партнерам в 2014–2017 гг. (по состоянию на дату, по принципу направленности). Дата публикации – 06.09.2017. URL: https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/direct_investment/16-dir_inv.xlsx (Дата обращения: 18.10.2017); Состояние нетто-позиции по прямым инвестициям по направлению вложения по странам на 31 декабря 2016 г. URL: http://www.nationalbank.kz/cont/15ru_4q16.xlsx. (Дата обращения: 18.10.2017)

3 Структура государственного внешнего долга КР по состоянию на 31.12.2016 г. URL: http://www.minfin.kg/userfiles/ufiles/struktura_vneshnego_dolga31.12.2016.xls (Дата обращения: 18.10.2017)

4 Структура государственного внешнего долга КР на 2017 г. URL: http://www.minfin.kg/userfiles/ufiles/2017/struktura_vneshnego_dolga_na_30.09.2017.xls (Дата обращения: 18.10.2017)

скорее всего, придется конвертировать в прямые инвестиции китайских компаний – либо в сырьевых, либо в инфраструктурных предприятиях. Уже сейчас такая география внешнего долга Киргизии (40% приходится на КНР) в немалой степени определяет внешне-торговую ориентацию этой страны, несмотря на ее формальное членство в ЕАЭС. Китайские кредиты получают и другие страны ЕАЭС, в том числе Белоруссия и Армения, где присутствие прямых китайских инвесторов пока невелико.

Китайский фактор в конкуренции инвесторов в странах ЕАЭС

Значение китайских инвестиций в странах ЕАЭС постоянно растет. По расчетам ИМЭМО РАН, если в конце 2010 г. накопленные прямые капиталовложения из Китая в 5 странах ЕАЭС составили 17,3 млрд долл., то к концу 2016 г. они выросли до 31,3 млрд долл.⁵ Данные китайской статистики несколько иные⁶. Так, цифры по России у китайцев оказываются больше (видимо, за счет небольших проектов в восточных регионах страны), а по Казахстану – существенно меньше. Вероятно, последнее связано с проблемами учета инвестиций Trans-Asia Gas Pipeline Company, принадлежащей CNPC, в магистральные трубопроводы из Туркменинии (через Узбекистан) и непосредственно из Казахстана в Китай, а также со сложностью оценки вложений в ряд добывающих проектов через офшоры.

Вместе с тем пока отраслевая структура китайских прямых инвестиций достаточно примитивная, с креном в сторону нефтегазового сектора, других сырьевых отраслей и инфраструктурных проектов. Особенно это характерно для Казахстана и Киргизии (как, впрочем, и для не входящего в ЕАЭС соседнего Таджикистана). Несколько отличной выглядит структура китайских прямых инвестиций только в Белоруссии, где наряду с вложениями в недвижимость выделяется машиностроение. Крупнейшим проектом (инвестиции превысили 0,3 млрд долл.) стало создание китайской компанией Geely Automobile Holdings совместного предприятия по сборке легковых автомобилей, ориентированного прежде всего на сбыт на российском рынке. Сначала это была «отверточная» сборка, но к осени 2017 г. запущен завод, отвечающий требованиям ЕАЭС о минимальной локализации автомобильного производства. По сути, этот пример иллюстрирует конкуренцию стран – членов ЕАЭС за инвестиции, ориентированные на рынок всего интеграционного проекта, причем китайские ТНК выбирают не Россию, считающуюся более комфортной для ТНК с точки зрения общих условий для иностранных капиталовложений, а соседнюю Белоруссию, где власти могут обеспечить индивидуальное сопровождение крупных проектов.

Иногда российские ТНК не выдерживают конкуренции с китайскими инвесторами по причине использования последними нестандартных для западных ТНК стратегий. Например,

5 Расчеты исследовательской команды под руководством А.В. Кузнецова в рамках проекта «Мониторинг и анализ инвестиций в странах СНГ и Евразии» по заказу ЕАБР.

6 Пока доступны детальные данные на конец 2015 г. – 14 млрд долл. в России, 5 млрд долл. в Казахстане, 1 млрд долл. в Киргизии, почти 0,5 млрд долл. в Белоруссии и меньше 10 млн долл. в Армении. См.: The Belt and Road Initiative: Country Profiles. URL: <http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/The-Belt-and-Road-Initiative/The-Belt-and-Road-Initiative-Country-Profiles/obor/en/1/1X3CGF6L/1X0A36I0.htm> (Accessed: 18.10.2017)

в Киргизии построен крупный НПЗ Джунда в Кара-Балте именно на средства китайских инвесторов, поскольку они обеспечили объект также и квалифицированными кадрами из КНР, пока киргизская сторона не обучила своих специалистов. Этот довод оказался весомее, чем отсутствие сырья, которое теперь поступает с перебоями (тогда как приход российского инвестора дал бы сразу стабильные поставки сырой нефти из России или Казахстана). Еще один НПЗ в Киргизии в последние годы также построили китайцы (в Токмоке). Кстати, не исключено, что таким способом китайцы стремились закрепить в нефтепереработке всего ЕАЭС – за счет страны, где эта отрасль была не развита.

В то же время во многих нишах, особенно в сфере услуг, российские и западные ТНК вообще не встречают китайской конкуренции. В частности, китайские прямые инвестиции в банковском деле стран ЕАЭС незначительны, тогда как капиталовложения российских компаний (а иногда и инвесторов других стран ЕАЭС) довольно существенны. Так, лишь в двух странах ЕАЭС – России и Казахстане – действуют китайские банки Bank of China и Industrial & Commercial Bank of China. Собственные средства их дочерних банков на конец 2016 г. в России составили соответственно 101 млн и 93 млн долл., а в Казахстане – 72 млн и 51 млн долл. (кроме того, летом 2017 г. подписано соглашение о продаже 60% акций казахстанского «Алтын Банк» консорциуму China CITIC Bank Corporation и China Shuangwei Investment Co). В результате в России китайские банки не только не идут ни в какое сравнение с ведущими отечественными банками, а также такими европейскими гигантами, как «ЮниКредит Банк» (Италия), «Райффайзенбанк» (Австрия) или «Росбанк» (Франция), но и оказываются

сопоставимы с подконтрольным казахстанскому капиталу «Москоммерцбанком» (собственный капитал этой дочерней структуры «Казкоммерцбанка» в конце 2016 г. составил 60 млн долл.). В России действуют также и менее крупные казахстанские, а также белорусские и армянские банки. В Казахстане два китайских банка в сумме почти вдвое уступают по масштабам прямых инвестиций российским банкам – «Сбербанку», «Группе ВТБ» и «Альфа-Банку», конкурентами которых выступают прежде всего местные банки, а также ряд западных банков и дочерних структур банков из азиатских мусульманских стран. В Белоруссии крупнейшими российскими банками являются «Внешнеэкономбанк», «Газпромбанк», «Сбербанк», «Группа ВТБ» и «Альфа-Банк» (в совокупности их прямые инвестиции превышают 0,7 млрд долл.). В Киргизии действуют три крупных казахстанских банка – «АТФ-Банк», «БТА Банк» и «Халык Банк». В Армении действуют российская «Группа ВТБ» (собственный капитал – 78 млн долл.) и еще ряд менее значимых банков (нередко представленных россиянами из армянской диаспоры).

Китайских ПИИ нет пока в телекоммуникационном бизнесе стран ЕАЭС, тогда как российские ТНК входят в число важнейших игроков на рынках всех этих государств. При этом в Белоруссии российская «МТС» конкурирует с операторами, подконтрольными австрийскому и турецкому капиталу, а в Казахстане VEON (российско-норвежская компания, до 2017 г. носившая имя VimpelCom) – в основном с операторами, принадлежащими скандинавским инвесторам. Рынок Армении поделен между «МТС» и VEON, с которыми конкурирует только дочерняя структура французской Orange. На рынке Киргизии в основном соперничают операторы, подкон-

трольные российским и казахстанским инвесторам.

Курс на евразийскую экономическую интеграцию стран ЕАЭС воспринимается, по крайней мере российским бизнесом, как позитивный фактор для принятия решения об инвестировании в те государства, которые в ней участвуют. Не случайно в 2016 г. именно во всех странах ЕАЭС, в отличие от большинства постсоветских государств, оставшихся за бортом данного интеграционного проекта, росли накопленные российские прямые инвестиции (Кузнецов и др., 2017, с. 24). Однако прогнозировать дальнейший рост взаимных инвестиций в рамках ЕАЭС было бы преждевременно. Во-первых, неблагоприятная экономическая конъюнктура подрывает финансовые возможности постсоветских ТНК для зарубежных инвестиций – не случайно в 2016 г. российские ТНК продолжили распродажу части своих зарубежных активов. Во-вторых, в некоторых странах стараются не допустить иностранных (прежде всего российских) инвесторов в стратегически важные отрасли экономики. В качестве иллюстрации обычно называют несостоявшуюся приватизацию компании «Беларуськалий», но подобные примеры есть и в странах Центральной Азии (Квашнин, 2016).

Таким образом, за исключением Киргизии (которая по масштабам накопленных китайских прямых инвестиций превосходит соседние Узбекистан и Таджикистан) и сырьевых секторов Казахстана, китайский фактор в конкуренции инвесторов до сих пор менее значим, нежели западноевропейский. Однако в случае Армении представители ЕС действуют по шаблону, полагаясь на стратегию, выработанную в рамках «Восточного партнерства» и апробированную на примере Украины, – выдвигать много претензий к инвестиционному климату страны и

ждать его улучшения, поскольку Армения пока не отвечает стандартам ЕС для полномасштабного сотрудничества в инвестиционной сфере (Mamikonyan, Lewandowski, 2016). В таких условиях с учетом решения Армении присоединиться к ЕАЭС для российских ТНК особой угрозы со стороны конкурентов из ЕС нет (хотя, действительно, имеющиеся проблемы с инвестиционным климатом, естественно, надо преодолевать). По Белоруссии ситуация несколько сложнее. Существует довольно много работ по белорусскому инвестиционному климату. В некоторых публикациях ставится довольно точный диагноз специфике прямых иностранных инвестиций в стране, например доминирование капиталовложений, ориентированных на внутренний рынок, а не на экспорт (что плохо для долгосрочной устойчивости развития небольшой Белоруссии), а также высокая роль их непродуктивных типов, в частности вложений в недвижимость (Петрушкевич, 2017). Однако белорусских экспертов закономерно беспокоит абсолютное доминирование российских ТНК, поскольку помимо отраслевой диверсификации иностранных капиталовложений перед любой страной встает задача и их географической диверсификации. При этом, скорее всего, альтернативой российским все-таки станут западноевропейские ТНК, хотя контакты с китайцами (впрочем, как и с другими азиатами) белорусская сторона только приветствует.

Есть ли сотрудничество российских и китайских ТНК вне ЕАЭС и КНР?

В последнее время постоянно появляются сообщения о новых китайских проектах в России. Среди последних сделок можно выделить прежде

всего продажу за примерно 1,1 млрд долл. 20%-ной доли ПАО «Верхнечонскнефтегаз» компанией «Роснефть» китайскому инвестору Beijing Gas Group Company Limited (договор подписан в ноябре 2016 г., сделка закрыта в июне 2017 г.). Следует также отметить приобретение в 2015-м и 2016 г. по 10% акций нефтехимической компании ПАО «Сибур Холдинг» в сумме за более чем 2,5 млрд долл. соответственно Sinorec и Silk Road Fund. Еще один сверхкрупный проект с миноритарным китайским прямым инвестором – «Ямал-СПГ», где CNPC принадлежит 20% и она уже вложила начиная с 2013 г. порядка 2,5 млрд долл. В целом, по данным Министерства коммерции КНР, на конец 2016 г. объем накопленных китайских прямых инвестиций в России составил 9,5 млрд долл., что почти в 10 раз больше российских прямых капиталовложений в КНР⁷ (Торгпредство РФ в КНР, 2017). При этом ряд ведущих российских ТНК уже запустил начальные фазы долгосрочных крупных проектов, таких, как строительство НПЗ в Тяньцзине компанией «Роснефть». Тем не менее за пределами двусторонних инвестиционных связей сотрудничества российских и китайских компаний почти нет. На наш взгляд, это обусловлено либо разной мотивацией к прямому инвестированию за рубежом и применяемыми ТНК двух стран стратегиями заграничной экспансии, либо серьезной конкуренцией за освоение ресурсов или завоевание рынков в отсутствие больших возможностей для стратегических альянсов (например, ради технологической кооперации или обмена опытом по работе на данном рынке).

Большая часть как российских, так и китайских прямых инвестиций в стра-

нах Центральной Азии пока сосредоточена в нефтегазовом секторе. При этом как раз только в Казахстане есть примеры совместного российско-китайского сотрудничества в освоении ресурсов – в настоящее время северную часть месторождения Кумколь на паритетных началах (в рамках деятельности «Тургай Петролеум») осваивают ведущая частная ТНК России «Лукойл» и китайская CNPC (через канадскую дочернюю структуру PetroKazakhstan). С 2009 г. «Лукойл» был также совладельцем компании Caspian Investment Resources, продав в 2015 г. свой 50%-ный пакет китайскому партнеру Sinorec. Если посмотреть на довольно обширную географию зарубежного бизнеса по разведке и добыче углеводородов у компании «Лукойл», которая в настоящее время включает также Азербайджан, Узбекистан, Ирак, Египет, Норвегию, Румынию, Камерун, Нигерию, Гану и Мексику, там можно увидеть большой перечень партнеров. Помимо местных (обычно государственных компаний) среди них ТНК из США, нескольких стран ЕС, Норвегии, Японии, Турции, даже Малайзии и Ирана, но не Китая. Обычно это связано со стремлением российского инвестора получить опыт бурения на глубоководном шельфе или в других сложных либо нетипичных для России геологических условиях, а подобные технологии китайские партнеры предложить не могут. «Газпром» при освоении зарубежных месторождений также сотрудничает с местным бизнесом и ТНК третьих стран, но только германскими, итальянскими и французскими, а отнюдь не китайскими компаниями. Кооперация российского гиганта с компаниями из ЕС имеет свои корни в многолетнем сотрудни-

7 Торгпредство РФ в КНР. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество. 2017. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/cn-cooperation/investment> (Дата обращения: 18.10.2017)

честве по развитию трубопроводов из России в ЕС и соответствующего сбытового хозяйства (подземные газохранилища и др.). Похожая ситуация и у «Роснефти». Как известно, Китай лишь недавно стал рассматриваться российскими компаниями как частичная замена рынков в ЕС.

Большое количество сырьевых компаний-гигантов у России, которые объективно склонны к интернационализации своего бизнеса, равно как и стремление Китая установить контроль над сырьем за рубежом с помощью китайских капиталовложений, обуславливают рост прямых инвестиций обеих стран в самых разных отраслях в развивающихся государствах. Однако, например в сфере добычи урана, импорт которого важен для дальнейшего развития атомной энергетики и в России, и в Китае, наблюдаются явно не пересекающиеся стратегии экспансии (Корендясов, 2013). Так, в 2007 г. подконтрольная государству китайская Sino-U создала свое первое зарубежное совместное горнодобывающее предприятие – в Нигере. При этом помимо местного капитала партнерами китайской урановой компании выступают южнокорейские и австралийские фирмы. В то же время российский «Газпромбанк» (через свой сырьевой холдинг GPB Global Resources) вошел в проекты в Нигере в начале 2011 г., получив две лицензии на разведку и добычу урана на участках Тулук-2 и Тулук-4 вблизи города Агадес. Остальные зарубежные проекты в урановом секторе реализует входящая в «Росатом» компания «Атомэнергопром» – в Казахстане, Танзании и США.

В черной и цветной металлургии, алмазной и некоторых других отраслях Россия и Китай выступают, скорее, как конкуренты. Безусловно, отдельные прямые инвестиции на территории страны-соседа имеются. Так, «РУСАЛ»

уже десяток лет владеет катодными заводами в провинции Шаньси стоимостью несколько десятков миллионов долларов, а китайское общество «Лунсин» (принадлежит китайской Zijin Mining Group) в 2015 г. запустило полиметаллический Кызыл-Таштыгский горнообогатительный комбинат в Туве, вложив почти за 10 лет строительства около 0,3 млрд долл. Вместе с тем российские ТНК предпочитают, в случае выбора партнеров для освоения зарубежных месторождений или дальнейшей переработки сырья, местные либо западные компании. Например, «РУСАЛ» в 2007 г. заметно расширил свое зарубежное присутствие в алюминиевом бизнесе, объединив свои активы с глиноземным подразделением швейцарской Glencore, причем в ряде проектов у него были европейские партнеры. Правда, например, на Ямайке в 2011 г. 35%-ная доля норвежской Norsk Hydro была выкуплена, а уже через 5 лет все 100% акций боксито-глиноземного комплекса Alpart российский инвестор, испытывавший финансовые трудности, продал китайскому конкуренту JISCO почти за 0,3 млрд долл. Явно не планируется кооперация российских и китайских компаний на рынках драгоценных и полудрагоценных камней. Скорее, российская «АЛРОСА» пытается реализовать собственную стратегию по укреплению на рынке КНР, в том числе создав во Владивостоке осенью 2016 г. Евразийский алмазный центр (причем к работе на российском Дальнем Востоке уже проявили интерес индийские и южноафриканские инвесторы), а также расширяя свое присутствие на рудниках Анголы (помимо местной компании ее партнером выступает португальский бизнес).

В отраслях обрабатывающей промышленности часто нет возможности для реального сотрудничества ТНК двух стран по причине разного уровня

развития производства в России и Китае – хорошей иллюстрацией служит производство электроники и электротехники, где действует сразу несколько ведущих китайских ТНК (UNCTAD, 2017, annex table 25). Однако и в автомобилестроении, химической индустрии или лесопромышленном комплексе не наблюдается совместного инвестиционного освоения третьих стран (при этом что примеры потоков прямых инвестиций между Китаем и Россией имеются). Не происходит такого сотрудничества и в сфере услуг, хотя как российские, так и китайские бизнес-структуры основывают за рубежом банки, развивают компании мобильной телефонной связи, строят транспортные коридоры (Кузнецов и др., 2016; Cui, Shi, Wang 2016). Лишь отчасти это связано с готовностью китайского бизнеса (в отличие от западных, да и российских ТНК) вкладывать средства в политически нестабильных странах при низкой инвестиционной привлекательности отраслей – например, в сельское хозяйство, примитивные отрасли обрабатывающей промышленности, сооружение инженерной инфраструктуры (Ayodele, Sotola, 2014; Chen et al., 2016). При этом китайцы снабжают местных партнеров долгосрочными кредитными ресурсами, а при необходимости обеспечивают свой инвестиционный проект и китайской рабочей силой, тогда как аналогичная стратегия просто недоступна российским компаниям. Есть, однако, примеры и прямой конкуренции: например, в Пакистане между российско-норвежской компанией VEON со штаб-квартирой в Нидерландах (до начала 2017 г. VimpelCom) и подконтрольной государству китайской компанией China Mobile с регистрацией в Гонконге.

Более того, речь идет не только об отсутствии больших возможностей для сотрудничества китайских и рос-

сийских ТНК в развивающихся странах. Ведь китайские ТНК все чаще пытаются выйти со своими инвестициями в страны ЕС (Hanemann, Huotari, 2016), где российские ТНК активно инвестируют средства уже больше десятилетия. Тем не менее примеров кооперации (в том числе по преодолению политически мотивированного протекционизма) пока между ними не наблюдается. Если не рассматривать капиталовложения в недвижимость, то среди российских инвестиций в ЕС наиболее заметны проекты в сталелитейной промышленности и нефтепереработке, где партнерами российских ТНК нередко выступают западные компании, а китайские инвестиции сосредоточены прежде всего в машиностроении и других отраслях, где возможен доступ к передовым технологиям. В этой связи наиболее интересным представляется пример итальянского производителя шин Pirelli. Еще в 2011 г. эта компания обзавелась первым совместным с госкорпорацией «Ростех» производственным предприятием в России, а в 2012 г. купила второй завод в стране. В свою очередь, в 2014 г., когда уже разворачивалась «война санкций», подконтрольная государству «Роснефть» купила 13,1% акций итальянской ТНК, дав старт новому сотрудничеству России и Италии в шинной отрасли (причем были даже планы не ограничиваться кооперацией в торговле и новыми производствами в России, организовав совместное предприятие в Армении). При этом уже в 2015 г. контроль над Pirelli установила китайская ChemChina, купив свыше 63% акций, причем первые 13,1% акций она купила, как и «Роснефть», через приобретение половины акций совладельца шинного гиганта – фирмы Samfin. Однако, если при покупке 13,1% акций «Роснефтью» россияне получили сразу несколько мест в совете директоров

Pirelli, то после поглощения итальянской ТНК подконтрольной государству китайской компанией представителей российского бизнеса в совете директоров Pirelli вскоре не осталось. Хотя при этом председатель правления российской ТНК И.И. Сечин назвал сделку с китайцами «уникальным примером нового евразийского бизнес-мышления»⁸ (Сечин, 2016).

По-видимому, при всей шумихе в СМИ относительно конфликта России и Запада культурно-историческая близость россиян и других европейцев перевешивает разрыв в традициях ведения бизнеса, выстраивании «социального капитала» между российскими и китайскими предпринимателями.

Таким образом, взаимодействие российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС, скорее всего, обусловлено в первую очередь политическими факторами. Это не значит, однако, что оно бесперспективно – политическое сближение России и Китая в условиях высокой роли у обеих стран национальных ТНК, подконтрольных государству, может способствовать реализации совместных проектов в странах ЕАЭС. Однако в долгосрочном плане, скорее, можно ожидать интенсификации российско-китайских инвестиционных связей (с преобладанием китайских капиталовложений в России, поскольку обычно популярный у ТНК мотив снижения трудовых издержек является в данном случае второстепенным). Примеры совместного освоения рынков Казахстана или Киргизии останутся единичными на фоне постепенного усиления именно китайского присутствия. В то же время в Армении и

Белоруссии позиции российских ТНК еще долго будут оставаться устойчивыми, а основное конкурентное давление продолжит исходить от ТНК западных стран, прежде всего из ЕС.

Список литературы

Корендясов Е.Н. (2013). Битва за уран в Сахаре и Сахеле. *Индекс безопасности*, (4). 61–70.

Квашнин Ю.Д. (2016). Взаимные прямые инвестиции на пространстве СНГ: проблемы, перспективы, уроки украинского кризиса. *Проблемы прогнозирования*, (2). 139–149.

Кузнецов А.В. (ред.) (2016). *Оптимизация инвестиционных связей современной России*. М.: ИМЭМО РАН. 120.

Кузнецов А.В. [и др.]. (2017). *Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ – 2017*. СПб.: ЦИИ ЕАБР. 60.

Лузянин С.Г. (2010). Россия и Китай в Центральной Азии и на Дальнем Востоке: конкуренция или сотрудничество? *Мир и политика*, (2). 24–37.

Лукин А.В. [и др.]. (2016). *Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад)*. М.: Научный эксперт. 130.

Михеев В.В., Швыдко В.Г., Луконин С.А. (2015). Китай – Россия: когда эмоции уместны? *Мировая экономика и международные отношения*, (2). 5–13.

Петрушкевич (2017). Международные потоки прямых инвестиций в Республике Беларусь: оценка характера и влияния на национальную экономику. *Белорусский экономический журнал*, (3). 58–79.

Салицкий А.И., Семенова Н.К. (2014). Россия и Китай на евразийском пространстве: стратегическое партнер-

8 См.: Сечин И.И. Надеюсь, нам удастся принять участие в воплощении в жизнь мечты Энрико Маттеи. Интервью газете «Il Sole 24 ore». URL: <https://www.rosneft.ru/press/today/item/182521/> (Дата обращения: 18.10.2017)

ство с элементами конкуренции. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*, (5). 69–78.

Скриба А.С. (2016). Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути: интересы участников и вызовы реализации. *Вестник международных организаций*, (3). 67–81.

Ayodele Th., Sotola O. (2014). China in Africa: An Evaluation of Chinese Investment. *IPPA Working Paper Series*. 20. URL: http://www.ippanigeria.org/articles/China%20-Africa%20relation_Workingpaper_final.pdf. (Accessed: 18.10.2017)

Chen W., Dollar D., Tang H. (2016). Why is China Investing in Africa? Evidence from the Firm Level. *CESifo Working Paper*, (5940). URL: <http://hdl.handle.net/10419/144975>. (Accessed: 18.10.2017)

Cui X., Shi P., Wang W. (2016). *The Top 20 Chinese Multinationals: Changes and Continued Growth of Foreign Investment*. URL: <http://ccsi.columbia.edu/files/2013/10/EMGP-China-Report-2016-FINAL-Oct-4-2016.pdf>. (Accessed: 18.10.2017)

Hanemann Th., Huotari M. (2016). *A New Record Year for Chinese Outbound Investment in Europe*. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/COFDI_2016/A_New_Record_Year_for_Chinese_Outbound_Investment_in_Europe.pdf. (Accessed: 18.10.2017)

Mamikonyan G., Lewandowski K (2016). EU-Armenia Cooperation within the Eastern Partnership and Its Impact on Armenian Economy. *Zeszyty naukowe politechniki Łódzkiej*, (1207). 119–129.

References

Ayodele Th., Sotola O. (2014). China in Africa: An Evaluation of Chinese Investment. *IPPA Working Paper Series*. 20. URL: http://www.ippanigeria.org/articles/China%20-Africa%20relation_Workingpaper_final.pdf. (Accessed: 18.10.2017)

Chen W., Dollar D., Tang H. (2016). Why is China Investing in Africa? Evidence from the Firm Level. *CESifo Working Paper*, (5940). URL: <http://hdl.handle.net/10419/144975>. (Accessed: 18.10.2017)

Cui X., Shi P., Wang W. (2016). *The Top 20 Chinese Multinationals: Changes and Continued Growth of Foreign Investment*. URL: <http://ccsi.columbia.edu/files/2013/10/EMGP-China-Report-2016-FINAL-Oct-4-2016.pdf>. (Accessed: 18.10.2017)

Hanemann Th., Huotari M. (2016). *A New Record Year for Chinese Outbound Investment in Europe*. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/COFDI_2016/A_New_Record_Year_for_Chinese_Outbound_Investment_in_Europe.pdf. (Accessed: 18.10.2017)

Korendyasov E.N. (2013). The Battle for Uranium in the Sahara and the Sahel. *Indeks bezopasnosti*, (4). 61–70.

Kuznetsov A.V. (ed.) (2016). *Optimization of investment links of modern Russian*. Moskva: IMEMO RAN. 120.

Kuznetsov A.V. [et al.]. (2017). *Monitoring of mutual investments in CIS countries – 2017*. SPb.: TsII EABR. 60.

Kvashnin Yu.D. (2016). Mutual direct investment in the commonwealth of independent states: Problems, prospects, and lessons of the Ukrainian crisis. *Problemy prognozirovaniya*, (2). 139–149.

Lukin A.V. [et al.]. (2016). *Chinese global project for Eurasia: setting the task (analytical report)*. Moskva: Nauchnyi ekspert. 130.

Luzyanin S.G. (2010). Russia and China in Central Asia and the Far East: competition or cooperation? *Mir i politika*, (2). 24–37.

Mamikonyan G., Lewandowski K (2016). EU-Armenia Cooperation within the Eastern Partnership and Its Impact on

Armenian Economy. *Zeszyty naukowe politechniki Łódzkiej*, (1207). 119–129.

Mikheev V.V., Shvydko V.G., Lukonin S.A. (2015). China – Russia: When Are Emotions Appropriate? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (2). 5–13.

Petrushkevich (2017). International Flows of Direct Investments to Belarus: assessment of their nature and impact on national economy. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal*, (3). 58–79.

Salitskii A.I., Semenova N.K. (2014). Russia and China in Eurasia: strategic partnership with elements of competition. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, (5). 69–78.

Skriba A.S. (2016). The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: players, interests and implementation challenges. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, (3). 67–81.

Информация об авторе

Алексей Владимирович Кузнецов, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, кафедра интеграционных процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

About the Author

Alexey V. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Department of Integration Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

Социальные трансформации

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46

Иван Юрьевич ЗУЕНКО

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
Пушкинская ул., 89, Владивосток, Приморский край, 690000, Российская Федерация
ivanzuwei@gmail.com

Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае

АННОТАЦИЯ. В работе анализируется одна из важнейших тенденций в развитии политического процесса в КНР в период между 18-м и 19-м съездами Коммунистической партии Китая (2012–2017 гг.), связанная со стремлением нынешнего лидера страны поставить во главе регионов лояльное ему руководство. Положение в регионах к 2012 г. характеризовалось доминированием сил, потенциально оппозиционных Си Цзиньпину и его «фракции». Именно это вызвало наблюдаемое сопротивление региональных элит политике Си в социально-экономической сфере, определяющее ее низкую эффективность. Как следствие, стремясь укрепить «вертикаль власти» и обеспечить в регионах поддержку своему курсу, нынешнее руководство страны осуществило масштабную антикоррупционную чистку и инициировало смену региональных лидеров, используя существующую практику ротации руководящих кадров. Активизация данного процесса пришлась на 2015–2017 гг. В основном к 19-му съезду КПК, запланированному на октябрь 2017 г., постав-

ленная задача была решена. В руководство китайских регионов пришли новые люди, представляющие ряд ранее не выделявшихся группировок и фракций, которые объединяет лояльность нынешнему лидеру страны. Это позволяет Си Цзиньпину рассчитывать на более эффективную реализацию своих политических установок в следующие пять лет его правления и в перспективе укрепление режима единоличной власти параллельно с отходом от практики коллективного руководства.

Работа написана на основе широкого круга источников, представляющих официальные документы ЦК КПК и региональных органов власти, статистические и биографические данные. Для раскрытия темы разъясняются принципы ротации руководящих кадров и организации гражданской администрации в современном Китае. Это делает работу интересной не только с точки зрения мониторинга текущего политического процесса в Китае, но и позволяет рассматривать ее как вклад в отечественную литературу по

проблемам организации и функционирования политической системы в КНР. Научно-аналитическая работа по проблематике смены регионального руководства в КНР при Си Цзиньпине публикуется в отечественной историографии впервые.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, политика, Си Цзиньпин, Коммунистическая партия Китая, китайские регионы,*

Северо-Восточный Китай, региональная власть, бюрократия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зуенко И.Ю. (2017). Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 30-46. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46

Social Transformations

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46

Ivan Yu. ZUENKO

Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

89, ul. Pushkinskaya, Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation, 690000

ivanzuwei@gmail.com

Strengthening of “Power Vertical”: Allocation and Promotion of Regional Leaders in Modern China

ABSTRACT. *The article is dedicated to the one of the most important trends in current political process in China in period between 18th and 19th Communist party of China national congresses (2012–2017). The trend is characterized with the desire of current national leader Xi Jinping to provide support of regions by appointment of loyal regional leaders. That can be explained by the situation before 2012 when most of regional leaders were potentially opposite to Xi Jinping and his “faction”. It led to resistance to Xi’s policy in social and economic spheres and made Xi’s measures not so effective. As result, to strengthen “power vertical” (term referred to Russia initially but fit to China’s realities as well) current Xi Jinping ini-*

tiated large-scale anti-graft campaign and change of regional leadership using practice of officials rotation. This process began after 2012 but culminated in 2015–17. Finally, before 19th CPC National Congress in October, 2017, the task has been fulfilled. Regional leadership in China now includes new leaders representing a row of new “factions” and “cliques” united by their loyalty to Xi Jinping. It lets Xi hope for more effective realization of his political course during next five years, as well as strengthening of his personal power at the expense of “collective leadership” practice. The article uses wide range of original sources representing official documents of Communist party of China Central Committee and regional

governments, statistical and biography materials. It is first publication on the topic of regional leadership change under rule of Xi Jinping in Russian academic science.

KEYWORDS: *China, politics, Xi Jinping, Communist party of China, Chinese regions, North-Eastern China, regional government, bureaucracy*

FOR CITATION: Zuenko I. Yu. (2017). Strengthening of “power vertical”: allocation and promotion of regional leaders in modern China. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 30-46. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46

Десятилетие, предшествовавшее избранию Си Цзиньпина на пост генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая, было ознаменовано нахождением у власти т.н. «четвертого поколения руководителей»¹ (функционеры 1940-х гг. рождения, окончившие вузы и начавшие трудовую деятельность до начала «культурной революции»). В руководстве высших органов КПК осталось сильное влияние занимавшего пост генсека ЦК КПК в 1989–2002 гг. Цзян Цзэминя и его ставленников², а сам он до 2004 г. сохранял за собой ключевой пост председателя Военного совета ЦК КПК. Десятилетие 2002–2012 гг. характеризуется сосуществованием двух тенден-

ций. С одной стороны, Китай пожинал плоды успешного экономического развития 1990-х гг. и осуществил целый ряд успешных проектов, укрепивших его статус одного из мировых лидеров (запуск в космос первого тайкунавта в 2003 г., Олимпиада в Пекине в 2008 г., Всемирная выставка в Шанхае в 2010 г., Азиатские игры в Гуанчжоу в 2010 г.). С другой стороны, руководство партии и страны избегало радикальных мер в решении назревших вопросов социально-экономического и политического развития страны, что в отдельных сферах (неэффективность госсектора, рост долгов местных правительств и корпоративного сектора, экология, коррупция) привело к серьезному кризису. Оценок периода правления Ху Цзиньтао как времени нарастающего системного кризиса придерживаются многие известные отечественные и зарубежные эксперты³.

В политическом процессе для данного периода оказалась характерна консервация существовавших практик (как официальных, так и негласных). Благодаря этому к 2012 г. система выглядела достаточно предсказуемо для наблюдателя: особенно в части подходов к трансферу власти, иерархии номенклатуры, ротации кадров и «поддержанию стабильности»⁴. При этом анализ данных о реализации стратегических установок Чжуннаньхая⁵ по-

1 Подробнее о концепции «поколений руководителей КНР» см.: (Li, 2016a; Li, 2016b; Румянцев, 2016).

2 К их числу относят являвшихся членами Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Цзэн Цинхуна, Цзя Цинлина, Хуан Цзюя, Ло Ганя и др. См. подробнее: (Lampton, 2014, p. 173; Li, 2016a, p. 258–261).

3 См.: (Денисов, 2015), а также: Габуев А.Т. Вперед к застою. Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2235270> (Дата обращения: 01.10.2017); Денисов А.И. У России не было той же возможности, что и у Китая. Lenta. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/10/24/ambassador> (Дата обращения: 01.10.2017); Паал Д. К концу правления Ху Цзиньтао коррупция достигла ужасных размеров. Коммерсант. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3096246> (Дата обращения: 01.10.2017).

4 Имеется в виду система «вэйвэнь» (维稳) – «поддержание стабильности», заключающаяся в применении комплекса тактических мер по предотвращению протестных проявлений и террористических угроз вместо коренных социально-экономических реформ. Применение данной системы создавало иллюзию благополучия Китая в сфере безопасности и способствовало тому, что чиновники на местах предпочитали замалчивать проблемы, чем их решать. См. также: Денисов И.Е. Великая антитеррористическая стена. Lenta. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/06/11/chinesesecurity/> (Дата обращения: 01.10.2017).

5 Резиденция высшего руководства КНР и КПК в центре Пекина в переносном смысле может означать высшее китайское руководство (сродни «Кремль» для обозначения руководства России, «Белый дом» – США, и т.д.).

зволюло характеризовать систему политической власти и управления в КНР как громоздкую, не всегда эффективную бюрократическую машину, в которой партийный аппарат сращен с административным, существует дублирование функций и целый ряд номинальных, не обладающих реальной политической властью или административными функциями ведомств (Гудошников, 2004; Bergsten et al., 2008, p. 121).

Регионы страны, объединенные в огромные по размерам и населению провинции, оказались в положении, когда Центр не имел иных действенных рычагов воздействия на них, кроме ротации местного руководства, и при этом в условиях дефицита бюджетных средств продолжал требовать от них формального выполнения установок Центра⁶. Повсеместно это привело к ситуации, когда установки Центра превращались не более чем в некое «пожелание, но никак не в конкретное указание к действию» (Bergsten et al., 2008, p. 122). Ключевое значение приобрела личная лояльность регионального лидера своему патрону в Центре. Иными словами, на первые роли вышел фактор принадлежности регионального руководства к той или иной группировке или условной фракции внутри партийной элиты.

Эпоха, начавшаяся в Китае в 2012 г., ознаменована приходом к власти представителей так называемого «пятого поколения руководителей» (лица 1950-х гг. рождения, юность которых при-

шлась на период «культурной революции»). Си Цзиньпин был избран на должность генерального секретаря ЦК КПК и председателя Военного совета ЦК КПК, а позднее стал председателем КНР, то есть занял высшие посты в правящей партии и государстве. Занявший пост премьера Госсовета Ли Кэцян, как считается, являлся ставленником Ху Цзиньтао и возглавляемой им группировки выходцев из китайского комсомола⁷ (Li, 2016a, p. 28–292) (подробнее о концепции фракционного дуализма – см. ниже).

Таким образом, в отличие от тандема Ху – Вэнь, где оба руководителя являлись партнерами и единомышленниками, лидеры «пятого поколения руководителей» – Си и Ли – оказались в состоянии соперничества. В этих условиях ключевыми фигурами в команде Си Цзиньпина стали председатель Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК Ван Цишань (1948 г.р.), Ли Чжаньшу (1950 г.р., глава Канцелярии ЦК КПК) и Чжао Лэцзи (1957 г.р., глава Орготдела⁸ и секретарь ЦК КПК) (Neilmann, 2016, p. 20).

Наблюдателями выделяется ряд условных группировок, объединенных вокруг Си Цзиньпина и отражающих его видение будущего Китая: это так называемая «новая чжэцзянская армия» (или «чжэцзянская клика»), сформированная из его сослуживцев по парткому провинции Чжэцзян (Lam, 2016b)⁹, «шэньсийская группиров-

6 Зуенко И.Ю. Как китайские регионы залезли в долги, и что это означает для России. Российский совет по международным делам: официальный сайт. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-kitayskie-regiony-zalezli-v-dolgi-i-chto-eto-oznachaet-dlya-rossii/> (Дата обращения: 01.10.2017)

7 «Комсомольская группировка» («туаньпай» 团派) – предполагаемая фракция внутри КНР, объединяющая номенклатуру, имеющую опыт работы в китайском комсомоле, в т.ч. под руководством Ху Цзиньтао в бытность его первым секретарем этой организации. Как считается, «комсомольцы» составляют «популистскую фракцию» и отражают интересы регионов страны, в т.ч. отстающих в экономическом развитии.

8 В нынешней конфигурации власти ключевое значение имеют Канцелярия ЦК КПК, ответственная за повседневное администрирование и документооборот высших органов партии, а также Организационный отдел Секретариата ЦК КПК (в тексте – Орготдел), ответственный за кадровые назначения в центральных органах и региональных комитетах КПК.

9 См. также: Horbny L.T. Mitchell. Xi Jinping moves to cement power with 'New Zijiang Army'. *The Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/7bf7e650-a95a-11e6-809d-c9f98a0cf216> (Accessed: 01.10.2017)

ка», объединяющая выходцев из родной для клана Си провинции Шэньси, а также чиновников, работавших под руководством Чжао Лэцзи в шэньсийском парткоме (Li, 2014), «группировка Ван Цишаня», к которой близки кадры, сделавшие карьеру на волне антикоррупционной кампании (Lam, 2016a), «военно-космическая фракция», в которую включаются выходцы госкомпаний, занимающихся аэрокосмической программой НОАК (Lam, 2013).

В целом, если в 2012 г. Си считался фигурой, равноудаленной от двух основных противоборствующих фракций («комсомольцев» и «шанхайцев»), то за пятилетие его нахождения на высших постах в партии и государстве стало очевидно, что вокруг него формируется его собственная «фракция», которую Чэн Ли обозначает термином «элитисты»¹⁰ (Li, 2016a). При этом к началу периода 2012–2017 гг. в региональных организациях КПК и местном руководстве сильнее были позиции фракции «комсомольцев» (Чэн Ли также обозначает их термином «популисты») (Li, 2016a, p. 29). Подобный расклад сил вынудил Си Цзиньпина использовать ротацию руководящих кадров для укрепления своих позиций в регионах и ослабления потенциально оппозиционной ему фракции «комсомольцев».

Данная статья посвящена тому, как именно осуществлялся этот процесс. Целью работы является раскрытие механизма и динамики того, что нами по аналогии с российскими реалиями времен первого президентского срока В.В. Путина условно названо «укреплением вертикали власти» в китайском варианте, то есть установления контроля над региональным руководством с целью эффективной реализации политики Центра.

Для этого нами привлечен широкий круг источников, представляющих официальные документы, статистические и биографические данные, а также сделан ряд теоретических обобщений, касающихся фракционного подхода в изучении китайской политики и практики ротации руководящих кадров применительно к региональному аспекту.

Исходя из вышеизложенного статья разделена на три раздела, посвященных: 1) концепции фракционного дуализма; 2) практике ротации руководящих кадров в современной КНР; 3) анализу кадровых назначений в руководстве провинций КНР в 2012–2017 гг.

Концепция фракционного дуализма

Отдельного внимания заслуживает разъяснение того, какие теоретические подходы использовались нами при оценке текущей ситуации в политической элите Китая.

«Фракционная теория» является наиболее популярной концептуальной рамкой, позволяющей объяснять кадровые назначения в китайском руководстве. Согласно ей, вся высшая партийно-административная элита КПК делится на несколько группировок, объединенных по принципам землячеств (пример: «шэньсийская группировка», «клуб Сишань»), наличия общих студенческих связей (выходцы из Университета Цинхуа) или связей по месту работы в том или ином китайском регионе («шанхайская группировка», «новая чжэцзянская армия») / ведомстве («комсомольская группировка»).

Вопрос о характере взаимоотношений группировок между собой в си-

10 При этом Чэн Ли исходит из того, что «элитисты» представляют собой широкий альянс сил, объединенных вокруг Си Цзиньпина, а также Цзян Цзэминя.

лу недоступности достоверной информации о закулисе Чжуннаньская остается открытым. Однако очевидно, что тезис о борьбе двух антагонистических фракций (чаще всего в таком качестве выставляются «комсомольцы» и «шанхайцы»), которого придерживается, например, автор компилятивного текста по материалам гонконгской прессы Н. Вавилов¹¹, является примитивизацией сложного процесса. Компромиссным вариантом стала продвигаемая Чэном Ли концепция «одна партия – две фракции», согласно которой группы «популистов» и «элитистов» действительно олицетворяют два альтернативных друг другу взгляда на развитие партии и страны, но взаимодействие между ними носит характер не только соперничества, но и взаимодополнения. Тем самым они воплощают в себе идею о внутрипартийной демократии и конкуренции политических взглядов (Li, 2016a).

Иначе говоря, признавая неясность при существующей ограниченности источников характера взаимодействия фракций в нынешней КПК, я исхожу из того, что в китайской политической элите присутствуют две группы интересов. Одна (популистская) олицетворяет подходы в управлении страной, существовавшие в десятилетие, предшествующее приходу к власти Си Цзиньпина: широкое использование рыночных механизмов, постепенная либерализация общественной жизни, поддержание социальной стабильности путем субсидирова-

ния убыточных госпредприятий, выравнивание диспропорций регионального развития. Вторая (элитистская) отражает новые, более решительные подходы, идущие от Си Цзиньпина и его единомышленников: централизация власти в партии, укрепление партийной дисциплины, повышение роли армии в жизни общества, усиление административно-полицейского режима, реструктуризация убыточного госсектора.

Данный подход я предлагаю называть *концепцией фракционного дуализма*¹². Применительно к кадровым перестановкам данная концепция предполагает, что, коли две фракции представляют два альтернативных взгляда на будущее Китая, потенциально между ними возможен (или уже существует) конфликт, для победы в котором Си консолидировал власть: сначала в Центре, а затем и в регионах.

В той или иной степени фракционный подход характерен для всех аналитических работ, посвященных внутриэлитному политическому процессу в КНР¹³, несмотря на то, что в официальных документах ни один из вышеуказанных терминов не употребляется, а состав и «политическая программа» фракций являются предметом дискуссий.

Несмотря на целый ряд недостатков, характерных для концепции фракционного дуализма, о которых автор уже упоминал в других своих работах¹⁴, в качестве базовой теоретиче-

11 См.: (Вавилов, 2017).

12 Причем вслед за Чэном Ли автор подчеркивает, что дуализм не обязательно означает соперничество (!), но потенциально может к нему привести.

13 Среди иностранных ученых наиболее авторитетным последователем данной концепции является уже неоднократно упоминавшийся Чэн Ли. Среди работ российских авторов данная концепция лежит в основе уже упоминавшегося текста Н. Вавилова и научно-популярного проекта Александра Габуева «Масти китайской власти». Подр. см.: Габуев А.Т. Масти китайской власти. *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2047342> (Дата обращения: 17.10.2017).

14 См., напр., (Зуенко, 2012), а также: Зуенко И.Ю. Как китайские регионы залезли в долги, и что это означает для России. *Российский совет по международным делам: официальный сайт*. URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kak-kitayskie-regiony-zalezli-v-dolgi-i-cto-eto-oznachaet-dlya-rossii/> (Дата обращения: 01.10.2017). Кроме того, следует обратить внимание и на публикацию А.О. Виноградова (Виноградов, 2016).

ской основы принимается именно она. Эта «безальтернативность» объясняется практически полной закрытостью китайской политической элиты от исследователя. Единственным «окошком» в этот закрытый мир являются работы авторов, имеющих высокий уровень контактов среди представителей китайских властных кругов (в их числе выделяется Чэн Ли, этнический китаец, в настоящий момент имеющий американское гражданство и работающий в Бруклинском институте, гонконгский исследователь Вилли Лам, а также американец Дэвид Шэмбо, придерживающийся радикально скептических взглядов относительно будущего КПК¹⁵). С известной долей скепсиса по отношению к их выводам мы вынуждены пользоваться фактической информацией, отраженной в их работах, поскольку других источников о китайской политической элите у нас на данный момент нет.

Практика ротации руководящих кадров в современном Китае

В отличие от фракционного взаимодействия практика ротации руководящих кадров может быть исследована по официальным документам КПК, Министерства гражданской администра-

ции и местных органов власти. Данная практика является механизмом контроля политической мобильности и осуществляется руководством КНР для решения нескольких задач.

Во-первых, Центр препятствует формированию региональных элит, фракций, стремится повысить лояльность регионов, то есть препятствует появлению центробежных и сепаратистских тенденций. Особенно явно данная задача проявилась после перехода к «рецентрализации» в Центр-региональных отношениях в первой половине 1990-х гг., хотя сама практика ротации ганьбу¹⁶ применяется с первых лет существования КНР¹⁷. Недостаточно эффективная реализация установок Центра в первые годы правления Си Цзиньпина должна была натолкнуть его на мысль о том, что регионы становятся неуправляемыми, и это необходимо было исправить с помощью расстановки на местах лояльных ему кадров.

Во-вторых, постоянные перемещения между регионами и направлениями работы имеют целью отбор и воспитание будущих лидеров страны. Значение опыта работы в регионах с точки зрения совершенствования «резюме» постоянно растет¹⁸. С этой точки зрения направление в регионы молодых, перспективных руководителей из числа протеже Си Цзиньпина также име-

15 Подобные взгляды, распространенные и среди других западных экспертов, даже получили название «шэмбоизм» (shambaughism).

16 空降干部 («кунцзян ганьбу»), что можно также перевести как «ганьбу-десантники», поскольку назначения чиновников в руководство провинций производятся из Пекина. Ганьбу – термин для обозначения партийно-административной номенклатуры, популярность употребления которого значительно снизилась по сравнению с 1950–1990-ми гг., однако не исчезла полностью.

17 Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation. 2014. P. 54. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

18 Так, в 2007 г. среди 25 членов Политбюро ЦК КПК 17-го созыва было 19 человек с опытом работы в регионах (76%), тогда как в начале политики реформ и открытости, в 1982 г., эти показатели составляли 9 человек из 25 (только 36%). См.: Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation. 2014. P. 38. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

ет практический смысл: они должны пройти «обкатку» работой на местах, чтобы в дальнейшем войти в высшие центральные органы.

В-третьих, с помощью этой практики Центр хочет обеспечить более эффективное выполнение его стратегических установок, поощряя через карьерное повышение тех региональных лидеров, которые добиваются успехов. Критерии успешности являются предметом «тонкой настройки» со стороны идеологов КПК, однако в течение периода политики реформ и открытости они, как правило, сводились к достижению высоких количественных показателей развития экономики. В 2016–2017 гг., в условиях торможения китайской экономики, на первый план вышла также установка не допустить дестабилизации социальной обстановки на местах¹⁹. С точки зрения концепции фракционного дуализма подобная задача может объясняться подготовкой Си Цзиньпина к возможной эскалации соперничества с «комсомольской» оппозицией вплоть до сценариев государственного переворота.

Как же выглядит ротация руководящих кадров на практике? В рамках данной работы мы разберем только ротацию на провинциальном уровне, хотя в целом она активно применяется начиная с окружного (городского) уровня административно-территориального устройства²⁰.

За кадровую работу отвечает Орготдел ЦК КПК, возглавляемый Чжао Лэцзи, близким соратником генсека, кото-

рый таким образом контролирует кадровые назначения в регионы.

Функционеры, назначаемые на работу на места в рамках ротации, обозначаются слэнговым термином «летающие ганьбу» (Hu, 2016, p. 10). Ротация «летающих ганьбу» только на первый взгляд кажется непредсказуемой и нелогичной. На самом деле в ее основе лежит ряд структурированных практик.

Во-первых, существует иерархия административных должностей²¹, установленная «Законом о государственной службе» от 1 января 2006 г. В КНР используется система иерархии административных должностей. В соответствии с этой системой выделяются 5 категорий административных должностей, каждая из которых подразделяется еще на две подкатегории (полноценную – «чжэн» 正, и вице-должность – «фу» 副). Должности в руководстве провинций и министерств находятся на одном уровне – (正副部长级, «уровень министерств и провинций»).

На практике существует и негласная иерархия внутри сращенного партийно-административного аппарата. Согласно ей на каждом из уровней высшая партийная должность (секретарь местного парткома) главнее высшей административной должности (на провинциальном уровне – губернатор). Три должности формально находятся на одном уровне (губернатор, министр, секретарь провинциального парткома), но на практике повышением является назначение с должности губернатора на пост министра

19 Зуенко И.Ю. «Ржавый пояс» на границе с Россией в центре внимания. *Российский совет по международным делам: официальный сайт*. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rzhavyy-poyas-na-granitse-s-rossiey-v-tsentre-vnimanija/?sphrase_id=76202%23top-content (Дата обращения: 15.09.2017)

20 На окружном уровне процент местных кадров в руководстве составляет 54,5%, тогда как уже на провинциальном уровне он значительно меньше – 27%. См.: Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation. 2014. P. 93. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

21 行政级别 («синчжэн цибэ»). Фактически данная система была установлена еще в 1993 г. Временным положением о государственных служащих.

и далее перевод на должность секретаря провинциального парткома. В среднем срок нахождения на должности при оптимальном развитии карьеры составляет 3–5 лет. Задержка на одной позиции свидетельствует о стагнации карьеры чиновника.

Во-вторых, существует негласная иерархия территорий, согласно которой назначение в одни регионы является более ответственным и почетным, чем в другие. В рамках ротации определенный чиновник может переводиться на аналогичную должность в другом регионе, и это будет являться не «горизонтальным перемещением», а повышением²².

В-третьих, движение по карьерной лестнице коррелируется с возрастом чиновника²³ и пятилетним циклом партийных съездов. Так, к пику карьеры ганьбу подходят в возрасте около 60 лет. Наивысшее назначение приходится на жизненный отрезок 60–65 лет, причем процессуально привязывается к съезду партии. Если же функционер к этому возрасту не занимает высших партийных должностей, он получает почетную «предпенсионную» должность (чаще всего в представительных органах власти) и к 70 годам уходит на пенсию. Конституционно возраст нахождения на руководящих должностях не закреплён²⁴; чисто технически чиновники просто не получают новых на-

значений²⁵. Чиновники, достигающие к своему пику (60 лет) должностей руководителей провинциального уровня не двигаются дальше. Те же, кто получил подобное назначение в более молодом возрасте (45–55 лет), имеют высокие шансы по итогам последующих партийных съездов получить руководящую должность в центральных органах КПК.

Таким образом, осуществленная Си Цзиньпином в 2012–2017 гг. «кадровая революция» в регионах исходила из логики не только межфракционного соперничества (о чем уже упоминалось в предыдущем разделе), но и имела целью подготовку кадрового резерва для дальнейшего продвижения лояльных кадров в высшие органы.

Кадровые назначения на высшие руководящие должности провинциального уровня в 2012–2017 гг.

Все произошедшие в период правления Си Цзиньпина назначения представлены в Таблице 1.

Как видно из представленной информации, абсолютно все регионы провинциального уровня претерпели смену руководства в первую пятилетку правления Си Цзиньпина. Первые же перестановки начались в дека-

22 Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation. 2014. P. 44. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

23 Существует точка зрения, что в этом принципе воплощен конфуцианский подход к оценке авторитета человека: чем старше – тем авторитетнее. См.: Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation. 2014. P. 38. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

24 Существует ограничение на число сроков для административных, но не партийных должностей. Так, Си Цзиньпин, став Председателем КНР в 2013 г., может находиться на этом посту два срока по пять лет – до 2023 г., в то же время ограничения по сроку нахождения на высшей партийной должности (генсек ЦК КПК) у него нет. При этом, согласно установленной при Дэн Сяопине практике, он не будет переизбран XX съездом КПК, поскольку в 2022 г. достигнет «пенсионного возраста» 69 лет.

25 Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation. 2014. P. 75. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

Таблица 1. Кадровые назначения на высшие руководящие должности провинциального уровня в 2012–2017 гг.

№ ²⁶	Регион	Должность	к 2012 г.	2012 – 2017 гг.	к 2017 г.	лояльность Си ²⁷
1	Гуандун	секретарь	Ван Ян ²⁸ (до 12.2012)	–	Ху Чуньхуа (с 12.2012)	нет (“комсомольская группировка”)
		губернатор	Чжу Сяодань (до 12.2016)	–	Ма Синжуй (с 12.2016)	да (аэрокосм. фракция)
2	Шаньдун	секретарь	Цзян Икан (до 04.17)	–	Лю Цзяи (с 04.2017)	н/о
		губернатор	Цзян Дамин (до 03.2013)	Го Шудин (2013–2017)	Гун Чжэн (с 04.2017)	да (новая чжэцзянская армия)
3	Хэнань	секретарь	Лю Чжаньгун (до 03.2013)	Го Гэнмао (2013–2016)	Се Фучжань (с 03.2016)	н/о
		губернатор	Го Гэнмао (до 03.2013)	Се Фучжань (2013–2016)	Чэнь Жуньэр (с 04.2016)	Нет
4	Сычуань	секретарь	Лю Цибао (до 11.2012)	–	Ван Дунмин (с 11.2012)	да (антикорр. кампания)
		губернатор	Цзян Цзюйхун (до 03.2013)	Вэй Хун ²⁹ (2013–2016)	Инь Ли (с 01.2016)	да (кадровый резерв)
5	Цзянсу	секретарь	Ло Чжицзюнь (до 06.2016)	–	Ли Цян (с 06.2016)	да (новая чжэцзянская армия)
		губернатор	Ли Сюэюн (до 12.2015)	Ши Тайфэн (2015–2017)	У Чжэнлун (с 05.2017)	да (антикорр. кампания)
6	Хэбэй	секретарь	Чжан Цинли (до 10.2013)	Чжоу Бэньшунь (2013–2015)	Чжао Кэчжи (с 06.2015)	да (внутриэлитные семейные связи)
		губернатор	Чжан Цинвэй (до 04.2017)	–	Сюй Цинь (с 04.2017)	н/о
7	Хунань	секретарь	Чжоу Цян (до 03.2013)	Сюй Шоушэн (2013–2016)	Ду Цзяхао (с 08.2016)	да (новая чжэцзянская армия)
		губернатор	Сюй Шоушэн (до 08.2013)	Ду Цзяхао (2013–2016)	Сюй Дачжэ (с 09.2016)	да (аэрокосм. фракция)
8	Аньхой	секретарь	Чжан Баошунь (до 06.2015)	Ван Сюэцзюнь (2015–2016)	Ли Цзиньбинь (с 08.2016)	да (шэньсийский клан)
		губернатор	Ли Бинь (до 03.2013)	Ван Сюэцзюнь (2013–2015) Ли Цзиньбинь (2015–2016)	Ли Гоин (с 09.2016)	н/о

26 Регионы КНР провинциального уровня (провинции, города центрального подчинения, автономные округа) расположены в порядке убывания по населению провинции (согласно данным справочника China Statistical Yearbook 2016. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm> (Accessed: 01.10.2017).

27 Данная графа содержит информацию о принадлежности провинциальных лидеров (по состоянию на сентябрь 2017 г.) к категории кадров, лояльных Си Цзиньпину. Условная фракционная принадлежность определяется по данным, изложенным в (Li, 2016a). В случае если, фракционная принадлежность чиновника не представляется очевидной, используется маркер «н/о».

28 Данные карьерных назначений приводятся по материалам сайта chinavitae.com

29 Звездочками (*) обозначены провинциальные лидеры, подвергшиеся уголовному наказанию в ходе антикоррупционной кампании 2013–2017 гг.

Таблица 1. Продолжение

№	Регион	Должность	к 2012 г.	2012 – 2017 г.	к 2017 г.	лояльность Си
9	Хубэй	секретарь	Ли Хунчжун (до 10.2016)	–	Цзян Чаолян (с 10.2016)	да (антикорр. кампания)
		губернатор	Ван Гошэн (до 06.2016)	–	Ван Сяодун (с 06.2016)	н/о
10	Чжэцзян	секретарь	Чжао Хунчжу (до 12.2012)	Ся Баолун (2012–2017)	Чэ Цзюнь (с 04.2017)	нет (“комсомол. группировка”)
		губернатор	Ся Баолун (до 12.2012)	Ли Цян (2012–2016) Чэ Цзюнь (2016–2017)	Юань Цзяцзюнь (с 04.2017)	да (аэрокосм. фракция)
11	Гуанси	секретарь	Го Шэнкунь (до 12.2012)	–	Пэн Цинхуа (с 12.2012)	н/о
		губернатор	Ма Бяо (до 03.2013)	–	Чэнь У (с 03.2013)	н/о
12	Юньнань	секретарь	Цин Гуанжун (до 10.2014)	Ли Цзихэн (2014–2016)	Чэнь Хао (с 08.2016)	да (связь с Си по работе в Шанхае)
		губернатор	Ли Цзихэн (до 10.2014)	Чэнь Хао (2014–2016)	Жуань Чэнфа (с 12.2016)	н/о
13	Цзянси	секретарь	Су Жун* (до 03.2013)	Цян Вэй (2013–2016)	Лу Синьшэ (с 06.2016)	да (земляческие свя- зи с Ван Цишанем)
		губернатор	Ли Синьшэ (до 06.2016)	–	Лю Ци (с 07.2016)	да (новая чжэцзянская армия)
14	Ляонин	секретарь	Ван Минь* (до 05.2015)	–	Ли Си (с 05.2015)	да (шэньсийский клан)
		губернатор	Чжан Чжэнгао (до 10.2014)	Ли Си (2014– 2015)	Чэнь Цюфа (с 05.2015)	да (аэрокосм. фракция)
15	Хэйлунцзян	секретарь	Цзи Бинсюань (до 03.2017)	Ван Сянькуй (2013–2017)	Чжан Цинвэй (с 04.2017)	да (аэрокосм. фракция)
		губернатор	Ван Сянькуй (до 03.2013)	–	Лу Хао (с 03.2013)	нет (“комсомольская группировка”)
16	Шэньси	секретарь	Чжао Лэцзи (до 12.2012)	Чжао Чжэньюн (2012–2016)	Лоу Циньцзянь (с 03.2016)	да (шэньсийский клан)
		губернатор	Чжао Чжэньюн (до 12.2012)	Лоу Циньцзянь (2012–2016)	Ху Хэпин (с 04.2016)	да (кадровый резерв)
17	Фуцзянь	секретарь	Сунь Чуньлань (до 12.2012)	–	Ю Цюань (с 12.2012)	нет (близость к шанхайской группировке)
		губернатор	Су Шулинь (до 11.2015)	–	Юй Вэйго (с 11.2015)	н/о
18	Шаньси	секретарь	Юань Чуньцин (до 2014)	Ван Жуйлинь (2014–2016)	Ло Хуйнин (с 06.2016)	нет (близость к “комсомольской группировке”)
		губернатор	Ван Цзюнь (до 12.2012)	Ли Сяопэн (2012–2016)	Лоу Яншэн (с 08.2016)	да (новая чжэцзянская армия)

Таблица 1. Продолжение

№	Регион	Должность	к 2012 г.	2012 – 2017 г.	к 2017 г.	лояльность Си
19	Гуйчжоу	секретарь	Чжао Кэчжи (с 07.2012 до 12.2015)	Чэнь Миньэр (2015–2017)	Сунь Чжиган (с 07.2017)	нет ("близость к комсомольской группировке")
		губернатор	Чжао Кэчжи (до 12.2012)	Чэнь Миньэр (2012–2015)	Сунь Чжиган (с 10.2015)	
20	Чунцин	секретарь	Чжан Дэцзян (до 11.2012)	Сунь Чжэнцай* (2012–2017)	Чэнь Миньэр (с 07.2017)	да (новая чжэцзянская армия)
		мэр	Хуан Цифань (до 12.2016)		Чжан Гоцин (с 12.2016)	да (кадровый резерв)
21	Цзилинь	секретарь	Сунь Чжэнцай* (до 11.2012)	Ван Жуйлинь (2012–2014)	Баянкол (с 04.2014)	да (новая чжэцзянская армия)
		губернатор	Ван Жуйлинь (до 12.2012)	Баянкол (2012–2014) Цзян Чаолян (2014–2016)	Лю Гочжун (с 12.2016)	н/о
22	Ганьсу	секретарь	Ван Саньюнь (до 03.2017)	-	Линь До (с 03.2017)	да (антикорр. кампания)
		губернатор	Лю Вэйпин (с 04.2016)	Линь До (2016–2017)	Тан Жэньцзянь (с 04.2017)	н/о
23	Внутренняя Монголия	секретарь	Ху Чуньхуа (до 12.2012)	Ван Цзюнь (2012–2016)	Ли Цзихэн (с 08.2016)	н/о
		губернатор	Багатур (до 03.2016)	-	Бу Сяолин ³⁰ (с 03.2016)	н/о
24	Шанхай	секретарь	Юй Чжэншэн (до 11.2012)	-	Хань Чжэн (с 11.2012)	да (новая чжэцзянская армия)
		мэр	Хань Чжэн (до 12.2012)	Ян Сюн (2012–2017)	Ин Юн (с 01.2017)	да (новая чжэцзянская армия)
25	Синьцзян	секретарь	Чжан Чуньсянь (до 08.2016)	-	Чэнь Цюаньго (с 08.2016)	н/о
		губернатор	Нур Бекри (до 12.2014)	-	Шохрат Закир (с 01.2015)	н/о
26	Пекин	секретарь	Го Цзиньлун (до 05.2017)	-	Цай Ци (с 05.2017)	да (новая чжэцзянская армия)
		мэр	Ван Аньшунь (до 10.2016)	Цай Ци (2016–2017)	Чэнь Цзинин (с 05.2017)	н/о
27	Тяньцзинь	секретарь	Сунь Чуньлань (до 12.2014)	Хуан Синго* (2014–2016)	Ли Хунчжун (с 09.2016)	да (внутриэлитные связи)
		мэр	Хуан Синго* (до 09.2016)	-	Ван Дунфэн (с 09.2016)	да (шэньсийский клан)
28	Хайнань	секретарь	Ло Баомин (до 04.2017)	-	Лю Цыгуй (с 04.2017)	да (связь Си по работе в Фуцзяни)
		губернатор	Цзян Динчжи (до 01.15)	Лю Цыгуй (2015–2017)	Шэнь Сяоин (с 04.2017)	н/о

30 Одна из двух на данный момент женщин-руководителей провинциального уровня (и всего шестая в истории КНР), этническая монголка.

Таблица 1. Продолжение

№	Регион	Должность	к 2012 г.	2012 – 2017 г.	к 2017 г.	лояльность Си
29	Нинся	секретарь	Чжан И (до 01.2013)	Ли Цзяньхуа (2013–2017)	Ши Тайфэн (с 04.2017)	нет (связь Ли Кэцяна)
		губернатор	Ван Чжэнвэй (до 01.2013)	Лю Хуэй ³¹ (2013–2016)	Сянь Хуэй (с 10.2016)	н/о
30	Цинхай	секретарь	Цян Вэй (до 03.2013)	Ло Хуйнин (2013–2016)	Ван Гошэн (с 06.2016)	да (земляческие связи с Ван Цишанем)
		губернатор	Ло Хуйнин (до 03.2013)	-	Хао Пэн (с 03.2013)	да (аэрокосм. фракция)
31	Тибет	секретарь	Чэнь Цюаньго (до 08.2016)	-	У Инцзе (с 08.2016)	н/о
		губернатор	Падма Чолин (до 01.2013)	Лосан Джамкан (2013–2017)	Чэ Далха (с 01.2017)	н/о

бре 2012 г.³² – через месяц после 18-го съезда КПК. Секретари парткомов, пришедшие к власти в последние месяцы 2012 г., за месяц до 19-го съезда партии, оставались на своих должностях (то есть «высидели» весь пятилетний цикл) лишь в пяти регионах (Гуандун, Сычуань, Фуцзянь, Гуанси-Чжуанский автономный район (ГЧАР) и г. Шанхай).

Губернаторы ротировались значительно чаще, и пятилетний срок не «высидел» ни один из чиновников. «Долгожителями» являются губернатор ГЧАР Чэнь У и губернатор Хэйлунцзяна Лу Хао (оба – с марта 2013 г.). Причем в первом случае это отчасти объясняется конъюнктурой (главой народного правительства в ГЧАР мо-

жет быть только чжуан по национальности), а во втором случае – фракционной борьбой. Ставленник «комсомольской группировки»³³ Лу Хао возглавил народное правительство провинции в 46 лет. Имея подобный гандикап, можно было ожидать, что к 19-му съезду КПК он успеет пройти сразу две ступеньки иерархии (губернатор и партсекретарь провинции) и по итогам съезда войдет в Политбюро ЦК КПК с перспективами дальнейшего повышения к моменту «смены поколений» (2022 г.). Однако губернаторство Лу Хао сложно назвать удачным. Темпы роста ВРП провинции постоянно падают, а в марте 2016 г. губернатор оказался ввязан в скандал. В шахтерском городе Шуанъяшань прошли де-

31 Одна из двух на данных момент женщин-руководителей провинциального уровня (и всего седьмая в истории КНР), этническая хуэйка.

32 Особняком стоит ситуация в Гуандуне, Чунцине, Шанхае и Внутренней Монголии, где руководители парткомов были избраны в Политбюро ЦК КПК и, соответственно, получили новые кадровые назначения.

33 Близость Лу Хао к «комсомольцам» и Ху Цзиньтао не вызывает сомнений даже у критиков фракционного подхода к изучению верхушки КПК. До своего назначения на пост губернатора провинции Хэйлунцзян Лу Хао являлся руководителем пекинской зоны развития высших технологий «Чжунгуаньцунь», в качестве вице-мэра Пекина курировал проведение Пекинской Олимпиады и руководил китайским комсомолом. С Ли Кэцяном его объединяет не только общая альма-матер (Пекинский университет), но и общий научный руководитель. К «туаньпай» относился и его партийный шеф в Хэйлунцзяне Ван Сянькуй в 2013–2017 гг. (Li, 2016a. p. 286–287).

монстрации, критикующие Лу Хао, который публично заявил об отсутствии долгов по зарплате перед сотрудниками компании «Лунмэй»³⁴. Ослабление позиций Лу Хао оказалось на руку фракции Си Цзиньпина, что, возможно, и является причиной многочисленных утечек о ситуации в Шуанъяшани со стороны СМИ и довольно мягкой реакции властей на эти события. Согласно закрытым оценкам, после 19-го съезда он получит почетный, но мало решающий пост министра культуры, что фактически ставит крест на его дальнейшей карьере.

Аналогичные процессы в период 2012–2017 гг. наблюдались во всех трех северо-восточных провинциях КНР, играющих важную роль в приграничном сотрудничестве с Россией. К 2012 г. СВК считался «вотчиной комсомольцев», однако в результате кадровых перестановок и активного использования антикоррупционных рычагов Си Цзиньпину удалось поставить регион под свой контроль.

В результате проведенных трансферов власти кадры, составляющие ближний круг нынешнего председателя КНР, оказались в руководстве как минимум 19 регионов провинциального уровня. Контроль оппозиционной Си группировки «комсомольцев» сохранился лишь в шести провинциях (Гуандун, Хэнань, Чжэцзян, Шаньси, Гуйчжоу, Нинся). Причем «безусловным» (то есть там, где власть партийного секретаря не уравновешивается властью губернатора) его можно назвать только в двух беднейших регионах Китая: провинции Гуйчжоу и Нинся-Хуэйском автономном районе. Существуют и нюансы: так, партийный шеф Гуандуна Ху Чуньхуа справедли-

во считается протеже лидера «комсомольцев» Ху Цзиньтао (Lam, 2016b), однако его руководство в Гуандуне характеризуется жесткостью и разительностью отличается от либеральной линии Ван Яна, что позволяет предположить, что «маленький Ху» начал собственную игру в стремлении доказать свою лояльность Си Цзиньпину. Между тем Гуандун является ключевым регионом в Китае, и контроль над ним важен для Си как с психологической (его отец Си Чжунсюн в свое время руководил этой провинцией), так и с сугубо экономической точки зрения.

В течение пятилетнего цикла 2012–2017 гг. наиболее громкой оказалась смена комсомольцев на сторонников Си Цзиньпина в Цзянсу, Сычуани, Аньхое, Цзянси, во всех трех провинциях Северо-Восточного Китая, а также городе Чунцин. В целом же потенциальный конфликт между двумя ветвями власти, разделенными по фракционному принципу, наблюдается в Гуандуне, Чжэцзяне, Шаньси, где парткомы возглавляют лица, предположительно оппозиционные Си Цзиньпину, а также в Хэнане и Хэйлуцзяне, где «комсомольцы» возглавляют народные правительства. Как и в случае с Лу Хао, можно ожидать, что и другие «комсомольцы» в регионах окажутся вытесненными ставленниками Си, что позволит нынешнему лидеру не опасаться сопротивления своему социально-экономическому курсу на местах.

Заключение

Приход к власти Си Цзиньпина в 2012 г. состоялся в условиях разгула коррупции, падения авторитета властей у населения, снижения темпов ро-

34 黑龙江煤矿工人讨薪 省长陆昊出面“灭火”. BBC. URL: http://www.bbc.com/zhongwen/simp/china/2016/03/160313_china_miner_protest (Accessed: 01.10.2017)

ста экономики и нарастания внутреннего долга. Желание стабилизировать положение в стране и укрепить власть правящей партии вызвали появление новых тенденций в политическом развитии Китая. Одной из самых ярких стала активная работа по замене региональных лидеров новыми, лояльными Си Цзиньпина и его фракции.

Данная работа осуществлялась в соответствии с ранее установившейся практикой ротации руководящих кадров, и в самом факте кадровых перестановок ничего примечательного не было. Однако в отличие от предыдущих десятилетий, когда кадровые назначения отражали принцип коллективного руководства и были результатом компромисса различных фракций, в 2012–2017 гг. произошла настоящая «кадровая революция». Большая часть новых региональных лидеров оказалась из числа лиц, лояльных Си Цзиньпину и его ближайшим соратникам (Ван Цишань, Чжао Лэцзи, Ли Чжаньшу), тогда как смещались со своих должностей лица, связанные с предыдущим руководством КНР и «комсомольской группировкой».

Основной целью данной «кадровой революции» явилось стремление Си Цзиньпина централизовать власть в стране, консолидировать ее вокруг своей личности и обеспечить поддержку регионов в реализации проводимой им политики, направленной на выход Китая из наметившегося социально-экономического кризиса и укрепление монопольного положения КПК вкупе с повышением способности партии управлять усложнившимся урбанизированным обществом.

К моменту 19-го съезда КПК (октябрь 2017 г.) поставленная задача по замене оппозиционных кадров лояльными в основном была выполнена. С одной стороны, в течение следующего пятилетнего цикла это позволит нынешнему ру-

ководству более эффективно осуществлять свою социально-экономическую повестку, не опасаясь сопротивления с мест. С другой стороны, подобное положение открывает путь для дальнейшей концентрации власти в руках Си Цзиньпина, что может вылиться в установление режима персональной диктатуры в маоистском духе, сочетающегося с окончательным отходом от принципов коллективного руководства и сменяемости поколений руководителей, которые были заложены на рубеже 1980–1990-х гг. Дэн Сяопином.

Список литературы

Вавилов Н. (2017). *Некоронованные короли красного Китая. Клань и политические группировки КНР*. Санкт-Петербург: КАРПЕ ДИЕМ. 207.

Виноградов А.О. (2016). Поколения не по возрасту. *Россия в глобальной политике*, (5). 188–191.

Гудошников Л.М. (ред.). (2004). *Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX – начале XXI в. М.: Памятники ист. мысли*. 477.

Денисов И.Е. (2015). Китайские и западные ценности в современном политическом дискурсе КНР. *Политические исследования*, (6). 35–44.

Зуенко И.Ю. (2012). Фракционная борьба в КПК на современном этапе: комментарии к сложившимся стереотипам. Китай в процессе модернизации государства и общества (к итогам XVIII съезда КПК) (по материалам круглого стола). *У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень*, 28 (226). 16–25.

Зуенко И.Ю. (2017). Китайская политика в эпоху Си Цзиньпина: переоценка принципа коллективного руководства. *Россия и АТР*, (2). 231–236.

Румянцев Е.Н. (2016). *Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина*. М.:

Синосфера. 589.

Bergsten C.F. [et. al.]. (2008). *Rise of China: Challenges and Opportunities*. Washington: Peterson Institute for International Economics. 269.

Heilmann S. (2016). China's Core Executive: Leadership Styles, Structures and Processes under Xi Jinping. *MERICIS Papers on China*, (1). 97.

Hu X., Hassink R. (2017). Place leadership with Chinese characteristics? A case study of the Zaozhuang coal-mining region in transition. *Regional studies*, 51(2). 224–234. DOI: 10.1080/00343404.2016.1200189

Lam W. (2014). The rise of the Military-space faction. *The Jamestown Foundation China Brief*, (18). 4–7.

Lam W. (2016a). The Emergence of the Wang Qishan Faction. *The Jamestown Foundation China Brief*, (19). 3–6.

Lam W. (2016b). The eclipse of the Communist Youth League and the Rise of the Zhejiang Clique. *The Jamestown Foundation China Brief*, (26). 3–6.

Lampton D. (2014). *Following the Leader: Ruling China, from Deng Xiaoping to Xi Jinping*. Berkley; Los Angeles: University of California Press. 312.

Li C. (2014). Xi Jinping's Inner Circle: the Shaanxi Gang. *China Leadership Monitor*, (43). 1–21.

Li C. (2016a). *Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership*. Washington: Brookings Institution Press. 528.

Li C. (ed.). (2016b). *China's Changing Political Landscape: Prospects for Democracy*. Washington: Brookings Institution Press. 342.

References

Bergsten C.F. [et. al.]. (2008). *Rise of China: Challenges and Opportunities*. Washington: Peterson Institute for International Economics. 269.

Denisov I.E. (2015). *Chinese and western values in modern political discourse of PRC*. *Polis. Political Studies*, (6). 35–44

Gudoshnikov L.M. (red.). (2004). *How China is ruled: Evolution of power structures in China*. Moskva: Pamyatniki ist. mysli. 477.

Heilmann S. (2016). China's Core Executive: Leadership Styles, Structures and Processes under Xi Jinping. *MERICIS Papers on China*, (1). 97.

Hu X., Hassink R. (2017). Place leadership with Chinese characteristics? A case study of the Zaozhuang coal-mining region in transition. *Regional studies*, 51(2). 224–234. DOI: 10.1080/00343404.2016.1200189

Lam W. (2014). The rise of the Military-space faction. *The Jamestown Foundation China Brief*, (18). 4–7.

Lam W. (2016a). The Emergence of the Wang Qishan Faction. *The Jamestown Foundation China Brief*, (19). 3–6.

Lam W. (2016b). The eclipse of the Communist Youth League and the Rise of the Zhejiang Clique. *The Jamestown Foundation China Brief*, (26). 3–6.

Lampton D. (2014). *Following the Leader: Ruling China, from Deng Xiaoping to Xi Jinping*. Berkley; Los Angeles: University of California Press. 312.

Li C. (2014). Xi Jinping's Inner Circle: the Shaanxi Gang. *China Leadership Monitor*, (43). 1–21.

Li C. (2016a). *Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership*. Washington: Brookings Institution Press. 528.

Li C. (ed.). (2016b). *China's Changing Political Landscape: Prospects for Democracy*. Washington: Brookings Institution Press. 342.

Rumyantsev E.N. (2016). *Internal and foreign policy of Xi Jinping*. Moskva: Sinosfera. 589.

Vavilov N. (2017). *Uncrowned kings of red China. Clans and political groupings of the PRC*. Sankt-Peterburg: KARPE DIEM. 207.

Vinogradov A.O. (2016). Generations do not fit the age. *Rossiia v global'noi politike*, (5). 188–191.

Zuenko I.Yu. (2012). Factional struggle in CPC on current stage: comments for the stereotypes China in the process of modernization of the state and society (the results of the XVIII Congress

of the CPC) (based on the materials of a round table). *U karty Tikhogo okeana. Informatsionno-analiticheskii byulleten'*, 28 (226). 16–25.

Zuenko I.Yu. (2017). Chinese politics under Xi Jinping: Reassessing Collective Leadership. *Rossiia i ATR*, (2). 231–236.

Информация об авторе

Иван Юрьевич Зуенко, младший научный сотрудник, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук

690000, Российская Федерация, Приморский край, Владивосток, Пушкинская ул., 89
ivanzuwei@gmail.com

About the Author

Ivan Yu. Zuenko, Junior Research Fellow, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

89, ul. Pushkinskaya, Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation, 690000
ivanzuwei@gmail.com

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-47-64

Евгений Николаевич РУМЯНЦЕВИнститут Дальнего Востока Российской академии наук
Нахимовский проспект, 32, Москва, 117997, Российская Федерация
evgrum@yahoo.com

Си Цзиньпин и новое поколение руководителей Коммунистической партии Китая

АННОТАЦИЯ. В статье прослеживаются основные этапы политической биографии нынешнего китайского лидера Си Цзиньпина. По мнению автора, концепция «поколений руководителей КПК» является продуктом официальной партийной историографии и не вполне согласуется с фактами, а системы передачи власти в КПК на самом деле пока нет. Что касается Си Цзиньпина, то для него характерны авторитарный стиль руководства и растущая напористость во внешней политике. Создается впечатление, что нынешний китайский лидер усвоил и принял в качестве руководства к действию заявление Мао Цзэдуна, сделанное «великим кормчим» в годы «культурной революции», о том, что «Китай уже стал политическим центром мира, надо, чтобы он также стал его экономическим и военным центром». За годы, прошедшие после прихода Си Цзиньпина к власти, главное место в его деятельности заняла борьба за укрепление его личного могущества и упрочение контроля за положением в стране. Объявленные на 3-м пленуме ЦК КПК (2013 г.) реформы реализованы не в полном объеме. Во внутренней политике важную роль играет борьба с коррупцией, которая преследует несколько целей, включая «свержение» политических противников китайского лидера. Обра-

щает также на себя внимание ухудшение при Си Цзиньпине «кредитной истории» КНР в сфере прав человека и особенно – трагическая судьба лауреата Нобелевской премии мира Лю Сяобо. Первостепенное внимание уделяется сохранению и упрочению господствующего положения Компартии Китая. На 19-м съезде КПК, который начнет работу в ближайшие дни, скорее всего, произойдет дальнейшее укрепление позиций Си Цзиньпина и его окружения. Усиливается тенденция к формированию культа личности китайского лидера. В то же время внутриполитическое положение в КНР остается сложным и в его развитии возможны неожиданности. В целом давать оценку правлению «председателя Си» еще рано.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Си Цзиньпин, Лю Сяобо, Коммунистическая партия Китая, поколение руководителей, «культурная революция», борьба с коррупцией, культ личности, права человека

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Румянцев Е.Н. (2017). Си Цзиньпин и новое поколение руководителей Коммунистической партии Китая. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 47-64. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-47-64

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-47-64

Evgeny N. RUMYANTSEV

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

32, pr. Nakhimovskiy, Moscow, Russian Federation, 117997

evgrum@yahoo.com

Xi Jinping and the New Generation of the Leaders of the Chinese Communist Party

ABSTRACT. *The article deliberates on the basic periods in the political biography of the present top Chinese leader Xi Jinping. The author believes that the concept of “generations of the CPC leaders” is the product of the Party’s official historiography and doesn’t fully correspond to the facts, and, besides, the CPC in fact hasn’t a system of transfer of power yet. As to Xi Jinping himself, he prefers authoritarian methods of leadership and his foreign policy is that of the growing assertiveness. It seems that the present Chinese leader has completely accepted and taken as an instruction for his policies the words said by Mao Zedong during the “cultural revolution”. The “great helmsman” said that “China had already become the political center of the world, it must also become its economic and military center”. During the years after ascending to the position of power the major part of Xi Jinping’s activities was devoted to strengthening of his personal positions and the control over China. The reforms announced at the 3rd plenum of the CPC have not been implemented in full. In the internal policy the fight against corruption plays an important part. It pursues several purposes including that of “ousting” Xi’s political rivals. The fact of importance is the worsening of China’s “credit history” on human rights during Xi’s rule. Special attention should be paid to the tragic destiny of the Nobel laureate Liu Xiaobo. Xi Jinping’s highest priority is strengthening of position of the CPC as a dominant political force in China. At*

the 19th congress of the party which is going to open in a few days the most likely scenario is that of further strengthening of power and influence of Xi Jinping and his supporters. Trend for the personality cult of the Chinese present leader is obvious. Still the situation in China remains complicated, some unexpected events still could happen. It’s too early to give a final verdict on the rule of “chairman Xi”.

KEYWORDS: *Xi Jinping, Liu Xiaobo, the Communist party of China, generation of the leaders, “the cultural revolution”, the fight against corruption, personality cult, human rights*

FOR CITATION: Rumyantsev E.N. (2017). Xi Jinping an the New Generation of the Leaders of Chinese Communist Party. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 47-64. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-47-64

Фигура Си Цзиньпина как главы государства с самым многочисленным в мире населением, второй по масштабам в мире экономикой и быстро наращивающими свою мощь вооруженными силами не может не привлекать к себе внимания. Его нередко называют лидером «пятого поколения» китайских руководителей, подразумевая при этом, что первые четыре были представлены соответственно Мао Цзэду-

ном, Дэн Сяопином, Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао.

Можно, конечно, исходить из этой трактовки, источником которой являются официальная пропаганда и историография КПК/КНР, однако она представляется неполной и уязвимой для критики. Например, в число вышеперечисленных «поколений руководителей» в современном Китае не включаются Ху Яобан, возглавлявший КПК в 1981–1987 гг., Чжао Цзяян – генеральный секретарь ЦК КПК в 1987–1989 гг., а также Хуа Гофэн, занимавший высшие руководящие посты в партии и государстве в 1976–1981 гг.

Между тем в период их правления происходили важнейшие события, оказавшие глубокое влияние на все последующее развитие Китая. Достаточно напомнить о роли Хуа Гофэна в свержении так называемой «банды четырех» во главе с вдовой Мао Цзэдуна Цзян Цин. В годы его правления начало выправляться положение в экономике страны, получила развитие политика расширения связей со странами Запада (с сильным антисоветским подтекстом), получившая вскоре название «политики открытости», была инициирована кампания реабилитации репрессированных в годы «культурной революции», постепенно стал смягчаться установленный в стране репрессивный режим.

Или вспомним об огромной работе, проделанной Ху Яобаном, в частности по реабилитации миллионов репрессированных. Не будем забывать и о том, как во время одной из инспекционных поездок по Китаю он посетил пограничную заставу на границе с нашей страной и оставил в книге почетных гостей запись: «За вечную дружбу народов Китая и Советского Союза» (Галенович, 2008, с. 443).

Что касается Чжао Цзяяна, то не следует забывать о его вкладе в развитие китайской экономики (существует точка зрения, согласно которой именно он, а не Дэн Сяопин является истинным архитектором китайских экономических реформ)¹. В Китае и за его пределами помнят и о мужественном поведении этого китайского лидера в ходе кровавых событий весны-лета 1989 г. в Пекине и после них, когда он в течение 15 лет, вплоть до смерти, находился в изоляции под домашним арестом.

Так что утверждения о «пяти поколениях» руководителей КПК/КНР следует, на наш взгляд, воспринимать критически. Для термина «поколение руководителей», особенно для утверждений о «третьем» и «четвертом» поколениях, нет достаточных оснований. Если уж говорить о поколениях, то Мао Цзэдун и Дэн Сяопин принадлежат к одному поколению, разница в возрасте между ними составляет 11 лет. Ху Яобан и Цзян Цзэминь также принадлежат к одному поколению, разница в возрасте между ними также 11 лет. Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин тоже принадлежат к одному поколению, с такой же разницей в возрасте. Построения, при которых Мао, Дэна, Цзяна, Ху и Си выделяют как представителей соответственно первого, второго, третьего, четвертого и пятого поколений руководителей КПК/КНР, представляются искусственными и сделанными исключительно в политических целях последователями Мао Цзэдуна. Инициированы же они были Дэн Сяопином. Напомним, что именно он лишил сначала реальной, а затем и номинальной власти Хуа Гофэна, а потом в 1987 и 1989 гг. снял со своих постов еще двух генеральных секретарей ЦК КПК подряд – Ху Яобана и Чжао Цзяяна. Ра-

1 Ли Сянлюю Хуйи и вэй чжань цзай гайгэ цяньянь дэ чжанчжэ (Воспоминания одного почтенного старца, находившегося на переднем крае реформ). «Яньхуан чуныцю», 2016, № 2. См. также: (Галенович, 2012).

нее мы уже обращались к проблеме поколений в китайском руководстве (Румянцев, 2016, с. 99).

В этой связи заметим, что в Китае есть «духовные наследники» Мао Цзэдуна, а также Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя, но есть и те, кто хотел бы продолжать курс Лю Шаоци (в свое время председатель КНР; уничтожен Мао Цзэдуном в годы «культурной революции». – *Е. Р.*), Ху Яобана, Чжао Цзяяна. В какую из этих категорий включить нынешнего китайского лидера, этот вопрос пока остается открытым.

В связи с изложенным выше необходимо также указать, что на самом деле никакой системы передачи власти от поколения к поколению в КПК нет. Мао Цзэдун правил до самой смерти. Дэн Сяопин тоже правил до своей смерти, последние годы – из-за кулис. Цзян Цзэминь находился на высших постах с 1989-го по 2002–2004 гг. Ху Цзиньтао был на этих же постах два пятилетних срока. После него на них в 2012 г. пришел Си Цзиньпин. Таким образом, передача власти от руководителя, который был у власти два срока, впервые произошла в 2012 г. При этом ряд признаков указывает на то, что Си Цзиньпин отнюдь не стремится на следующем, 20-м съезде КПК уйти в отставку.

Си Цзиньпин на пути к власти

Некоторые факты биографии китайского лидера, на наш взгляд, помогут понять его нынешнюю деятельность и – шире – то, что сейчас происходит в Китае. Си Цзиньпин родился в июне 1953 г. в уезде Фупин провинции Шэньси. В январе 1969 г. начал трудовую деятельность, в 1975–1979 гг.

учился на химико-технологическом факультете Университета Цинхуа. Уже находясь на руководящих партийно-государственных должностях, он закончил заочную аспирантуру Института гуманитарных и социальных наук Университета Цинхуа по специальности «Марксистская теория и идейно-политическое воспитание». Доктор юридических наук.

Его отец Си Чжунсюнь в годы гражданской войны был одним из двух главных руководителей опорной базы коммунистов на северо-западе Китая, которая, как утверждают некоторые историки, в 1930-е гг. спасла КПК и ее вооруженные силы от полного уничтожения. Отсюда – влияние руководителей этой опорной базы в партии, которое Мао Цзэдун считал угрозой своей власти. По этой причине Си Чжунсюнь еще до «культурной революции» в 1962 г. по личному указанию «великого кормчего» подвергся репрессиям, которые продолжались 17 лет. Его вернули на руководящую работу в 1979 г., в 1982–1987 гг. он был членом политбюро ЦК КПК и активно участвовал в проведении политики реформ и открытости. Си Чжунсюнь умер в 2002 г. в возрасте 89 лет. В последнее время в гонконгской печати появилась информация о том, что у Си Чжунсюня еще с конца 1950-х гг. были плохие отношения с Дэн Сяопином. Окончательно они разошлись по поводу оценки событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, после которых Си-старший уехал в г. Шэньчжэнь на юге Китая, где прожил до самой смерти. По некоторым утверждениям, это был домашний арест².

В 1962 г., после «свержения» Си-старшего, вся семья Си была лишена всех льгот и находилась под постоянной угрозой ареста. Тем не менее вско-

² См., например, Сунь Дало. Сань да иньсу куньжао Си хэсинь цзою вэй нань (Три фактора, ставящие Си-ядро в затруднительное положение). Цяньшао. 2017. № 7. С. 10 (на китайском языке).

ре после начала так называемой «культурной революции» (1966 г.) 14-летний Си Цзиньпин написал письмо в ЦК КПК с требованием реабилитировать отца, после чего, как говорят, «имел неприятности» с властями. Затем на некоторое время оказался в Пекине совершенно один, проходя «школу жизни» на пекинских улицах. Возможно, именно во впечатлениях этого периода следует искать мотивы некоторых действий Си Цзиньпина после прихода к власти, в частности чистки органов общественной (полиция) и государственной безопасности.

В 1969 г. Си Цзиньпина в числе 40 млн молодых китайцев по указанию Мао отправили на работу в деревню в северной части пров. Шэньси. Там он пробыл семь лет. Правда, именно эта провинция была в годы гражданской войны местом расположения опорной базы, созданной в свое время его отцом, а в ее руководстве в годы «культурной революции» еще сохранились старые соратники Си-старшего. Не исключено, что именно это обстоятельство помогло Си Цзиньпину начать делать карьеру и через несколько лет вернуться в Пекин с направлением на обучение в одно из лучших учебных заведений страны.

В целом годы «культурной революции» сыграли большую, если не сказать определяющую, роль в формировании характера и политических взглядов будущего китайского лидера. Напомним, что Си родился в 1953 г., а вышеупомянутая «революция» началась в 1966-м. Когда она закончилась – на этот счет существуют разные точки зрения. Официальная позиция Пекина была озвучена в 1977 г. на 11-м съезде КПК тогда высшим руководителем Китая Хуа Гофэном. Он заявил об окончании «великой пролетарской культурной революции», продолжавшейся, по его мнению, 11 лет, с 1966-го по 1977 г. В

то же время существует и другая точка зрения, согласно которой упомянутое событие – это, прежде всего, хунвэйбинское движение 1966–1968 гг. (Лю Сумэй, Румянцев, 1999, с. 12). Как известно, тогда экономика КНР оказалась на грани полного разрушения, а государственность – перед угрозой распада. Мао Цзэдун вышел из этого положения с помощью развязанной против нашей страны в 1969 г. «пограничной войны», после которой под предлогом несуществующей «угрозы с севера» в Китае начал восстанавливаться элементарный порядок под лозунгом «подготовки к войне» против СССР. Как пишет об этом, например, известный китайский историк г-жа Ли Даньхуй, линия Мао на развязывание вышеуказанной пограничной войны была обусловлена несколькими факторами, среди которых на первое место она поставила следующий: «Весной 1969 г. КПК активно готовилась к проведению своего 9-го съезда. ...с точки зрения Мао Цзэдуна, решение нанести удар по Советскому Союзу перед началом «девятого съезда» в наибольшей степени отвечало интересам дальнейшего подчеркивания курса на предотвращение ревизионизма и борьбу с ним, подчеркивания, с помощью пограничного конфликта, необходимости сплочения, устранения фракционной борьбы, стабилизации положения в стране» (Ли Даньхуй, 2005, с. 108).

Иногда высказывается точка зрения, согласно которой молодые китайцы того времени росли в стране слабой в экономическом и военном отношении. Это верно, но с одним существенным дополнением: об этой слабости они не знали и верили, что Китай – самая передовая страна мира, что «настанет день, когда знамя идей Мао Цзэдуна будет развеваться над Земным шаром» (как вариант – на Красной площади в Москве). Все китайцы знали выражение «почи-

нить Земной шар», то есть установить на нем новый, китайский порядок. Сам Мао в те годы как-то заявил, что «Китай уже стал политическим центром мира, надо, чтобы он также стал его экономическим и военным центром». Этот завет «великого кормчего» отлично известен нынешнему руководителю Китая, и создается впечатление, воспринят им как руководство к действию.

После окончания университета он три года (1979–1982) работал секретарем у члена Политбюро ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета КНР, начальника секретариата Военного совета ЦК КПК, в 1981–1982 гг. министра обороны КНР Гэн Бяо. Сейчас это дает пекинским пропагандистам возможность говорить об особо тесной и длительной связи нынешнего китайского лидера с вооруженными силами, что некоторые китайские кадровые военные, насколько известно, воспринимают с известной долей скепсиса.

В тот период у Гэн Бяо, по всей видимости, возникли трения с набравшим силу Дэн Сяопином, и он посоветовал своему молодому и перспективному подчиненному поискать возможность делать карьеру в другом месте. После этого Си ушел с военной службы и стал секретарем парткома уезда Чжэндин провинции Хэбэй, после чего был переведен в приморскую провинцию Фуцзянь, где проработал 20 лет и стал губернатором провинции. В 2002 г. в возрасте 49 лет Си Цзиньпин был направлен на работу в качестве первого лица в провинцию Чжэцзян, в марте 2007 г. – в Шанхай. Уже осенью того же года он стал членом Постоянного комитета политбюро ЦК КПК, в 2008 г. – заместителем председателя КНР, а в 2010-м – за-

местителем председателя Военного совета ЦК КПК и Центрального военного совета КНР.

В некоторых гонконгских материалах утверждается, что в провинциях Фуцзянь и Чжэцзян Си Цзиньпин «оставил о себе хорошую память». В частности, хозяева частных предприятий до сих пор благодарны ему за «справедливое отношение» к негосударственным коммерческим структурам. Он проявил себя и в таком болезненном для Китая вопросе, как работа с посетителями, жалобами и заявлениями: Си Цзиньпин первым из секретарей провинциальных парткомов дал установку, согласно которой следует «ни в коем случае не препятствовать заявителям»³. Правда, сейчас, перед началом 19-го съезда КПК, заявителям в Китае продолжают «препятствовать»: по традиции перед крупным политическим форумом в китайской столице туда устремляются обиженные и недовольные со всего Китая, чтобы пожаловаться на местных чиновников верховной власти, а власти, тоже по традиции, этому всячески препятствуют: центральные органы – стремясь не допустить осложнения оперативной обстановки в Пекине и обеспечить демонстрацию «атмосферы стабильности и единства» накануне съезда, местные – чтобы скрыть от Центра свои прегрешения, в основном связанные с коррупцией. Для этого используются аресты и задержания «ходовков», а также известных властям диссидентов и правозащитников, которых помещают под домашний или административный арест. Их также приглашают в местные органы политического сыска для того, что по-русски называется профилак-

3 Си Цзиньпин мяньлинь чжэндо цзебань цяньюшэочжань (Си Цзиньпин стоит перед лицом начала борьбы за место преемника). *Чжэнмин*. 2009. № 3. С. 18–19 (на китайском языке).

ческой беседой, а в Китае – «приглашением выпить чаю». По оценкам, в связи со съездом подверглось разного рода преследованиям от трех до десяти и более тысяч человек⁴.

В 2006 г. был снят с должности, а затем арестован член политбюро ЦК КПК, секретарь шанхайского парткома Чэнь Ляньъюй. Сложные маневры в китайском руководстве завершились назначением вместо него на этот важнейший пост Си Цзиньпина. Именно после этого назначения у Си появились основания быть включенным в число кандидатов в так называемое «пятое поколение» руководителей. До октября 2007 г. наиболее вероятным претендентом на пост следующего генсека ЦК КПК считался Ли Кэцян, однако в начале того месяца из источников в Гонконге стало известно, что через пять лет Ли получит пост «только» премьера Госсовета, на 17-м съезде введут в Постоянный комитет политбюро не только его, но и Си Цзиньпина, и именно последний на следующем, 18-м съезде станет генсеком. Так оно и получилось. Сейчас известно, что это произошло по настоянию Цзян Цзэминя – высшего руководителя Китая в 1989–2002 гг. (высший военный пост он оставил в 2004 г.). Уйдя в отставку, он сохранял сильное, в ряде случаев решающее, влияние на политику Пекина, да и сейчас фракция «шанхайцев» во главе с 91-летним Цзяном имеет серьезные позиции во властных структурах и пользуется в партии большим влиянием, борьба с которым составляет значительную часть деятельности Си Цзиньпина в сфере внутренней политики.

В 2007–2012 гг., будучи официальным преемником тогдашнего лидера Ху

Цзиньтао, Си вел себя крайне осторожно и старался проявлять себя как можно меньше. Пожалуй, одним из самых интересных в тот период его деятельности стал «мексиканский эпизод».

11 февраля 2009 г. в ходе визита в Мексику Си Цзиньпин встретился с представителями китайской общины в этой стране. Во время встречи он, в частности, сказал: «В период глобального финансового кризиса Китай в основном в состоянии решить проблему питания 1,3 миллиарда человек. Уже это является великим вкладом в дело всего мира». И далее: «Однако небольшое число иностранцев всюду судачат про нас. Некоторые иностранцы, набив желудок и не зная, чем бы им заняться, пускаются рассуждать о наших делах, всюду критикуют нас. Китай, во-первых, не экспортирует революцию, во-вторых, не экспортирует голод и нищету, в-третьих, не грузит вас по поводу и без повода. Чего еще вы хотите?» (Han Sang-Jin, Lü Peng, 2012, p. 156).

Эти высказывания привлекли к себе внимание в силу их резкости, откровенности и своеобразной стилистики. Некоторыми они были расценены как проявление все большей «напористости» Пекина во внешней политике и, в частности, пропаганде неких «преимуществ китайской модели развития» и одновременно как стремление воспользоваться неформальной обстановкой, чтобы выразить свое недовольство негативным восприятием Китая в западных СМИ.

Высказывания Си Цзиньпина тогда широко цитировали и комментировали в китайском Интернете. Например: «Заслуживает внимания, что в этот раз Си Цзиньпин говорил прямо и от-

4 China Cracks Down on 'Thousands' of Petitioners Ahead of Party Congress. *Radio Free Asia*. October 3, 2017.

кровенно, без дипломатических уверток, что напоминает стиль Мао Цзэдуна. Современные китайцы, привыкшие к заявлениям представителей МИД с их «резкими протестами» и «суровыми осуждениями», испытали от слов Си Цзиньпина радостное и давно забытое ощущение. В эпоху Мао Цзэдуна, хотя Китай был очень бедным, жесткость Мао принесла ему уважение всей страны. ...Отважные слова Си Цзиньпина воодушевили широкие массы китайцев. Только такие прямые слова могут выражать четкую и ясную позицию Китая, идущего по пути роста своего могущества»⁵.

Нетрудно заметить, что подобный стиль выступлений по вопросам внешней политики в последние годы получает всё большее распространение в Пекине. Отметим, что со временем некоторые западные эксперты заметили и такую черту характера и стиля работы Си Цзиньпина, как в высшей степени тщательный подход к подготовке встреч с иностранными партнерами. Как утверждает один из таких экспертов, «он не любит сюрпризов и прилагает все силы для того, чтобы встреча была гарантирован успеш» (Brown, 2016, p. 277).

Тогда же, в 2009 г., высказывания Си Цзиньпина подхватил ряд СМИ КНР. Судя по всему, они добавили ему популярности в своей стране, для чего, возможно, и были сделаны, но в дальнейшем вызвали за границей неудовольствие, которое по различным каналам было доведено до сведения Пекина. После этого их стали критиковать и некоторые старые кадровые работники КПК, которые по тем или иным при-

чинам не хотели, чтобы Си Цзиньпин стал следующим высшим руководителем партии. Они утверждали, что «три не» Си Цзиньпина – это «проявление нехватки дипломатического такта». Все это привело к «возникновению волны» в высших эшелонах власти в китайской столице. В этой ситуации руководство органов пропаганды КНР, не дожидаясь возвращения Си Цзиньпина из зарубежной поездки, дало указания быстро удалить эти его высказывания с официальных сайтов, что и было сделано. Осталось только сообщение о том, что заместитель председателя КНР в Мексике «выступил с важной речью»⁶.

Если же попытаться проанализировать вышеприведенные высказывания китайского лидера по существу, в них можно увидеть проявление определенных антииностранных настроений. В то же время видно и то, что Си дистанцируется от экспорта революции и голода эпохи Мао Цзэдуна и демонстрирует намерение не провоцировать западный мир и стремление отдать все силы делам внутри самого Китая.

В тот период были опубликованы некоторые касающиеся Китая материалы «Уикиликс», которые за прошедшее после их публикации время превратились для журналистов и экспертов в важный источник изучения Си Цзиньпина.

Как следует из этих материалов, некоторыми наблюдателями было уже тогда, то есть в 2009 г., отмечено: «Си, видимо, не видит особой проблемы в том, чтобы принять более жесткий тон в отношении внешнего мира, в отношении иностранцев. Это говорит о том, что и новое поколение китайских руководителей не прочь разыграть карту нацио-

5 Цит. по: Си Цзиньпин мяньлинь чжэндо цзебань цяньшаочжань (Си Цзиньпин стоит перед лицом начала борьбы за место преемника). *Чжэнмин*. 2009. № 3. С. 19 (на китайском языке).

6 Си Цзиньпин мяньлинь чжэндо цзебань цяньшаочжань (Си Цзиньпин стоит перед лицом начала борьбы за место преемника). *Чжэнмин*. 2009. № 3. С. 19 (на китайском языке).

нализма». Это предположение впоследствии полностью подтвердилось.

Имеются, в частности, отчеты о проведившихся американскими дипломатами в течение двух лет беседах со старым знакомым Си Цзиньпина, который в свое время рос вместе с ним, а в зрелые годы получил американское гражданство и стал профессором политологии. Этот профессор характеризует Си Цзиньпина как человека, который с детских лет всегда «ставил перед собой великие цели», уверен в себе, обладает сильной волей. После «культурной революции», когда жизнь «наследников престола» (то есть детей членов высшего руководства КПК/КНР, многие из которых были репрессированы Мао Цзэдуном. – *Е.Р.*) выправилась, большинство из них решили «наверстать потерянные годы» и бросилась искать удовольствий. Си, в отличие от них, вступил в партию, стал «и красным, и специалистом», наметил для себя жизненную программу и начал упорно продвигаться по китайской служебной лестнице на самый верх.

По оценке профессора, Си Цзиньпин – в высшей степени прагматичен, он реалист, в своих делах и поступках руководствуется не соображениями идеологии, а стремлением сделать карьеру и одновременно со всех сторон «обезопасить себя». Он не коррумпирован, не стремится к наживе, хотя, возможно, «испорчен властью», понимает, насколько сильна коррупция, испытывает неудовлетворенность всеобщей коммерциализацией китайского общества, однако вряд ли, став генеральным секретарем, пойдет на решительные меры и пожертвует интересами новой аристократии, чтобы покончить с этой ситуацией⁷.

Последнее предположение старого знакомого нынешнего председателя, как известно, не оправдалось. Активная борьба с коррупцией стала своего рода «визитной карточкой» правления Си Цзиньпина. Согласно официальным данным, за 2012–2017 гг., то есть за период между 18-м и 19-м съездами КПК, по состоянию на конец июня 2017 г. было сделано следующее:

- возбуждены дела в общей сложности против более чем 280 работников номенклатуры ЦК КПК, более 8600 кадровых работников уровня начальника управления или департамента, 66 тысяч руководителей уровня начальника уезда или отдела;
- проверено 2 млн 360 тыс. информации о возможных преступлениях и нарушениях, возбуждено 1 млн 418 тыс. расследований, наказаны 1 млн 409 тыс. чел., переданы в правоохранительные органы материалы на 54 тысячи человек;
- неуклонно проводилось в жизнь Решение из 8 пунктов (о скромности, экономии, совершенствовании стиля работы кадров КПК. – *Е.Р.*), по состоянию на конец июля 2017 г. было выявлено более 180 тыс. случаев нарушения его требований, наказано более 240 тыс. человек;
- энергично проводилась работа по преследованию преступников, бежавших за границу, и возвращению в Китай украденных средств и активов, ставится цель добиться, чтобы не было места, где они могли бы скрыться; по состоянию на конец 2016 г. было возвращено 2566 человек, 86,4 млрд юаней денежных средств, из 45 человек, включенных в «Красный список из 100 человек», «попались в сеть» уже 45;

7 Portrait of vice president Xi Jinping: "Ambitious survivor" of the cultural revolution. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/098EIJING3128_a.html (Дата обращения: 05.10. 2017)

- борьба против коррупции, за «правильный стиль» была доведена до низового звена, решались коррупционные проблемы, непосредственно затрагивающие народные массы; по состоянию на конец июня 2017 г. были наказаны 1 млн 343 тыс. низовых кадровых работников волостного уровня, 648 тыс. деревенских кадровых работников и членов партии⁸.

Причин столь решительной борьбы как минимум три. Во-первых, она, безусловно, отражает личные взгляды и позицию китайского лидера и даже его отца Си Чжунсюня. Во-вторых, Си Цзиньпин как руководитель и просто китаец, знающий историю своей страны, не может не понимать, какую угрозу наблюдающийся в современном Китае разгул коррупции несет государству и возглавляемой им партии. В-третьих, борьба с коррупцией оказалась исключительно удобным инструментом борьбы с политическими противниками. Об этом см. также: (Shambaugh, 2016).

Председатель Си во главе партии и государства

В течение октября 2012-го – марта 2013 г. для Си Цзиньпина пришло время занимать высшие посты в партии и государстве. За эти месяцы он стал генеральным секретарем, председателем Военного совета ЦК КПК, председателем КНР и Центрального Военного со-

вета КНР. Впоследствии он занял еще ряд высших постов, в частности руководителя нескольких так называемых Руководящих групп ЦК КПК (по всестороннему углублению реформ, по внешней политике и др.). К настоящему времени общее число этих постов, по подсчетам, достигло двенадцати.

Перед приходом Си Цзиньпина к власти некоторые наблюдатели выражали сомнение, сможет ли он что-то сделать за время пребывания на высших постах или станет «новым Ху Цзиньтао» (многие в Китае и за его пределами считают, что предшественник Си Цзиньпина за 10 лет пребывания на высших постах так и не смог обрести всю полноту власти и вообще вел себя излишне пассивно). Однако один давно наблюдавший за деятельностью Си Цзиньпина аналитик сказал: «Сумеет ли он что-то сделать – не так важно, важно, как он будет вести себя в кризисных ситуациях, поскольку Ху Цзиньтао и его предшественники оставили Си Цзиньпину столько проблем, что ничего не делать он просто не сможет»⁹. По словам другого аналитика, «для экономики свойственна универсальная закономерность: она развивается то хорошо, то не очень. Хорошие времена, которые позволили безбедно просуществовать Цзян Цзяминю и Ху Цзиньтао, закончились, а для Си Цзиньпина настала очередь бороться с трудностями»¹⁰.

Действительно, к этому времени в КНР сложилось достаточно сложное положение, поскольку страна завершила важный этап своего развития и пе-

8 Цзяньцзюэ даин фань фубай чжэ чан чжэньи чжань (дили фэньцзинь дэу нянь). – Дан дэ шиба да илай фань фубай доучжэн чэнцзю шупин (Решительно бороться и победить в борьбе с коррупцией, этой справедливой войне (пять лет упорной борьбы и движения вперед). – Обзор успехов, достигнутых со времени 18-го съезда КПК в борьбе с коррупцией). *Жэньминь жибао*. 18.09. 2017 (на китайском языке).

9 Тамэнь чжанкун Чжунго ице (Они держат в руках весь Китай). *Шиба да тэкань (Спецвыпуск, посвященный 18-му съезду КПК)*. Гонконг. 2012 (на китайском языке).

10 Фэн Иянь. Си Ван чжунъян цзи «юань цзяо чжи» фан чжэньбянь (Центр Си Цзиньпина – Ван Цишаня приносит в жертву «фундаментальные догмы» КПК, чтобы предотвратить государственный переворот). *Цяньшао*. 2016. № 9. С. 18 (на китайском языке).

реходила к другому, открывающему новые перспективы, но и создающему одновременно новые сложные проблемы. В результате острых дискуссий и борьбы в руководстве КПК был достигнут некий консенсус, согласно которому в силу ряда причин (снижение темпов роста экономики и жизненного уровня населения, рост социального неравенства и напряженности в обществе, экология, международная обстановка и др.) Китаю необходим курс на «углубление реформ».

Была выдвинута обширная и подробная программа реформ. Как известно, в наиболее детальном виде она была представлена в документах 3-го пленума ЦК (ноябрь 2013 г.). Была сформулирована установка о шести областях (экономика, политика, культура, социальная сфера, экология, партийное строительство), 15 сферах и «336 важных реформаторских мерах», которые необходимо осуществить к 2020 г. Год спустя, на 4-м пленуме, было выдвинуто 190 «реформаторских мер, имеющих важное значение для управления государством на основе закона», которые были «включены в общую программу реформ».

В дальнейшем в официальной печати публиковались сообщения, согласно которым в 2014 г. было «в основном выполнено» 80 «базовых задач», определенных Руководящей группой ЦК КПК по углублению реформ. Кроме того, центральными министерствами и ведомствами было выполнено 108 задач по формированию и выдвинуто ещё 370 «мер реформаторского характера».

В 2015 г. эти цифры возросли соответственно до 101, 153 и 415. Кроме то-

го, начались реформы в системе обороны государства и вооруженных силах¹¹. Вышеприведенные цифры сами по себе указывают на то, что эти «базовые задачи», «реформаторские меры» и т.п. носят в основном технический характер и по своему значению не идут в сравнение с решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.), хотя именно такие параллели одно время пыталась проводить китайская сторона. В то же время очевидно и то, что в совокупности их реализация способна дать определенный положительный эффект.

В 2015 г. китайский лидер опубликовал в главном партийном журнале «Цюши» статью, в которой, в частности, говорилось о некоей «красной линии», «то есть отстаивании и развитии пути самобытного китайского социализма». При этом Си Цзиньпин пояснил, что «это (то есть вышеупомянутый социализм. – Е.Р.) – общее понятие», «многое нужно и дальше исследовать, вести поиск, однако здесь есть основополагающие вещи, которые следует отстаивать в течение длительного времени». Среди таких «основополагающих вещей» на первое место он поставил «руководство со стороны Коммунистической партии»¹². Таким образом, главной целью проводимых реформ является сохранение, укрепление и, если получится, увековечивание власти КПК над Китаем.

Так что в стиле работы Си Цзиньпина и, главное, в обстоятельствах, в которых ему приходится действовать, есть нечто, что отличает нынешнего китайского лидера от его предшественников, но есть и то, что их объединяет: все

11 См., например, Цзици юнцзинь цзай чжунлю. – И Си Цзиньпин тунджи вэй цзун шуци дэ дан чжунъян шэньгай гуанцзянь чжи нянь гунцзо шупин (Упорно стремиться вперед. – Обзор работы ЦК партии во главе с товарищем Си Цзиньпином в качестве генерального секретаря в ключевой год углубления реформ). *Жэньминь жибао*. 19.01.2016 (на китайском языке).

12 Си Цзиньпин: Цзякуай цзяньшэ шэжуйчжуй фачжи гоцзя (Си Цзиньпин: Ускорить строительство социалистического правового государства). *Цюши*. 2015, № 1 (на китайском языке).

эти официально признанные современным ЦК КПК «поколения руководителей» говорили и говорят о верности «марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна», все они проводили и проводят политику, направленную на сохранение Компартии Китая и ее положения как правящей партии, имеющей абсолютную и неограниченную в пространстве и времени власть над Китаем (пропагандисты ЦК КПК утверждают, что Компартию как «руководящую и направляющую силу» развития Китая «выбрала история, выбрал народ»). На самом деле все эти «поколения руководителей», начиная с Мао Цзэдуна, увидели в «марксизме-ленинизме» инструмент захвата и удержания власти, причем власти никем и ничем не ограниченной. Сами же принципы этого самого «марксизма-ленинизма» их интересовали и интересуют лишь постольку, поскольку помогают добиваться власти. Это, на наш взгляд, в значительной степени объясняет то, что иногда трактуют как некий присущий якобы китайцам вообще «прагматизм» внутренней и внешней политики КПК. В этом одновременно и сила, и слабость этой политической организации, включая ее нынешнего лидера.

Если попытаться на более конкретном уровне проанализировать действия китайского руководства «с Си Цзиньпином в качестве ядра» (с осени прошлого года именно такая формула официально введена в оборот в КПК/КНР; её следует понимать таким образом, что отныне Си Цзиньпин имеет возможность принимать важные ре-

шения единолично, не учитывая мнения по данному вопросу других членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК; его предшественнику Ху Цзиньтао титул «ядра» получить не удалось), то картина вырисовывается следующая.

Придя к власти, Си Цзиньпин энергично принялся за дело. Например, за прошедшие пять лет он совершил 50 поездок по стране с целью изучения положения дел на местах и проверки работы местных властей, в которых провел в общей сложности 151 день. За те же пять лет он совершил 28 зарубежных поездок общей продолжительностью 191 день, в ходе которых посетил 52 страны¹³.

При этом, как представляется, на данный момент наибольшие усилия были приложены для укрепления и совершенствования системы обеспечения личной безопасности Си Цзиньпина и существующего в Китае политического строя.

Мероприятия в данной области проводятся по инициативе, при личном участии и личном контроле китайского лидера, поскольку эти вопросы являются для него приоритетными, что неудивительно с учетом истории его семьи, обстоятельств прихода к власти, а также имевших место уже после этого угроз в адрес Си Цзиньпина и покушений на его жизнь. Последних, как утверждают некоторые гонконгские издания, было не менее шести¹⁴. Утверждают также, что некоторые пострадавшие от антикоррупционных мероприятий Си Цзиньпина представители «бо-

13 Ба сян гуйдин, цзи чжо ян цин чжи цзянь. – Дан дэ шиба да идай и Си Цзиньпин тунджи вэй хэсинь дэ дан чжунъян гуанчэ чжисин ба сян гуйдин, туйдун цзофэн цзяньшэ цзуншу (Решение из восьми пунктов, поднявшее меч борьбы против грязи, за чистоту стиля работы. – Общий обзор работы ЦК КПК с товарищем Си Цзиньпином в качестве «ядра» по проведению в жизнь Решения из восьми пунктов, продвижения вперед строительства правильного стиля со времени 18-го съезда партии). *Жэньминь жибао*. 29.09.2017 (на китайском языке).

14 Го Аньянь. Чжунъян гоаньвэй кунчжуань сань нянь (Комитет национальной безопасности ЦК КПК три года работает вхолостую). *Цяньшао*. 2017. № 5. С. 25–30 (на китайском языке).

гатых и знатных» членов руководства КПК на совещании в Бэйдайхэ 2013 г. намеревались отстранить его от власти. Ситуация была настолько острой, что Си одно время в целях личной безопасности переехал в военный комплекс управления в Сишани в пригороде Пекина¹⁵.

В данной области, насколько известно, было, в частности, сделано и делается следующее:

- совершенствуется законодательная база; приняты законы о борьбе со шпионажем, о национальной безопасности, о безопасности Интернета, борьбе с терроризмом, о разведке, ряд подзаконных актов;
- разработана и утверждена концепция комплексной национальной безопасности Китая;
- учрежден Комитет национальной безопасности ЦК КПК;
- проводится работа по совершенствованию организационной структуры специальных и правоохранительных органов, ведется чистка их руководителей и сотрудников, не пользующихся доверием Си Цзиньпина и его окружения; например, по данным гонконгской печати, в Центральном управлении охраны из 128 офицеров ранга начальника или заместителя начальника управления 121 переведен на новое место службы¹⁶. К этому комплексу мероприятий прилагается борьба с коррупцией, которая, как уже отмечалось выше, широко используется Си Цзиньпином и его окружением для борьбы с политическими противниками. Здесь

тоже имеют место совершенствование нормативной базы (по официальным данным, за время, прошедшее после 18-го съезда КПК, было принято 50 только внутрипартийных документов по вопросам борьбы с коррупцией¹⁷) и организационной структуры соответствующих ведомств, в первую очередь Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины.

Принято и находится в процессе реализации решение о создании Комитета контроля Китая – качественно нового, по замыслу, органа по борьбе с коррупцией, о создании которого предполагается объявить на сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2018 г.

Вторая группа реформ – это меры, направленные на укрепление личной власти Си Цзиньпина и его окружения. Помимо изложенного выше к ним можно отнести, например, реформирование КСМК, явно направленное на то, чтобы прекратить существование этой организации в качестве базы и кадрового резерва группировки бывшего китайского лидера Ху Цзиньтао. В определенной степени сюда же можно отнести и меры по реформированию организаций китайских эмигрантов и системы управления ими, где тоже сильно влияние оппонентов нынешнего председателя КНР, и др.

Необходимо отметить, что многие из вышеперечисленных и других мероприятий в силу ряда причин реализованы не в полном объеме и/или не дали пока ожидаемого эффекта.

15 Го Аньянь. Чжунъян гоаньвэй кунчжуань сань нянь (Комитет национальной безопасности ЦК КПК три года работает вхолостую). Цяньшао. 2017. № 5. С. 25–30 (на китайском языке).

16 Там же.

17 Цю Сюэцян. Цзяньдин бу и фаньдуй фубай дэ сысян чжинань хэ синдун ганлин. – Чжиго личжэн синь линянь, синь сысян, синь чжаньлюэ (Идеологический компас и программа действий в решительной борьбе с коррупцией. – Новые концепции, новые идеи, новая стратегия управления государством). *Жэньминь жибао*. 19.06. 2017. См. также (О подготовке. . . , 2017, с. 4–34).

В данном контексте мы не можем не обратить внимания на усиливающуюся в Китае кампанию восхваления нынешнего китайского лидера. Например, согласно официальным данным, «Пособие по изучению серии важных выступлений Генерального секретаря Си Цзиньпина» (2016 г.) издано общим тиражом, который приближается к 60 (по другим данным, уже к 70. – *Е.Р.*) миллионам экземпляров, что является рекордом для тиражей изданий в новый (то есть постмаоцзэдуновский. – *Е.Р.*) период; тираж книги «Си Цзиньпин рассказывает» со времени ее выхода в свет в мае 2017 г. превысил полтора миллиона экземпляров, книга «Си Цзиньпин об управлении государством» вышла уже на 21 иностранном языке, ее общий тираж составил 6 миллионов 420 тысяч экземпляров, она продается в более чем 160 странах и районах мира. Предполагается, что к 2018 г. книга будет напечатана на 35 иностранных языках¹⁸. «Председатель Си» уже превратился в КНР в главный и непререкаемый авторитет во всех областях – от внешней политики до сельского хозяйства и экологии, появились авторы, публикующие статьи, каждый абзац которых начинается со слов «Председатель Си указал», «Председатель Си подчеркнул» и т.д. По словам гонконгского наблюдателя, «началось восхваление лидера, одновременно загремели все барабаны, заговорили о «Си-папе», «Пэн-маме», Си – ядре ру-

ководства, лидере, который преодолевает эпохи, уступает по заслугам только Мао и превосходит Дэна, так что «Восток снова заалел»¹⁹. Отметим, что при этом данный автор важную роль в громе вышеуказанных «барабанов» отводит политическим противникам Си Цзиньпина. Что ж, раздувание культа личности – это известный в истории метод дискредитации сильного политического лидера.

Восхваление Си Цзиньпина и формирование культа его личности уже нашли отражение в работах зарубежных синологов (Bo Zhiyue, 2016; Lam, 2015). Что касается культа личности в Китае в более широком плане, психологии и механизмов этого явления, то и в отечественной, и в зарубежной литературе всё это описано достаточно подробно²⁰.

К этому необходимо добавить, что Си Цзиньпин пришел к власти, не имея, в отличие от своих предшественников, собственной фракции и, таким образом, собственной политической базы в партии. В дальнейшем в своей кадровой политике он был вынужден опираться прежде всего на людей известных ему по работе в провинциях Фуцзянь, Чжэцзян и в Шанхае. Отчасти в этом и кроется ответ на вопрос о том, зачем Си Цзиньпину столько руководящих постов: причина в том, что для их замещения не хватает людей, которые должны отвечать двум критериям: 1) быть в достаточной мере компетент-

18 Ши Цзиннань. Чжансянь чжулю цзячжи, хуньян шидай цзиншэнь (дили фэньцзинь дэ у нянь). – Дан дэ шиба да илай чжугути чубань гунцзо чэнцзю цзуншу (Раскрывать главные ценности, воспевать дух эпохи (пять лет упорной борьбы и движения вперед). – Общий обзор успехов в издательской деятельности по главному направлению со времени 18-го съезда партии). *Жэньминь жибао*. 17. 09. 2017 (на китайском языке); Чжусюаньлюй гэн сянян, чжэннэнлянь гэн фэньцзинь (дили фэньцзинь дэ у нянь). – Дан дэ шиба да илай сюаньчуань сысян вэньхуа гунцзо цзуншу (Лейтмотив звучит всё более четко, заряд позитивной энергии – всё сильнее (пять лет упорной борьбы и движения вперед). – Общий обзор работы в области пропаганды, идеологии и культуры со времени после 18-го съезда партии). *Жэньминь жибао*. 21.09. 2017 (на китайском языке).

19 Фэн Шуйянь. Ван Цишань «даоби» Си Цзиньпин цидо гайгэ (Ван Цишань «заставляет» Си Цзиньпина проводить ошибочные реформы). *Цяньшяо*. 2016. № 5. С. 10–17 (на китайском языке).

20 См.: Бурлацкий, 1970; Желуховцев, 1973; Wilson, 1977; Pye, 1968).

ными и 2) лично известными китайскому лидеру и пользующимися его доверием.

В этих условиях, видимо, и понадобился такой политический инструмент, как всемерное возвышение лидера партии и государства в политико-идеологической и пропагандистской работе, что в конечном счете ведет к созданию культа его личности. Последствия применения этого инструмента, однако, трудно предсказуемы.

В китайской чиновничьей среде в адрес Си Цзиньпина раздаются обвинения в том, что он «любит хватать людей», сажать их в тюрьму и т.п., однако наблюдатели отмечают, что при Си Цзиньпине, в отличие от времен его предшественников, еще никто из его политических противников и коррупционеров не был приговорен к смертной казни. Или, например, когда в 2008 г. известный китайский экономист-диссидент Чэнь Ицзы попросил разрешения вернуться на Родину для лечения, Ху Цзиньтао передал Чэню через его дочь предварительное условие: сначала напиши гарантию (т.е. покаянное письмо с отказом от «антикитайской» деятельности. – *Е.Р.*). Тот отказался: «Я отстаивал свою точку зрения много лет и не могу продать душу». Этим дело и кончилось.

А в 2013 г., то есть уже при Си Цзиньпине, попросил разрешения вернуться в Китай на похороны матери владелец интернет-сайта «враждебных зарубежных сил» «Босюнь» Вэй Шишэнь; «авторитет по изучению преступлений, совершенных 4 июня²¹», У Жэньхуа попросил разрешения приехать из-за границы навестить больную мать. Си Цзиньпин дал согласие безо всяких

условий, в период нахождения в Китае им никто не задавал никаких вопросов и не следил за ними.

В 2006 г. в период, когда бывший секретарь парткома Шанхая Чэнь Ляньюй находился под следствием, у него умер отец. Ху Цзиньтао не разрешил ему присутствовать на похоронах, его старый босс Цзян Цзэминь тоже ничем не помог. А в 2015 г. в очень тяжелом положении оказался Лин Цзихуа – бывший секретарь ЦК, начальник Канцелярии ЦК КПК, который тогда находился под следствием по обвинению в совершении ряда тяжких преступлений – от многомиллиардных хищений, протекционизма и т.п. до похищения секретных документов КПК и их тайного вывоза за границу с целью шантажа руководства партии: в последней декаде марта в течение 10 дней умерли сначала его мать, а потом отец. Лин, не питая особых надежд, все же написал ходатайство следственным органам, чтобы ему разрешили принять участие в похоронах. Доклад об этом был направлен на самый верх, в итоге Си Цзиньпин разрешил выпустить Лина на три дня из тюрьмы для участия в похоронах и даже позволил ему поехать для этого в г. Юньчэн пров. Шаньси.

Говорят, что таких примеров много, и «несомненно, что в великодушии по отношению к политическим противникам Си выше любого высшего руководителя Китая периода реформ и открытости»²². С вышеизложенным резко контрастирует судьба известного китайского диссидента, лауреата Нобелевской премии мира 2010 г. Лю Сяобо, который в 2009 г. был приговорен китайскими властями к 11 годам лишения сво-

21 1989 г. – *Примеч. авт.*

22 Фэн Шуйянь, Ван Цишань «даоби» Си Цзиньпин цицо гайгэ (Ван Цишань «заставляет» Си Цзиньпина проводить ошибочные реформы). *Цяньшао*. 2016. № 5. С. 10–17 (на китайском языке).

боды и в июле нынешнего, 2017 г. умер в больнице г. Шэньян на северо-востоке Китая, через три дня после того, как он, уже смертельно больной, был переведен туда из тюрьмы. Необходимо указать также на тяжелое положение его жены, а теперь вдовы Лю Ся, которая все эти годы безо всяких на то правовых оснований находилась под фактическим домашним арестом и подвергалась систематическому психологическому давлению. Насколько известно, эта ситуация сохраняется, к сожалению, вплоть до настоящего времени.

Конечно, «дело» Лю Сяобо не столь просто, как может показаться на первый взгляд. Да и проблема прав человека в КНР имеет как минимум две стороны: во-первых, она используется странами Запада в качестве исключительно острого инструмента политического давления на Китай и КПК; во-вторых, эта проблема в Китае реально существует (Biddulph, 2015; Pils, 2014) и «кредитная история» КНР в вопросах прав человека при Си Цзиньпине по сравнению с минимум двумя его предшественниками ухудшилась.

Ситуация в КПК/КНР складывается таким образом, что, за исключением Ван Цишаня, который является самостоятельной фигурой и сохранит свое влияние в пекинских «коридорах власти» вне зависимости от того, останется ли он после съезда на руководящих должностях или уйдет в отставку, другие китайские политики, которые окажутся после съезда в зоне общественного, в том числе мирового, внимания, таковыми, во всяком случае пока, не являются.

Поэтому, скорее, следует говорить не о новом поколении руководителей (руководитель предполагается один – нынешний китайский лидер), а о команде Си Цзиньпина и, в частности, о том, каким образом она формируется. В этой связи наблюдатели сходятся в том, что заслуживают особого внимания перспективы карьерного роста ряда руководящих работников центрального партийно-государственного аппарата КНР, тесно связанных с нынешним китайским лидером по работе, повторимся, в пров. Фуцзянь, Чжэцзян, а также в Шанхае. Среди них Чэнь Си, Лю Хэ, Дин Сюэсян, Чжун Шаоцзюнь, Дэн Вэйпин, Ван Сяохун, Хуан Куньмин, Цай Ци, Чэнь Исинь, Шу Гоцзэн и некоторые другие. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает дальнейшая карьера Лю Хэ, Чжун Шаоцзюня, Дин Сюэсяна и Чэнь Си.

Си Цзиньпинь – сложная и противоречивая фигура, как и страна, которую он возглавляет, и ее проблемы. Как пишет один явно сочувствующий ему гонконгский наблюдатель, Си «хочет на основе полного раскрытия своих возможностей уничтожить все изъяны, накопившиеся за 67 лет господства КПК в экономической и политической структуре, повести Китай по пути возрождения с тем, чтобы побороться с Америкой за гегемонию. Это великое национальное стремление. Одновременно с этим Си Цзиньпин хочет, используя свою абсолютную власть, сделать зажиточной жизнь многих миллионов простого народа и бедных крестьян, это его благородное стремление трогают. Сможет ли он осуществить эти два великих стремления, будет ясно через несколько десятков лет»²³. В любом случае это политик

23 Сунь Дало. Сань да иньсу куньжао Си хэсинь цзою вэй нань (Три фактора, ставящие Си-ядро в затруднительное положение). *Цяньшао*. 2017. № 7. С. 11 (на китайском языке).

мирового уровня, чьи не только действия, но и высказывания и даже жесты заслуживают пристального внимания и анализа.

Список литературы

Бурлацкий Ф.М. (1970). *Ленин, государство, политика*. М.: Наука. 522.

Галенович Ю.М. (2008). *Дао Ху-гуна*. М.: Русская панорама. 988.

Галенович Ю.М. (2012). *Чжао Цзыян и реформы в Китае*. М.: Русская панорама. 752.

Желуховцев А.Н. (1973). «Культурная революция» с близкого расстояния. М.: Издательство политической литературы. 252.

Ли Даньхуй. (2005). Некоторые вопросы китайско-советских отношений в 1960-е годы. *Проблемы Дальнего Востока*, (1). 104–119.

Лю Сумэй, Румянцев Е.Н. (1999). *Китай, каким я его знаю*. М.: ЮПАПС. 144.

Наварро П., Отри Г. (2017). *Смерть от Китая: лицом к лицу с Драконом – Глобальный призыв к действию*. М.: Синосфера. 445.

О подготовке в КНР к 19-му съезду Коммунистической партии Китая. *Круглый стол в ПДВ*. (2017). *Проблемы Дальнего Востока*, (3). 4–34.

Румянцев Е.Н. (2016). *Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина*. М.: Синосфера. 589.

Biddulph S. (2015). *The stability imperative: human rights and law in China*. Vancouver: UBC Press. 322.

Bo Zhiyue. (2016). *China's Political Dynamics Under Xi Jinping*. Singapore: WSPC. 212.

Brown K. (2016). *CEO, China: The Rise of Xi Jinping*. London; N. Y.: I.B.Tauris. 288.

Han Sang-Jin, Lü Peng. (2012). Chinese crisis management: consolidated authoritarian capitalism as a new brand of political regime? Van Beek U., Wnuk-

Lipinski Ed. (eds.). *Democracy Under Stress: The Global Crisis and Beyond*. Stellenbosch. 151–170.

Lam W. W. L. (2015). *Chinese politics in the era of Xi Jinping: renaissance, reform, or retrogression?* N. Y.: Routledge. 348.

Pils E. (2014). *China's human rights lawyers: advocacy and resistance*. N. Y.: Routledge. 312.

Pye L. (1968). *The Spirit of Chinese Politics. A Psychocultural Study of the Authority Crisis in the Political Development*. Cambridge, Mass.: M.I.T. 255.

Shambaugh D. (2016). *China's Future*. Cambridge: Polity. 244.

Wilson D. (ed.). (1977). *Mao Tse-tung in the Scale of History*. Cambridge: Cambridge University Press. 331.

References

Biddulph S. (2015). *The stability imperative: human rights and law in China*. Vancouver: UBC Press. 322.

Bo Zhiyue. (2016). *China's Political Dynamics Under Xi Jinping*. Singapore: WSPC. 212.

Brown K. (2016). *CEO, China: The Rise of Xi Jinping*. London; N. Y.: I.B.Tauris. 288.

Burlatskii F.M. (1970). *Lenin, state, politics*. Moskva: Nauka. 522.

Galenovich Yu.M. (2008). *The Tao of Hu-gong*. Moskva: Russkaya panorama. 988.

Galenovich Yu.M. (2012). *Zhao Ziyang and Reforms in China*. Moskva: Russkaya panorama. 752.

Han Sang-Jin, Lü Peng. (2012). Chinese crisis management: consolidated authoritarian capitalism as a new brand of political regime? Van Beek U., Wnuk-Lipinski Ed. (eds.). *Democracy Under Stress: The Global Crisis and Beyond*. Stellenbosch. 151–170.

Lam W. W. L. (2015). *Chinese politics in the era of Xi Jinping: renaissance, reform, or retrogression?* N. Y.: Routledge. 348.

Li Dan'khui. (2005). Certain problems in the Chinese-Soviet relations in 1960-s. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (1). 104–119.

Lyu Sumei, Rummyantsev E.N. (1999). *China as I know it*. Moskva: YuPAPS. 144.

Navarro P., Autry G. (2017). *Death by China: confronting the Dragon – A global call to action*. Moskva: Sinosfera. 445.

On the preparation for the 19th Congress of the CPC. The round table in “Far Eastern Affairs”. (2017). *Problemy Dal'nego Vostoka*, (3). 4–34.

Pils E. (2014). *China's human rights lawyers: advocacy and resistance*. N. Y.: Routledge. 312.

Pye L. (1968). *The Spirit of Chinese Politics. A Psychocultural Study of the Authority Crisis in the Political Development*. Cambridge, Mass.: M.I.T. 255.

Rummyantsev E.N. (2016). *Internal and foreign policy of Xi Jinping*. Moskva: Sinosfera. 589.

Shambaugh D. (2016). *China's Future*. Cambridge: Polity. 244.

Wilson D. (ed.). (1977). *Mao Tse-tung in the Scale of History*. Cambridge: Cambridge University Press. 331.

Zhelokhovtsev A.N. (1973). «Cultural revolution» at close range. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 252.

Информация об авторе

Евгений Николаевич Румянцев, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока, Российская академия наук

117997, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32
evgrum@yahoo.com

About the Author

Evgeny N. Rummyantsev, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

32, pr. Nakhimovsky, Moscow, Russian Federation, 117997
evgrum@yahoo.com

Российский опыт

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82

Александр Георгиевич ЛАРИН

Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Нахимовский проспект, 32, Москва, 117997, Российская Федерация
alekclarin@yandex.ru

Китайская диаспора в России

АННОТАЦИЯ. На современном этапе тезис о «китайской демографической угрозе» отошел далеко на задний план, но не исчез из массового сознания, парадоксальным образом сочетаясь с возросшими симпатиями к Китаю. Труд китайских мигрантов, распространяясь по всей стране, играет особо заметную роль в экономике российского Дальнего Востока. В ряде мест и ряде отраслей китайские мигранты конкурируют с россиянами и даже вытесняют их с рынка; в других случаях их труд признается необходимым. Российские власти проводят политику постепенного ограничения иностранного, в том числе китайского, труда, как в целях облегчения трудоустройства собственных граждан, так и из геополитических соображений. Обратная сторона этой политики – ухудшение и без того не слишком благоприятного инвестиционного климата в стране. Российская администрация слабо контролирует хозяйственную деятельность китайских мигрантов и даже динамику их численности, но при этом тяготеет к сдаче в аренду китайской стороне крупных сельскохозяйственных и лесных угодий, не стремясь максимально использовать трудовой потенциал собственного народа и создавая ситуацию, чреватую нанесением ущерба экономиче-

скому суверенитету страны, что вызывает протесты общественности. Образовательную миграцию из Китая в Россию, не отличающуюся большими объемами, сдерживает комплекс причин, включая неблагоприятные условия жизни в России. Главной же причиной является низкий рейтинг российского диплома на международном рынке труда, в том числе в самом Китае, и весьма скромные возможности, которые он открывает для карьерного роста. Начинаясь сопряжение Евразийского экономического союза и Экономической полосы Шелкового пути, по-видимому, откроет более широкие возможности привлечения китайских трудовых мигрантов к подъему российской экономики, однако их профессиональный состав едва ли качественно изменится. Взрывной рост их количества может произойти, если ЕАЭС и Китаем будет принято решение о создании зоны свободной торговли. Однако в обозримом будущем это представляется маловероятным. Китайская диаспора, будучи безусловно полезной для России, одновременно несет ей и целый ряд рисков. Их можно устранить или смягчить, наладив четкий контроль и регулирование деятельности мигрантов, но для этого необходимо усовершенствовать механизм управления экономикой страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «китайская угроза», полезность китайской диаспоры, конкуренция китайских мигрантов с россиянами, ограничения китайского труда, контроль за деятельностью мигрантов, китайская диаспора как источник вызовов, образовательная миграция из Китая, ки-

тайская миграция и зона свободной торговли

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ларин А.Г. (2017). Китайская диаспора в России. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 65-82. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82

Russian Experience

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82

Alexander G. LARIN

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
32, pr. Nakhimovskiy, Moscow, Russian Federation, 117997
alekclarin@yandex.ru

Chinese Diaspora in Russia

ABSTRACT. *At the present stage, the thesis of the “Chinese demographic threat” has decreased to the lowest level, but has not disappeared completely from the mass consciousness, paradoxically combining with increased sympathy for China. The work of Chinese migrants, spreading throughout the country, plays a particularly significant role in the economy of the Russian Far East. In a number of places and a number of industries, Chinese migrants compete with Russians and even drive them out of the market; In other cases, their work is recognized as necessary. The Russian authorities pursue a policy of gradual restriction of foreign, including Chinese, labor, both to facilitate the employment of their own citizens, and to achieve geopolitical goals. The reverse side of this policy is the worsening of the already not very favorable investment climate in the country. The Russian administration has little control over the economic activities of Chinese migrants and even the dynamics of their numbers, but at the same time it tends to lease to the Chinese side large agricultural and forest territories,*

not seeking to maximize the labor potential of its people and creating a situation impending damage to the country’s economic sovereignty, that causes public outcry. Educational migration from China to Russia, which is not very large, is constrained by a set of causes, including unfavorable living conditions in Russia. The main reason is the low rating of the Russian diploma in the international labor market, including in China itself, and the very modest opportunities that it opens for career growth. The conjugation of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt, apparently, will open up wider opportunities for attracting Chinese labor migrants to the rise of the Russian economy, but their professional structure will hardly change qualitatively. The explosive growth of their number can occur if the EAEU and China decide to establish a free trade zone. However, this is unlikely in the foreseeable future. The Chinese diaspora, being undoubtedly useful for Russia, simultaneously carries a number of risks to it. They can be eliminated or mitigated by establishing clear control

and regulation of migrants' activities, but for this it is necessary to improve the mechanism of managing the economy of the country.

KEYWORDS: *“the Chinese threat”, the usefulness of the Chinese diaspora, the competition of Chinese migrants with Russians, the limitation of Chinese labor, control over the activities of migrants, the Chinese diaspora as a source of challenges, educational migration from China, Chinese migration and a free trade zone*

FOR CITATION: Larin A.G.. (2017). Chinese Diaspora in Russia. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 65-82. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82

Строго говоря, совокупность китайских мигрантов в России не является диаспорой уже по следующей причине: диаспору образуют люди, постоянно, из поколения в поколение, проживающие в принявшей их стране – об этом говорится прямо или подразумевается по умолчанию фактически во всех определениях диаспоры. Между тем поток из Китая едва ли не целиком состоит из временных трудовых мигрантов – наемных рабочих, служащих и предпринимателей.

О мобильности состава китайского сообщества свидетельствуют и данные Пограничной службы ФСБ России: за 2010–2016 гг. на постоянное жительство из КНР в Россию прибыло всего 11,8 тысяч человек¹.

Однако в поведении этой текучей массы мигрантов если не полностью, то частично воспроизводятся некоторые принципиально важные свойства диаспоры. К ним относятся поддер-

жание чувства этнокультурного единства, тенденция к созданию организационных форм для своего функционирования и развития, в том числе землячеств, общественных организаций, органов печати и т.п. (которые, впрочем, зачастую не отличаются особой активностью или прочностью). Относительная длительность пребывания в стране значительной части мигрантов, формирование некоего устойчивого «ядра» дает возможность старожилам накопить опыт и передать его новичкам подобно тому, как это происходит в диаспорах. (В опросе, проведенном нами в 2007 г. среди китайских коммерсантов, оказалось, что 32% респондентов прожили в нашей стране более пяти лет).

В силу этого сходства, а также отсутствия более точного термина за китайским сообществом в России закрепилось удобное название «диаспора». Воспользуемся им и мы.

В 1990-е и «нулевые» годы едва ли не самой популярной темой среди населения в разговорах о международных делах была «китайская демографическая экспансия» в России. Массовому сознанию представлялось, что китайцы легальными и нелегальными способами переходят границу и расселяются по территории российского Дальнего Востока, приобретают недвижимость и постепенно становятся подлинными хозяевами края, покидаемого его населением. Об этом много материалов публиковали СМИ, об этом гудел Интернет.

Не было недостатка и в разоблачениях мифа о «китайской угрозе».

В настоящее время градус этих тревог резко понизился, что свидетельствует о целом ряде перемен в ситуа-

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации (статистические бюллетени). *Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт*. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (Дата обращения: 10.10. 2017)

ции вокруг китайской диаспоры – времен экономических, геополитических, социально-психологических.

Начать с того, что люди попросту привыкли к присутствию китайских мигрантов, примирившись с тем, что их деятельность имеет как положительные, так и теневые стороны. Укрепление толерантности способствовало соседству богатого Китая, источника разнообразных товаров и других благ, с которыми необходимо сотрудничать.

Далее, с 2007 г. российское правительство запретило иностранцам заниматься некоторыми видами розничной торговли, прежде всего на рынках, и, хотя не сразу, этот запрет был претворен в жизнь. В результате количество китайских торговцев – а большая часть китайцев занимались торговлей – существенно уменьшилось, и они перестали «мозолить глаза» обеспокоенным обывателям. Следующим шагом с теми же последствиями стало закрытие в 2009 г. крупнейшего в Европе центра китайской торговли – Черкизовского рынка.

Сильный удар по китайским мигрантам нанес экономический кри-

зис 2008–2009 г. Правда, после кризиса численность въезжающих в Россию китайцев стала расти и в 2016 г. составила 1 565,5 тыс. чел. против 718,5 тыс. в 2009 г. Однако в связи с осложнением экономического положения страны одновременно стал увеличиваться и отток китайцев из России, отчего суммарный миграционный прирост за период после 2010 г. сделался отрицательным (Таблица 1). Резко негативную роль здесь сыграл обвал рубля, в том числе в отношении юаня, в 2014 г. И хотя миграционный оборот и после падения рубля продолжал увеличиваться, это произошло за счет краткосрочных туристических и шопинговых поездок, никак не похожих на опасный «китайский демографический наплыв». (В 2014 г. в Россию въехало 409,8 тысяч туристов из КНР, в 2015 г. – 677,6 тысяч, в 2016 г. – 890,7 тысяч²).

Наконец, в связи с украинским кризисом и изоляцией страны от Запада внимание россиян оказалось занято гораздо более серьезными проблемами, чем гипотетическая «китайская угроза». В условиях поворота на Восток уси-

Таблица 1. Миграция китайцев в Россию, 2010 – 2016 гг. (тыс. человек)

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Прибытие	747,6	845,6	979,0	1071,6	1125,1	1353,0	1565,5
Выбытие	747,5	847,0	978,1	1074,3	1126,9	1362,6	1565,5
Миграционный прирост	-0,1	-1,4	0,9	-2,7	-1,8	-9,6	0,0

Составлено по источнику: Численность и миграция населения Российской Федерации (статистические бюллетени). Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906. (Дата обращения: 10.10. 2017)

² Численность и миграция населения Российской Федерации (статистические бюллетени). Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906. (Дата обращения: 10.10. 2017)

лились доверие и симпатии к КНР. Так, в опросе, проведенном сотрудниками ИИАЭ ДВО РАН В.Л. Лариным и В.Л. Лариной на Дальнем Востоке в 2014–2015 гг., 76% респондентов назвали возможным источником угроз США и только 37% – КНР, тогда как в 2013 г. это соотношение было 55% и 50% (Ларин, Ларина, 2016, с. 16, 18, 23). Во всероссийском опросе ФОМ в 2015 г. только 27% опрошенных заявили, что Китай угрожает интересам России, и вдвое больше – 54% – решили, что нет, не угрожает³. В глобальном опросе американского социологического агентства PEW в 2015 г. положительный отзыв Китаю дали 79% респондентов-россиян, отрицательный – всего 14%. Всего за год до того, в 2014 г., показатели были заметно менее благожелательными для Китая: 64% и 28% соответственно⁴.

К этому необходимо добавить, что «предприятия с китайским капиталом неплохо вплетены в социальную ткань локальных сообществ и являются их неотъемлемой частью. Обеспечивается это за счет того, что более-менее успешные и значимые с точки зрения масштабов деятельности ПМК управляются российскими директорами, чаще всего уроженцами тех мест, где ведется бизнес. Именно они являются связующим звеном между интересами китайского бизнеса и интересами российских бюрократов» (Иванов и др., 2016, с. 27). Китайские и совместные предприятия стали понемногу принимать на работу местных жителей – и в качестве сельскохозяйственных рабочих, и на управленческие должности (бухгалтеры, юристы) (Зуенко, 2015), и на строительные специальности. В из-

вестной строительной компании «Хуафу» работают несколько сотен россиян (Чжоу Тяньхэ, 2016, с. 314). Предприятия с китайским капиталом посредством финансовой помощи участвуют также в решении местных социальных проблем (Иванов и др., 2016, с. 16–17).

Все это, вместе взятое, отодвинуло застарелый тезис о «китайской демографической угрозе» далеко на задний план. Одновременно ушел в небытие миф о том, что китайские мигранты – это дисциплинированная армия, направляемая Пекином с целью внедрения в российскую экономику и установления контроля над ее отраслями и территориями (такую гипотезу всерьез излагали некоторые авторитетные российские ученые, не смущаясь отсутствием сколько-нибудь убедительных доказательств). На самом деле Китай серьезнейшим образом заинтересован в экспорте своих трудовых ресурсов и поощряет его, но экспортом занимаются и государственные, и частные компании, а государство предоставляет зарубежным предпринимателям льготные кредиты и субсидии, а также оказывает желающим выехать на работу за границу поддержку, предоставляя информационные материалы и организуя профессиональную переподготовку (Иванов, 2014, с. 38).

На «страшилки» вроде вышеупомянутой эти факты никак не тянут.

В общей массе иностранных трудовых мигрантов удельный вес китайцев сравнительно невелик, хотя и превосходит долю мигрантов из любой другой страны дальнего зарубежья. По данным ФМС, число китайских мигрантов, имевших разрешение на работу,

3 Россия и США. Опрос ФО Мнибус 25 — 26 июля. *BD. FOM. RU: база данных интернет-газеты ФОМ.* URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom3015/d301507>. (Дата обращения: 10.10.2017)

4 Pew Research Center. Global Attitudes and Trends. Global Indicators Database. URL: <http://www.pewglobal.org/database/indicator/24/country/181/> (Accessed: 11.10.2017)

составило на конец 2011 г. 6,8% от общего числа иностранных работников, на конец 2014 г. – 6,9%⁵. (Разумеется, в эти данные попадает лишь какая-то доля мигрантов, однако можно предположить, что для мигрантов из разных стран эта доля примерно одна и та же). На Дальнем Востоке доля китайского труда особенно высока. Так, в ЕАО среди мигрантов, работающих по разрешению, в 2015 г. на китайцев приходилось 97%, в Амурской области – 7%, в Приморском крае – 55%, в Хабаровском крае – 23% (Мищук, 2016, с. 272).

Труд китайских мигрантов, несмотря на их относительно небольшую численность, распространился по всем регионам России и играет существенную роль в экономике Дальнего Востока, способствуя решению важнейших хозяйственных проблем. Он позволяет выровнять дисбаланс на рынке труда, восполняет нехватку рабочей силы в непрестижных или низкооплачиваемых отраслях, дает возможность снизить издержки производства, получить дополнительную продукцию, увеличить прибыль. Китайские предприниматели уплачивают налоги, создают рабочие места, приобретают на местных рынках товары производственного назначения.

Китайские строители в качестве застройщиков, подрядчиков или даже просто наемных рабочих ведут работы во многих городах Сибири и Дальнего Востока, специализируясь главным образом на возведении крупных жилых и общественных зданий. На счету китайских строителей – жилые кварталы в Благовещенске, Иркутске, Хабаровске, а также Петербурге и других горо-

дах. Крупнейшая китайская строительная компания «Хуафу» в 2013 г. сдала в эксплуатацию более 16 тысяч кв. м. промышленно-гражданских зданий и также более 16 тысяч кв. м. жилых площадей (Чжоу Тяньхэ, 2016, с. 314). В Москве китайские строители участвовали в возведении Башни Федерации, а в ближайшее время начнут прокладывать новые линии метрополитена. В 2014 г. китайские застройщики были приглашены к участию в Госпрограмме строительства 25 млн кв. м. жилья по всей России⁶. Китайские строители возводят здания качественно, быстро и дешево, и это заставляет их российских коллег снижать монопольные цены.

Около двух тысяч китайских рабочих участвовали в прокладке нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан на его якутском участке. Они трудились также на сооружении объектов саммита АТЭС во Владивостоке. Это позволило обеим сторонам накопить опыт использования китайской рабочей силы на крупных стройках.

Китайские сельскохозяйственные работники заняты выращиванием как овощей, так и полевых культур: сои, зерна, в том числе в последнее время – риса (частью для внутреннего рынка, частью на экспорт в КНР), животноводством, переработкой сельскохозяйственной продукции, сбором даров природы. На 2010 г. (более поздних данных у нас нет) китайцы, по информации агентства «Синьхуа», арендовали в приграничных районах России 426,6 тысяч га сельскохозяйственных угодий. В частности, в 2010 г. администрация г. Муданьцзян получила в свое распоряжение 146,6 тыс. га

5 Труд и занятость в России. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/Main.htm (Дата обращения: 10.10.2017)

6 Застройщики из Китая построят доступное жилье в России. РБК. 25.06.2014. URL: <https://realty.rbc.ru/news/577d24939a7947a78ce91d9c> (Дата обращения: 11.10.2017)

земли – на 42% больше, чем в предыдущем году⁷.

В последние годы мелкие и средние китайские предприниматели начали активнее осваивать такие сферы экономики, как: пищевое производство, игровой бизнес, ремонт автомобилей, торговля пиломатериалами, изготовление бытовых принадлежностей и даже судоремонт.

Наиболее, пожалуй, острый вопрос, связанный с китайскими мигрантами, – это вопрос о конкуренции их с российскими трудящимися. Вытесняют ли китайцы россиян с рабочих мест или занимают на рынке труда свободные ниши, куда россияне не идут из-за их непрестижности, или невысокой оплаты, или географически неудобного расположения, или где попросту не хватает российских рабочих рук? Создают ли возможность для работодателей урезать оплату труда наших граждан, предлагая более дешевый труд, высокую исполнительность и дисциплинированность и не претендуя на социальное обеспечение? На сей счет существуют полярно противоположные мнения, и это неудивительно, учитывая, что конкуренция в значительной мере носит латентный характер, а зона действия того или иного очага конкуренции может не иметь четких границ.

По нашему убеждению, в реальной экономической практике имеют место все названные варианты, и зондирование в разных точках хозяйственного механизма дает разные результаты. Однако в основном китайские мигранты заполняют те рабочие места, которые не заняты местным населением. Эта точка зрения подкрепляется иссле-

дованиями дальневосточных ученых. Расскажем здесь в качестве примеров о двух из них.

Ученый из Владивостока И.Ю. Зуенко провел опрос сотрудников администрации Смидовичского района ЕАО, выясняя их взгляды по поводу привлечения китайских крестьян для работы на российских полях. «По мнению опрошенных респондентов, – пишет он, – без этого нельзя. Население района невелико, проблемы безработицы в целом не существует (учитывая близость Хабаровска и Биробиджана), а зарплаты батраков не являются для местных жителей привлекательными» (Зуенко, 2015, с. 54).

Сотрудница Байкальского университета Е.М. Попова сосредоточила свое внимание на двух наиболее крупных проектах с китайским капиталом, осуществляемых в Забайкальском крае: строительстве лесобрабатывающего комплекса и горнодобывающего предприятия. 75% работников на них – китайские граждане. С помощью полевых исследований Е.М. Попова обнаружила: хотя в Забайкальском крае в целом уровень безработицы достаточно высок, в районах вокруг данных инвестиционных объектов кандидатов на рабочие места среди местных безработных «либо нет, либо их количество значительно отстает от объема потребностей инвестпроектов» (Попова, 2017, с. 334).

Правда, остаются неиспользованными рабочие без постоянного источника дохода. А подготовка специалистов в крае охватывает лишь часть профессий, требующихся для проектов.

Таким образом, в первом случае никакого вытеснения российских рабочих китайскими не наблюдается, во

7 Полуниин А. Китай берет Россию в аренду. *Свободная пресса*. 01.06. 2010. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/25865/> (Дата обращения: 11.10.2017)

втором – если и можно говорить о «вытеснении», то лишь с очень большой натяжкой.

Вместе с тем в таких отраслях, как овощеводство, имеет место засилье производимой по обе стороны границы китайской продукции. В условиях пассивности властей оно оказывается губительным для российского сельскохозяйственного производства, но при этом выгодным для российского потребителя. Тем более что подчас никакой другой продукции, кроме китайской, ему и не предлагается. Задача развязать этот и многочисленные подобные ему узлы, касающиеся и предпринимателей, и наемных работников, давно стоит перед российской экономикой; она приобретает еще большую значимость в условиях сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути.

В создавшейся противоречивой ситуации в России сложился курс на ограничение внешней миграции. Региональные администрации из года в год снижают квоты на выдачу разрешений на работу. В октябре 2014 г. Минтруда предложило ограничить по всей стране использование иностранной рабочей силы в сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте⁸. С 1 января 2015 г. вступил в силу закон об обязательной сдаче мигрантами для получения разрешений на работу экзаменов по русскому языку, истории СССР и основам российского законодательства. Были повышены пошлины, связанные с оформлением иностранных граждан на работу. Тогда же на рабо-

тодателя была возложена обязанность уплачивать за иностранных работников взносы в Пенсионный фонд РФ и Фонд социального страхования РФ⁹. В 2016 г. полпред президента в ДВФО Ю. Трутнев сделал принципиальное заявление: «Земля наша, решения принимаем мы, за нами последнее слово, и 80% работников в совместном проекте – это россияне, 20% – китайцы»¹⁰ (имея в виду 20% как максимум).

Этой политике сдерживания внешней миграции явственно просматриваются и социально-экономические мотивы (стремление обеспечить для своих граждан преимущества в трудоустройстве), и геополитические соображения, и более мелкие стимулы (желание выжать из сферы миграции максимальный доход в госбюджет), и т.д.

Пока трудно определить, в какой мере ограничение притока мигрантов позволит смягчить проблему занятости россиян, однако практика подсказывает, что сколько-нибудь значительное сокращение китайской (вообще иностранной) рабочей силы в настоящее время едва ли возможно без ущерба для функционирования уже налаженных экономических механизмов. Сокращение квот и другие ограничительные меры создают дополнительные трудности для предпринимателей, в том числе китайских, ухудшая и без того неблагоприятный инвестиционный климат в стране. В первую очередь это относится, очевидно, к малому и среднему бизнесу, которым мало интересуются региональные власти, ориентирующиеся

8 Панов П. Правительство вводит новые ограничения на работу мигрантов. *Известия*. 29.10.2014. URL: <http://izvestia.ru/news/578502> (Дата обращения: 11.10.2017)

9 О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ» и отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ (принят ГД ФС РФ 14.11.2014). *Интернет-портал «Российской газеты»*. 27.11.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/11/27/inostr-dok.html> (Дата обращения: 11.10.2017)

10 «Мы сильная страна. Чего нам бояться». Интервью полпреда президента РФ в Дальневосточном округе Юрия Трутнева. *Газета.ру*. 04.09.2016. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/09/04/10175789.shtml>. (Дата обращения: 11.10.2017)

на крупные инвестиционные проекты федерального уровня, и для которого мало что могут сделать органы местного самоуправления.

Что же касается обобщенной картины тех условий, с которыми сталкивается в России основная масса китайских бизнесменов, то мы попытаемся здесь посмотреть на нее глазами самих бизнесменов. Надо признать, китайские эксперты и представители бизнеса, проявляя завидную политкорректность, не склонны на публике критиковать нашу страну, хотя, конечно, прекрасно осведомлены о положении дел в ее экономике (и ее дефектах). Они предпочитают говорить о «специфических чертах» инвестиционного климата России, значительно отличающих ее от других стран, о «своеобразии мышления» российских предпринимателей, стараются избегать критического тона. Однако в китайской прессе можно встретить и достаточно откровенные аналитические статьи, посвященные проблемам инвестирования в России.

Одну из статей такого рода: «Инвестиции китайских предприятий в России: риски и их предупреждение» написал сотрудник Института управления экономикой Даляньского университета Чжэн Сюэпин. Статья примечательна тем, что, будучи опубликована в 2010 г. в харбинском журнале «Сиболия яньцзю» («Изучение Сибири») (Чжэн, 2010), была замечена общественностью, в течение нескольких лет воспроизводилась и цитировалась на различных сайтах Интернета, была занесена в MBA Library¹¹ и послужила исходным

образцом для целого ряда статей похожего типа, вплоть до самых свежих, увязанных с концепцией «Одни пояс, один путь»¹². В исходной статье описывается инвестиционный климат в его «исконном» виде, очищенный от дефектов, которые можно было бы списать на конъюнктуру последних лет. Автор рассказывает о рисках, представляющих собой «следствие несовершенства законодательной базы, слабости финансовой системы, усложненности налоговых правил, коррупции, цивилизационных различий» (Чжэн, 2010, с. 43). Он делит риски на несколько групп. Коротко скажем о важнейших из них.

Риски государственного уровня. Это полная или частичная национализация капитала, угрозы, связанные с нестабильностью в правительственных кругах, борьбой между различными группами интересов. В качестве примеров Чжэн Сюэпин приводит дело ЮКОСа, конфликт с консорциумом Sakhalin Energy по поводу осуществления проекта «Сахалин-2», отказ от продажи Китаю нефтяной компании «Славнефть» и т.д.

Юридические риски. Существуют серьезные расхождения между федеральными и местными законами для иностранных инвесторов; процедуры подачи и утверждения заявок многозвенные и сложные, правила уплаты налогов также чрезмерно сложны; правоприменительные органы часто заражены коррупцией, эффективность работы различных ведомств низка; при переводе в Китай прибыли или доходов от акций взимается пошлина в размере 10%.

11 MBA Library – коллекция книг и статей для обучающихся по программе MBA. URL: <http://doc.mbalib.com/view/29ff5b4f053e8e7535f3aa9a4401a845.html>. (Accessed: 11.10.2017).

12 См., напр., Лун Сюэ. И дай и лу чжаньлюэ ся чжунго дуй Э чжицзе тоу цзы фэнсянь юй дуйцэ [Прямые китайские инвестиции в России: анализ рисков и контрмеры в рамках стратегии «Один пояс, один путь»]. *Чжун Э цзысюнь ван*. 08.06. 2017. URL: <http://www.chinaru.info/zhonghejingmao/lubuhuilv/48235.shtml> (Дата обращения: 11.10.2017) (на китайском языке).

Экономические риски, вызванные несбалансированностью структуры российской экономики, нестабильностью рубля, инфляцией.

Риски дискриминационного характера, существующие, несмотря на то, что по российским законам к иностранным инвесторам нельзя предъявлять требования сверх тех, которые предъявляются к своим. Дискриминация китайских компаний проявляется, в частности, в незаконных проверках их деятельности, завышении пошлин за выдачу виз, сокращении сроков пребывания в стране китайских рабочих-мигрантов, двойном налогообложении вопреки соответствующим соглашениям.

Социальные риски. Сюда относятся различные проявления ксенофобии, живучесть представлений о «китайской угрозе», деятельность скинхедов. И, наконец, коррупция, с которой «китайские инвесторы сталкиваются неизбежно»: автор без оглядок на политкорректность пишет о том, что она существует на всех уровнях, что в России коррупционные группы «контролируют правительственные ведомства, подкупают парламентариев» и т.д.

Заметим, что мнения вроде вышеприведенных нигде и никем не оспариваются.

Неспособность российских властей создать благоприятные условия для китайского бизнеса логично сочетается с их неумением наладить должный контроль за его деятельностью, которая в итоге подчас выпадает из поля зрения властей, приобретает стихийный характер и никому не ведомые размеры. В качестве примера сошлемся на выступление губернатора ЕАО А. Левенталья на Петербургском международном экономическом форуме: «Когда меня назна-

чил президент, ко мне кинулись инвесторы: мы знаем, что вы – сельскохозяйственная территория, будем развивать сельское хозяйство. Но в управлении сельского хозяйства мне сказали, что земли для инвестиционных проектов нет. Потому что вся земля роздана на лоскутки, порезана. Где-то есть российские фермеры, но, по моим данным, 80% земли контролируется китайцами: законно, незаконно, разными способами. В результате сельское хозяйство идет в тупик, к катастрофе. 85% земель засаживается соей – культурой, которая убивает землю, если два-три года ее сажать»¹³.

Мало того, согласно свидетельствам многих авторитетных специалистов, в том числе официальных лиц, китайские земледельцы широко применяют в своей практике запрещенные химические удобрения и ядохимикаты, в том числе незаконно ввозимые из Китая. Таким образом, они производят опасную для здоровья продукцию и отравляют почву. Подчеркнем: по убеждению некоторых экспертов, это может относиться лишь к части китайских крестьян, тогда как другая часть работает честно, а представления о хищнической эксплуатации земли являются преувеличениями (Иванов и др., 2016). В проверках работы китайских аграриев, кажется, нет недостатка. Их проверяют Россельхознадзор, ФСБ, прокуратура, нарушителям выносятся предупреждения и требования устранить нарушения, на них накладываются штрафы. Однако нам ни разу не довелось услышать о фактах пресечения этой преступной деятельности, о наказании преступников или о высылке их в Китай. Российские органы власти почему-то оказываются бессильны остановить эти наруше-

13 Губернатор Еврейской АО: Китайцы контролируют восемьдесят процентов земель региона. *Newsinfo*. URL: <http://www.newsinfo.ru/news/2017-05-09/item/781352/> (Дата обращения: 11.10.2017)

ния закона, чем, кстати сказать, навлекают на себя подозрения в коррупции, поскольку в России хорошо знают, как строятся отношения между бизнесом и проверяющими структурами¹⁴.

Особого внимания заслуживают эпизоды, связанные с попытками местных властей сдать сельскохозяйственные угодья в аренду китайским фирмам на длительные сроки – 40–49 лет, что вызывает резкие протесты российской общественности. Одна из таких попыток имела место в 2006 г. в Нижегородской области. Ее руководители по предложению китайской стороны решили принять у себя крестьян из КНР для выращивания овощей и разведения рыбы, предоставив им в аренду на сорок лет соответствующие сельскохозяйственные угодья. Привлекательность идеи была прямо связана с наличием в области обезлюдивших сельских территорий: за годы реформ население области сократилось до 600 тыс. человек, уменьшившись почти на 100 тысяч. Девятнадцать районов области прислали заявки на 100–700 сельскохозяйственных рабочих из КНР, обещая предоставить им пустующие дома или построить новые.

Однако инициатива властей натолкнулась на серьезное сопротивление снизу, едва общественность узнала о ней (из прессы, а не от чиновников, что усугубило ситуацию). В прессе появились критические материалы. Группа нижегородцев направила губернатору письмо с просьбой отказаться от плана завоза китайцев, отмечая, что это приведет к возникновению конкуренции на рынке труда, повышению межэтнической и социальной напряженности, наконец, к оседанию китайских крестьян на российской земле и после-

дующему росту китайской диаспоры. В унисон с авторами письма высказались несколько депутатов Госдумы и областного Законодательного собрания. Дело кончилось тем, что администрация области отказалась от задуманного плана (Ларин, 2009, с. 220).

В июне 2015 г. правительство Забайкальского края и китайская компания «Хуа Э Синбан» подписали протокол о намерении, согласно которому компания получала в аренду по скромной цене на 49 лет 115 тысяч га сельскохозяйственных угодий с перспективой увеличить их размеры до 200 тысяч.

В результате возражений широкой общественности эта попытка не удалась, но остались открытыми вопросы к местной власти:

- Как она собиралась контролировать соблюдение арендаторами агротехнических норм?
- Почему в планировавшемся совместном предприятии российская сторона намеревалась ограничиться долей 25%, что лишало ее возможности полноценно управлять предприятием?
- Учитывает ли местная власть, что после полувекового проживания на арендованной земле китайские крестьяне, скорее всего, не захотят покинуть ее и будут добиваться через свое правительство разрешения остаться в России?
- Разумно ли вообще, что местная власть наделена правами распоряжаться землей подобным образом?

А дальше возникают вопросы к федеральной власти: почему она заняла выжидательную позицию и не дала четкой оценки сложившейся ситуации?

14 О хищническом использовании китайскими мигрантами российских сельскохозяйственных угодий см., напр., (Гельбрас, 2016).

Земля с ее богатствами воспринимается в народе как жизненное пространство нации, залог ее суверенитета. Поэтому нет ничего удивительного, что общественное мнение бурно реагирует на сомнительные манипуляции власти с землей. В Казахстане в 2009 г. опубликование плана президента Назарбаева сдать в аренду китайским компаниям большие площади пахотных земель (по некоторым данным, миллион гектаров на 25 лет) вызвала волну протестных публикаций, митингов, петиций (Садовская, 2014, с. 325). В ходе обсуждений российские специалисты и фермеры не раз отмечали, что при наличии соответствующей материальной помощи со стороны государства сами могли бы справиться с обработкой сдаваемых в аренду площадей. Заслуженный агроном России, депутат Народного Хурала Бурятии Анатолий Кушнарев заявляет: «Я верю, что наши земляки способны вытеснить с рынка китайские овощи и удовлетворить потребности в них жителей республики»¹⁵. Далее он предсказывает, что через несколько лет из-за недостатка воды в Китае его жителям придется импортировать овощи из России. «Здесь есть два подхода: либо они присылают сюда своих рабочих, что чревато определенными проблемами, либо вкладывают инвестиции в наше сельское хозяйство, контролируют их использование и забирают полученную продукцию в Китай. Мне второй подход нравится больше»¹⁶.

Между тем в российских чиновных структурах вызывают все новые планы сдачи в долгосрочную аренду

Китаю сельскохозяйственных и лесных угодий. На 2017 г. объявлена передача китайской стороне на 49 лет территории, равной 40% Тунгиро-Олекминского района (Забайкальский край), для заготовки древесины¹⁷. Такого рода планы вызывают у россиян понятную тревогу. Беспокоит не аренда сама по себе, а доказанная опытом неспособность российских чиновников организовать четкий контроль и добиться рационального использования переданных в чужие руки природных богатств страны. А уж о том, чтобы наладить их разработку собственными силами, пусть и с привлечением иностранного труда, нет и речи: это для наших хозяйственников, по видимому, непосильная задача. Свалить с себя на соседа основные хлопоты, а самим без особых забот получать природную ренту, хотя бы и скромную, – вот их стратегическая линия. Это – стратегия растраты природных богатств, которую необходимо заменить стратегией раскрытия трудового потенциала российской нации.

Наряду с трудовой миграцией в РФ самое последнее время стала понемногу набирать вес другая категория миграции: инвестиционная. Мы имеем в виду резидентов открывающихся с 2014 г. ТОРов. Пока иностранных резидентов в ТОРах немного, но китайских среди них – больше половины. На январь 2017 г. на 14 ТОРах на Дальнем Востоке заявки на статус резидента подали 228 компаний, в том числе 27 иностранных, а из них 13 – это компании из КНР¹⁸. Насколько успешны

15 Халбашкеев А. Родное – лучше. *Мир Байкала*. 2015. 3 (37). С. 108.

16 Там же. С. 109.

17 См. напр., Кузин А. Север Забайкалья отдали китайцам? *Забмедиа*. 29.02.2016. URL: https://zab.ru/articles/4585_sever_zabajkalya_otdali_kitajcam. (Дата обращения: 17.09.2017)

18 Территории опережающего развития – промежуточные итоги. Российский союз промышленников и предпринимателей. Координационный совет в Дальневосточном федеральном округе. 19.01.2017. URL: <http://rspdpfo.ru/events/2017/01/19/pro-mezhutochnye-itogi-sozdaniya-na-dalнем-vostoke-//> (Дата обращения: 17.09.2017)

ми окажутся ТОРы, говорить еще рано. Но права и льготы, предоставляемые там иностранцам, уже вызвали серьезные опасения насчет «тихой оккупации» российского Дальнего Востока, причем не только среди рядовых граждан, но и среди членов Общественной палаты Совета Федерации и депутатов Госдумы (например, В.Г. Юрчика¹⁹). Нам кажется, к этим опасениям не следует относиться пренебрежительно. Даже будучи преувеличенными, они лишний раз напоминают властям предрекшим о необходимости строго оберегать экономический суверенитет страны, не превращая его в разменную монету ради краткосрочных выгод.

Идеи евразийской интеграции дают импульс расширению еще одного вида миграции – образовательных обменов между Россией и Китаем. В настоящее время объем этих обменов невелик: в России на сегодняшний день обучаются 26 тысяч китайских студентов, в Китае проходят обучение более 17 тысяч студентов из России²⁰ (в США – 304 тысячи студентов из Китая). Российскими специалистами предложена серия мер с целью привлечения большего числа молодых китайцев к учебе в нашей стране (Боревская, 2017; Смирнова, 2016). В их числе: стыковка образовательных стандартов (дипломов, ступеней обучения, званий) и построение в конечном счете единого формата образовательного евразийского пространства; создание совместных учебных заведений, примером че-

го может служить проект открытия в Шэньчжэне совместного университета МГУ и Пекинского политехнического института; организация в университетах научно-образовательных и технических кластеров с участием иностранных ученых и студентов (на Восточном экономическом форуме в 2016 г. президент В.В. Путин предложил создать международный кластер такого рода на острове Русский на площадке Владивостокского университета²¹) и т.д.

Вместе с тем необходимо понимать, что имеются фундаментальные факторы, существенным образом ограничивающие приток к нам иностранных студентов. Главный состоит в том, что диплом российского вуза, в отличие, скажем, от американского, дает молодому выпускнику слишком мало шансов преуспеть в жизни – за границей или у себя на родине. Этот фактор складывается из целого ряда взаимосвязанных обстоятельств. В конечном итоге он сводится к общему отставанию России от темпов научно-технического прогресса, а отсюда, как частное следствие, и к невеселому положению дел в сфере образования. Так, плохое преподавание русского языка закрывает студенту дорогу к овладению избранной специальностью; соответственно, у студента пропадает желание учиться всерьез, и он переориентируется на получение диплома любыми способами, поскольку российский диплом в КНР признается.

19 Юрчик В.Г. Наступление китайцев на Сибирь и Дальний Восток. *Красноярское время*. URL: <http://krasvremya.ru/yurchik-nastuplenie-kitaychev-na-sibir-i-dalnij-vostok/> (Дата обращения: 17.09.2017)

20 Голодец: Россия и Китай будут обучать по обмену до 100 тысяч студентов // *Федеральное агентство новостей*. 09.10.2015. URL: <https://riafan.ru/432585-golodets-rossiya-i-kitay-budut-obuchat-po-obmenu-do-100-tyisyach-studentov>. (Дата обращения: 11.10.2017)

21 Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Восточного экономического форума 3 сентября 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52808> (Дата обращения: 11.10.2017)

Это расхолаживает его преподавателей и т.д.²².

К российскому образованию официально относятся в Китае с уважением, но фактически оно распространяется лишь на несколько специальностей. Так, список специальностей, «наилучшим образом подходящих для китайских студентов» на 2016 г., по версии одной из авторитетных консалтинговых компаний, выглядит следующим образом: медицина, русский язык, живопись, авиация и космонавтика, нефтяная промышленность, музыка²³.

В свете всего этого высказанная правительственными фигурами РФ идея к 2020 г. довести ежегодный обмен студентами с Китаем до 100 тысяч с каждой стороны²⁴ выглядит чисто политической акцией, не проработанной в практическом плане. С помощью искусственных приемов эту планку можно взять или, по крайней мере, приблизиться к ней, создав, например, множество краткосрочных языковых курсов, которые долго не продержатся. Однако польза такого рода деятельности вызывает обоснованные сомнения.

Если говорить об основной массе китайских мигрантов – о трудовых мигрантах: мелких и средних предпринимателях, строителях, сельскохозяйственных рабочих – в аналитическом докладе, подготовленном группой дальневосточных ученых (Иванов и др., 2016), приведена таблица, в которой показаны представления сотру-

дников местных администраций (позорно в трех субъектах Федерации) о позитивных и негативных сторонах Китая и китайских мигрантов с точки зрения регионального развития. И плюсы, и минусы образуют там достаточно длинные списки, хотя в целом чиновники явственно выражают удовлетворение результатами сотрудничества с китайскими предпринимателями. Если же выделить из таблицы факторы, относящиеся именно к мигрантам, то окажется, что в положительной «зоне возможностей» Китай фигурирует один раз – как источник дешевой рабочей силы. В негативной же «зоне рисков» Китай отмечен как:

- «конкурент в области сельского хозяйства»;
- «источник угрозы вытесняющей миграции за счет притока граждан КНР»;
- «источник угрозы применения китайскими трудовыми мигрантами сельскохозяйственных технологий, приводящих к полному истощению земель»;
- «источник угрозы снижения качества жизни населения в силу конкуренции с китайскими мигрантами и ухудшения экологии»;
- «источник угрозы нелегального освоения лесных ресурсов области»;
- «КНР проводит политику на трудоустройство за рубежом низкоквалифицированных кадров, максимальное снижение барьеров для вывоза в Россию товаров и людей».

22 Подробнее см. (Ларин, 2009).

23 2016 нянь элосы лю сюэ цзуй шихэ чжунго сюэшен ды чжуанье [Специальности, наиболее подходящие китайским студентам для изучения в России в 2016 г.]. Цяньту чу го. 03.05.2016. URL: <http://liuxue.xdf.cn/Russia/undergraduate/zxzx/731276.shtml>. (Дата обращения: 10.11.2017) (на китайском языке). Статья опубликована на сайте крупнейшей консалтинговой компании Синь дунфан цяньту чу го [Новый Восток. Перспективы выезда за границу], специализирующейся на вопросах обучения за границей и имеющей представительства во многих странах.

24 Голодец: Россия и Китай будут обучать по обмену до 100 тысяч студентов. *Федеральное агентство новостей*. 09.10.2015. URL: <https://riafan.ru/432585-golodets-rossiya-i-kitay-budut-obuchat-po-obmenu-do-100-tyisyach-studentov>. (Дата обращения: 10.11.2017)

Тем не менее, несмотря на обилие рисков, сегодня уже никто, в том числе и авторы вышеприведенных ответов, не ставит в практической плоскости вопрос о том, чтобы обойтись без китайских мигрантов или, во всяком случае, значительно сократить их число.

Мнение, что без китайских мигрантов жизнь населения российского Дальнего Востока будто бы станет лучше, выглядит необоснованным. Кризисное состояние экономики российского Дальнего Востока и отток местного населения обусловлены комплексом фундаментальных факторов, никак не связанных с китайскими мигрантами. К тому же не стоит забывать: эта часть России находится в глубокой экономической зависимости от торгово-экономического обмена с КНР.

Другое дело, что на восточной окраине страны необходимо поддерживать определенный демографический баланс, и он на данное время сохраняется, что видно, если сопоставить численность российского населения в ДВФО – 6,18 млн человек²⁵ и китайской диаспоры (по экспертным оценкам, не более 400 тысяч человек). Если же удастся остановить миграцию россиян с Дальнего Востока – о первых успехах на этом направлении В.В. Путин говорил на Восточном экономическом форуме в 2016 г.²⁶ – то демографическая безопасность этого региона станет еще более надежной.

Вопрос о демографическом наполнении и обеспечении демографической безопасности региона приобретает особую актуальность в свете начинающегося процесса сопряжения Евразий-

ского Экономического союза и Экономической полосы Шелкового пути. Оно предполагает, что, по всей видимости, объем китайской миграции возрастет: ведь экономическое сотрудничество России и Китая будет расширяться, должно увеличиться количество совместных проектов, предполагается значительно повысить производство в стране сельскохозяйственной продукции, в том числе на экспорт в КНР. Реализация всех этих планов подразумевает привлечение дополнительных трудовых ресурсов из Китая.

Взрывное увеличение притока китайских мигрантов может произойти, если представители ЕАЭС и КНР на текущих переговорах о заключении всеобъемлющего торгового соглашения вдруг договорятся о создании общей зоны свободной торговли. Китай добивается создания такой зоны с Россией уже давно. В 2002 г. он как член ВТО потребовал от России согласия на «свободный обмен товарами, услугами и рабочей силой» в качестве одного из условий ее приема в ВТО, правда успеха не добился; аналогичное предложение в том же году было включено в перечень основных направлений сотрудничества в Хартии ШОС. Пункт о ЗСТ был зафиксирован в Совместном заявлении о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП (2015 г.) и, соответственно, включен в повестку названных переговоров. Однако, как выяснилось в ходе переговоров, условия для создания ЗСТ «еще не созрели», и, таким образом, реализация китайской идеи отодвигается в отдаленное будущее. При сохранении же нынешних визовых и таможенных систем количе-

25 См. Бюллетень «Численность и миграция населения РФ в 2016 г.». Выпуск 2017 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (Дата обращения: 10.11.2017)

26 Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Восточного экономического форума 3 сентября 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52808> (Дата обращения: 10.11.2017)

ственные изменения миграционного потока из КНР будут зависеть главным образом от миграционной политики российского правительства и от экономической конъюнктуры в России.

Большинство негативных факторов, проистекающих из деятельности китайских мигрантов, можно устранить или сильно смягчить, если наладить четкий контроль и регулирование их численности и их работы, не допуская, чтобы экономике страны и здоровью ее жителей наносился ущерб. Но возможно ли организовать такое регулирование, не внося серьезных изменений в нашу систему управления экономикой?

Стратегическая задача государства должна, по всей видимости, состоять в том, чтобы радикально усовершенствовать национальную экономику, сделать ее способной воспринимать инновации и порождать их, оздоровить инвестиционный климат, вернуть сельское население к полноценному созидательному труду, что в высшей степени отвечает потребностям демографической и экономической безопасности и в конечном счете является наиболее выгодной моделью экономического развития страны. Это не избавит нас от необходимости прибегать к иностранному труду, в том числе китайскому, но откроет возможности для его более эффективного и гармоничного использования.

Список литературы

- Боревская Н.Е. (2017). Образовательное сотрудничество РФ и КНР: новые тренды на новом этапе. Лузянин С.Г. (ред). *Современные российско-китайские отношения*. М.: ДеЛи. 202–224.
- Гельбрас В.Г. (2016). Китайская трудовая миграция в Россию. *Азия и Африка сегодня*, (5). 50–54
- Зуенко И.Ю. (2015). Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы. *Известия Восточного Института*, 2 (26). 51–59.
- Иванов С.А. (2014). Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае. *Ойкумена*, (4). С. 35–46.
- Иванов С.А. [и др.]. (2016). *Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия. Аналитический доклад*. Владивосток. 29. URL: <http://ihaefe.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf> (Дата обращения: 11.10.2017)
- Ларин А.Г. (2009). *Китайские мигранты в России. История и современность*. М.: Восточная книга. 511.
- Ларин В.Л., Ларина Л.Л. (2016). Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014–2015 гг.), *Россия и АТР*, (1). 5–29.
- Мищук С.Н. (2016). Роль китайских трудовых мигрантов в социально-экономическом развитии южных регионов Дальнего Востока. *Россия и Китай. История и перспективы сотрудничества. Материалы VI международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 16–18 мая 2016 г.)*. Выпуск 6. Благовещенск: БГПУ. 271–274.
- Попова Е.М. (2017). Оценка перспектив замещения иностранной рабочей силы местными трудовыми ресурсами на инвестиционных проектах, реализуемых с участием китайского капитала. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. (Благовещенск – Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г.)*. Выпуск 7. Благовещенск: БГПУ. 332–336.
- Садовская Е.Ю. (2014). *Китайская миграция в Республику Казахстан: тра-*

диции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества. Алматы: Раритет. 443.

Смирнова Л.Н. (2016). Научно-образовательное сотрудничество – основа инновационной модели отношений России и Китая. *Аналитическая записка РСМД*, (3). 12. URL: http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/Smirnova_Russia-China-Education-Policybrief3-ru.pdf (Дата обращения: 11.10.2017)

Чжоу Тяньхэ. (2016). Особенности строительного и инвестиционно-го бизнеса компании «Хуафу» на Дальнем Востоке России. *Россия и Китай. История и перспективы сотрудничества. Материалы VI международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 16–18 мая 2016 г.). Выпуск 6.* Благовещенск: БГПУ. 312–314.

Чжэн Сюэпин. (2010). Чжунго цие дуй Э чжицзе тоу цзы дэ фэнсянь цзи ци фанфань [Прямые инвестиции китайских предприятий в России: риски и их предупреждение]. *Сиболия яньцзю*, 37 (5). 43–49. (на китайском языке)

References

Borevskaya N.E. (2017). Educational cooperation between the Russian Federation and the PRC: new trends at a new stage. Luzyanin S.G. (ed.). *Modern Russian-Chinese relations*. Moskva: DeLi. 202–224.

Gel'bras V.G. (2016). Chinese labor migration in Russia. *Aziya i Afrika segodnya*, (5). 50–54

Ivanov S.A. (2014). Migration of Chinese capital and labor in the Primorsky Region. *Oikumena*, (4). S. 35–46.

Ivanov S.A. [et al.]. (2016). *Chinese capital in the south of the Far East of Russia: the expectations of the state and the realities of interaction. Analytical report.* Vladivostok. 29. URL: <http://ihaefe.org/files/ana->

[lyticals/chinese-capital-on-fe.pdf](http://ihaefe.org/files/analyticals/chinese-capital-on-fe.pdf) (Accessed: 11.10.2017)

Larin A.G. (2009). *Chinese migrants in Russia. History and modernity*. Moskva: Vostochnaya kniga. 511.

Larin V.L., Larina L.L. (2016). The expert community of Pacific Russia on foreign policy, international relations and the development of the Far East (based on the results of the survey 2014–2015), *Rossiya i ATR*, (1). 5–29.

Mishchuk S.N. (2016). The role of Chinese labor migrants in the socio-economic development of the southern regions of the Far East. *Russia and China. History and prospects of cooperation. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk-Heihe, May 16–18, 2016). Issue 6.* Blagoveshchensk: BGPU. 271–274.

Popova E.M. (2017). Evaluation of the prospects for replacing foreign labor with local labor resources in the investment projects implemented with the participation of Chinese capital. *Russia and China: history and prospects for cooperation. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. (Blagoveshchensk-Heihe, May 22–23, 2017). Issue 7.* Blagoveshchensk: BGPU. 332–336.

Sadovskaya E.Yu. (2014). *Chinese migration to the Republic of Kazakhstan: Silk Road traditions and new vectors of cooperation*. Алматы: Раритет. 443.

Smirnova L.N. (2016). Scientific and educational cooperation is the basis of the innovative model of relations between Russia and China. *Analiticheskaya zapiska RSMD*, (3). 12. URL: http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/Smirnova_Russia-China-Education-Policybrief3-ru.pdf (Accessed: 11.10.2017)

Zheng Xueping. (2010). Chzhungo tsie dui E chzhitsze tou tszy de fensyan' tszi tsi fanfan' [Direct investments of Chinese enterprises in Russia: risks and their prevention]. *Siboliya yan'tszyu*, 37 (5). 43–49. (in Chinese)

Zhou Tianhe. (2016). Features of the construction and investment business of the company “Huaifu” in the Far East of Russia. *Russia and China. History and prospects of cooperation. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk-Heihe, May 16–18, 2016)*. Issue 6. Blagoveshchensk: BGPU. 312–314.

Zuenko I. Yu. (2015). The Chinese presence in the agriculture of the Far East: some aspects of the problem. *Izvestiya Vostochnogo Instituta*, 2 (26). 51–59.

Информация об авторе

Александр Георгиевич Ларин, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока, Российская академия наук

117997, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32
alekclarin@yandex.ru

About the Author

Alexander G. Larin, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

32, pr. Nakhimovsky, Moscow, Russian Federation, 117997
alekclarin@yandex.ru

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98

Игорь Евгеньевич ДЕНИСОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

iedenisov@yahoo.com

Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена современным подходам КНР к международным проблемам и основным изменениям в китайской дипломатии после прихода Си Цзиньпина к власти в 2012 г. Дипломатия Си Цзиньпина характеризуется постепенным отходом от внешнеполитической концепции Дэн Сяопина. В статье рассматриваются инновации, стратегические идеи и новые дипломатические инициативы китайского руководства, а также вызовы, с которыми сталкивается Китай как один из ведущих глобальных игроков. С точки зрения автора, зарубежные оценки внешней политики Китая остаются в русле официальных китайских концепций, которые склонны преувеличивать стремительность и революционность изменений в дипломатическом курсе Си Цзиньпина. В реальности эти изменения происходят более плавно. Во внешней политике Пекина наблюдается сложная картина переплетения различных тенденций. Внешние наблюдатели часто принимают китайскую риторику за свидетельство якобы уже сложившегося нового качества дипломатии. По мне-

нию автора, в 1970-е гг. истинные мотивы Дэн Сяопина в ходе принятия им для Китая сдержанной и осторожной внешнеполитической доктрины не сводились к экономии ограниченных ресурсов Пекина, необходимых для внутреннего развития. Им двигало опасение проиграть на всемирной шахматной доске более опытным державам, что означало бы внутривнутриполитическую дискредитацию Коммунистической партии и могло подорвать её власть. Даже сегодня глубинная неуверенность Китая в собственных силах по-прежнему сдерживает его переход к более амбициозной внешней политике. Хотя зависимость Китая от внешних условий очевидна, внутриполитическая нестабильность не может быть компенсирована никакими дипломатическими успехами и самой благоприятной внешней средой. Позиция Китая как второй экономики мира не трансформируется автоматически в глобальное влияние. Большинство изменений, которые сегодня ассоциируются с так называемым пятым поколением китайских руководителей, в реальности были инициированы их предшественниками. Мнимая

же новизна оказывается продолжением постепенной адаптации Китая к социально-экономическим изменениям на национальном и глобальном уровне. В заключение статьи анализируются перспективы изменения роли Китая в мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, Си Цзиньпин, дипломатия, стратегия, инновации*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Денисов И.Е. (2017). Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 83-98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98

Автор благодарен Л.А. Ковачичу, А.П. Цветову и А.Л. Чечевишникову за ценные замечания по первоначальному варианту настоящей статьи.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98

Igor E. DENISOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
iedenisov@yahoo.com

Chinese Foreign Policy Under Xi Jinping: Continuity And Innovation

ABSTRACT. *The article is devoted to the modern approaches of the PRC to international problems and the main changes in Chinese diplomacy after Xi Jinping's coming to power in 2012. The diplomacy of Xi Jinping is characterized by a gradual departure from Deng Xiaoping's foreign policy concept. The article reviews innovation, strategic ideas and new diplomatic initiatives of the Chinese leadership, as well as the challenges faced by China as one of the leading global players. From the author's point of view, foreign evaluations of China's foreign policy remain in the line with official Chinese concepts that tend to exaggerate the swiftness and revolutionary nature of changes in the diplomatic course of Xi Jinping. In reality, these changes occur*

more smoothly. In Beijing's foreign policy there is a complex picture of the intertwining of various trends. External observers often take Chinese rhetoric for evidence of the allegedly emerging new quality of diplomacy. According to the author, in the 1970s. the true motives of Deng Xiaoping in the course of adopting a reserved and cautious foreign policy doctrine for China were not limited to saving Beijing's limited resources necessary for internal development. He was moved by the fear of losing on the world chessboard to more experienced powers, which would mean an internal political discredit of the Communist Party and could undermine its power. Even today, China's deep insecurity in its own strength continues to constrain its transition to a more ambitious foreign pol-

icy. Although China's dependence on external conditions is obvious, internal political instability can not be compensated by any diplomatic successes and the most favorable external environment. The position of China as the world's second economy is not automatically transformed into a global influence. Most of the changes that today are associated with the so-called fifth generation of Chinese leaders, in reality were initiated by their predecessors. Imaginary novelty is the continuation of China's gradual adaptation to socio-economic changes at the national and global levels. The article concludes with an analysis of the prospects for changing China's role in the world.

KEYWORDS: *China, Xi Jinping, diplomacy, strategy, innovation*

FOR CITATION: Denisov I.E. (2017). Chinese Foreign Policy under Xi Jinping: continuity and innovation. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 83-98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98

ACKNOWLEDGMENTS: *The author is grateful to L. A. Kovacic, A.P. Tsvetov and A. L. Chechevishnikov for valuable comments on the initial version of this article.*

Оценивая первый пятилетний срок Си Цзиньпина на высших партийно-государственных постах (2012–2017 гг.), можно легко попасть в плен торжественных отчетов, в избобили появлявшихся в Китае во время подготовки к 19-му съезду Коммунистической партии (октябрь 2017 г.). Си Цзиньпин не только быстрее, чем его предшественники Цзян Цзэминь и Ху Цзинь-

тао, консолидировал власть, но и выдвинул задачу радикального изменения правил, по которым функционирует огромная бюрократическая машина China Inc. Эти изменения касаются механизма кадровых назначений и обеспечения лояльности чиновников, базовых принципов принятия решений и в целом повседневной работы государственного аппарата. В обстановке элитной перетряски и непрекращающейся антикоррупционной кампании постоянное и открытое подтверждение лояльности лидеру и его курсу стало обязательным правилом для чиновников всех рангов, и здесь не обходится без пропагандистских «перехлестов» и риторических преувеличений.

Сильная персонализация власти привела к тому, что официальная пропаганда и близкие к истеблишменту китайские эксперты говорят если не о «сицзиньпинизме», то о формировании особой системы взглядов Си Цзиньпина на управление государством, что, естественно, затрагивает и внешнюю политику. Вместе с тем открытым остается вопрос о том, действительно ли в первое пятилетие после прихода Си Цзиньпина к власти была создана обновленная и целостная концепция внешней политики Китая, которая основана на принципиально новом понимании задач и целей дипломатии.

В китайском официальном дискурсе утвердился термин «дипломатия Си» (Си ши вайцзяо), а агентство Синьхуа в своем англоязычном канале в Твиттере использует хэштег #Xiplomasy¹. Однако в литературе пока отсутствует единое понимание современной внешней политики КНР – в зависимости от взглядов исследователя, Китай пред-

¹ См.: URL: <https://twitter.com/XHNews/status/908929205085249536> (Accessed: 19.09.2017); URL: <https://twitter.com/XHNews/status/908701719516860416> (Accessed: 19.09.2017); URL: <https://twitter.com/XHNews/status/908559981384892416> (Accessed: 19.09.2017).

ставляется то ревизионистской державой, стремящейся разрушить западный либеральный порядок (Benner, 2017), то благодетелем, который несет миру гармонию и щедро делится плодами своего феноменального роста (Liu, Dunford, 2016).

В данной статье сделана попытка представить «макровзгляд» на дипломатию Си Цзиньпина, очертить ее концептуальную основу, показать, что нового за последние пять лет появилось в подходах Пекина к международным делам, дать прогноз дальнейшей трансформации китайской внешней политики. Автор стремился внести вклад в активно идущую в академических кругах дискуссию о новой глобальной роли Китая.

Подъем Китая: проблемы интерпретации

Инерционный подход, который неизбежно заложен в парадигме «подъема Китая», серьезно затрудняет решение задач объективного внешнеполитического анализа. Мы имеем дело сегодня уже не с линейным процессом роста китайской мощи, каким он представлялся на рубеже нового тысячелетия. Главная же трудность в определении направленности вектора китайской дипломатии связана с тем, что успех любых внешнеполитических инициатив растущего Китая (многократно описанный в литературе сценарий трансформации экономического потенциала в международное влияние) не является автоматической данностью. Результат в огромной степени зависит от того, кто и каким образом принимает решения, насколько хорошо налажена межведомственная

координация в сфере развития связей с зарубежными странами, созданы ли необходимые институциональные механизмы для продвижения интересов Китая за рубежом, эффективно ли используется сочетание инструментов жесткой и мягкой силы. Все вышеперечисленные факторы лишь косвенно связаны, а вероятнее всего, вообще никак не связаны с показателями роста ВВП или наличием у Китая огромных финансовых резервов.

В отсутствие практики публикации в Китае внешнеполитических документов доктринального характера и растущей непрозрачности процесса принятия решений дать ответ на вопрос об особенностях современной китайской дипломатии достаточно сложно. Скорее, мы можем говорить о том, что после 2012 г. активизировался поиск новой модели взаимоотношений Китая с внешним миром, что в практическую область перешли дискуссии о необходимости новой активной дипломатии. Этот процесс идет очень неровно, что подтверждает история инициативы Си Цзиньпина по строительству сухопутного и морского Шелковых путей – с момента первых заявлений председателя КНР на эту тему до появления официального документа с относительно подробными (хотя все равно очень общими) разъяснениями на этот счет прошло около полутора лет². Китайские источники упоминают о том, что 2 декабря 2014 г. (более чем через год после первых заявлений Си Цзиньпина в Астане) ЦК КПК и Госсовет КНР приняли «Стратегический план строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути

2 Документ «Перспективы и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Опубликовано Государственным комитетом по развитию и реформе, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР 28 марта 2015 г.

XXI века», но этот документ никогда не был открыто опубликован.

Зарубежные оценки внешней политики Китая порой невольно следуют официальному китайскому дискурсу, подчеркивающему стремительность и «революционность» изменений в дипломатической сфере при Си Цзиньпине, хотя на самом деле они происходят постепенно, по известному рецепту Дэн Сяопина «переходить реку, ощупывая камни». Велик соблазн увидеть во внешнеполитическом поведении сегодняшнего Китая лишь черты «наступательности» (assertiveness), о чем исследователи пишут по меньшей мере с 2008 г. Однако после прихода к власти «пятого поколения» руководителей во главе с Си мы наблюдаем достаточно сложную картину во внешней политике, которая определенно не сводится лишь к усилению «жестких» элементов китайской дипломатии.

Сегодня мы видим не только «Китай, говорящий “нет”», но и «Китай, говорящий “да”», страну, не только бросающую вызов некоторым элементам существующего мироустройства, но и стремящуюся адаптироваться к международным правилам и предпринимающую усилия для того, чтобы встроиться в мировую систему, разумеется с учетом своих растущих интересов. Сама задача встраивания, или «социализации» (Johnston, 2003), – новая, и продиктована она постепенным отказом китайского руководства от концепции Дэн Сяопина «скрывать свои возможности, держаться в тени». Именно постепенность процесса трансформации китайской внешней политики зачастую игнорируется внешними наблюдателями, которые принимают китайскую риторику за свидетельство уже сложившегося нового качества дипломатии, воспринимают стремление Китая влиять на мировые процессы как признак возросшей реальной силы.

Трансформация дипломатии и «выход Китая из тени»

Начиная с запуска реформ Дэн Сяопина в конце 1970-х гг. Китай, сосредоточившись на внутреннем экономическом строительстве, избегал активной внешней политики, не присоединялся к блокам, не выступал с глобальными инициативами, не вмешивался в региональные конфликты, предпочитал инструменты двусторонней дипломатии любым многосторонним институтам и тем более не создавал такие институты сам.

На это редко обращается внимание, но, на наш взгляд, мотивами Дэн Сяопина при выработке «скромной» внешнеполитической доктрины были не только экономия ресурсов, необходимых прежде всего для внутреннего развития, но и боязнь проиграть на всемирной шахматной доске более опытным державам. Патриарх китайских реформ трезво оценивал возможности китайского дипломатического аппарата – и в части анализа и прогнозирования международной обстановки, и в части принятия адекватных решений в кризисных ситуациях и применения соответствующего дипломатического инструментария.

Проигрыш «на внешнем фронте» для китайского руководства означал шаг к делигитимации власти КПК, и, судя по всему, мотивы сохранения и укрепления партийной власти по-прежнему определяют любые крупные внешнеполитические шаги. Зависимость Китая от внешних условий очевидна. Однако внутренняя нестабильность не может компенсироваться никакими дипломатическими успехами и самой благоприятной внешней средой, и в этом смысле в Китае мало что изменилось со времен Дэн Сяопина. В сентябре 1989 г. Дэн Сяопин заявлял следующее: «Вопрос сегодня не в том, упадет ли знамя Советского Союза, в Со-

ветском Союзе непременно будет хаос, вопрос в том – не упадет ли китайское зная» (Ден Сяопин, 1993, с. 320).

Замедление темпов экономического роста, растущие вызовы глобализации, в том числе вызовы цифрового общества, внутриэлитная чистка, которая затронула не только партийные органы, но армию и спецслужбы, служат не меньшими, а может быть, большими ограничителями внешнеполитической активности, чем политическая и экономическая слабость государства, имевшая место в самом начале реформ.

Лозунг о великом возрождении китайской нации, который с первых дней пребывания у власти стал включать в свои выступления Си Цзиньпин, предполагал как внутривнутриполитический (внутренняя консолидация), так и внешнеполитический компонент (упрочение позиций Китая в мире). В целом же идеологема «китайской мечты» выражает идею модернизационного рывка Китая, когда приоритет во всех сферах отдается интересам развития³. Именно развитие обеспечивает стабильность в обществе и сохранение власти КПК. «Китайская мечта» выступает своего рода антитезой «столетию унижения», когда внешние силы оказывали давление на слабый Китай и его суверенитет ущемлялся более мощными державами. «За отсталость бьют и... только развитие ведет к самоусилению» – так выразил суть государственной политики Си Цзиньпин в речи после посещения выставки «Путь к возрождению» 29 ноября 2012 г., через две недели после избрания на пост генерального секретаря ЦК КПК (Си Цзиньпин, 2014, с. 48).

Миссия нынешних руководителей, как ее видит лидер «пятого поколения»,

состоит в превращении Китая в богатое, могущественное и модернизированное государство, влияние которого распространяется и вне его границ. В официальных китайских публикациях внешнеполитический курс Си Цзиньпина часто характеризуется как «дипломатия большого государства с китайской спецификой». В этой формулировке «большое государство» обозначает место, которое Китай видит для себя на мировой арене. Раскрывая это понятие, китайские ученые обычно обращают внимание на то, что поведение Китая как большой державы имеет три измерения – экономическое, политическое и культурное. Китайская Народная Республика не только вносит решающий вклад в рост мировой экономики, но, являясь ответственной державой, готова брать на себя глобальную ответственность и оказывать влияние на важнейшие тенденции мировой политики, а также как страна с глубокими культурными традициями намерена содействовать цивилизационному диалогу и взаимообогащению культур.

Китайская специфика, в свою очередь, предполагает, что дальнейший рост влияния Китая в мире будет проходить не так, как у других «поднимающихся государств» в истории человечества, то есть не через усиление конфликтности и тем более не через войны. Официальный Пекин декларирует отказ от агрессии, силовой политики и гегемонизма, действуя абсолютно симметрично своим критикам, то есть выводя будущую траекторию из исторических прецедентов. По словам Си Цзиньпина, «в крови китайской нации отсутствует ген агрессии и мировой гегемонии»⁴. Риторически здесь наблюдается преемствен-

3 Подробнее об идеологической программе «пятого поколения» руководителей см.: (Денисов, 2015а).

4 新华网. (2014). 在中国国际友好大会暨中国人民对外友好协会成立60周年纪念活动上的讲话. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-05/15/c_1110712488.htm. (Accessed: 19.09.2017)

ность с внешнеполитической концепцией Ху Цзиньтао, в которой ведущее место занимал тезис о «мирном подъеме» или «мирном развитии» Китая.

Однако есть и принципиальные различия, продиктованные в первую очередь стремлением нынешнего руководства переформатировать представление мира о «китайском экономическом росте», который часто и является источником фобий. Мирный подъем, представивший ранее как простая линия на графике роста ВВП, становится более объемным и многогранным понятием, теснее связанным с потребностями и интересами других государств. Во многих выступлениях Си Цзиньпина подчеркивается особый характер подъема Китая, который не только не является угрозой миру, а, наоборот, дает возможность для совместного развития. Развитие диалога и сотрудничества с другими государствами Китай готов вести на принципах открытости, инклюзивности и общего выигрыша – без упоминания этого тезиса сегодня не обходится ни одно важное внешнеполитическое заявление.

Кроме акцента на общности судьбы Китая с судьбой мира, что в концентрированном виде выражено в идее «сообщества судьбы» (минюнь гунтунти), важной частью внешнеполитического дискурса становится пропаганда активного китайского вклада в развитие глобального управления.

Китайский план для мира: гибкость без лидерства

Во время выступления в немецком Фонде Кербера 28 марта 2014 г. Си Цзиньпин выразил суть китайских предложений следующим образом:

«Исходя из великой цели мира и развития, мы готовы с помощью китайской мудрости внести вклад в решение проблем современных международных отношений, готовы предложить китайский план для совершенствования глобального управления, готовы вместе с мировым сообществом вносить вклад в поиск ответов на различные вызовы XXI века»⁵.

Для этого идеологами китайской внешней политики выработана формулировка *Чжунго фан'ань* – «китайский план» (или «китайское решение»). В обобщенном виде эту идею можно представить как сопряжение китайской мечты о национальном возрождении и «мировой мечты» об устойчивом развитии. При этом Китай сознательно избегает упоминаний о «китайской модели» или «китайском образце». То есть Китай формально предлагает полностью «декитаизированный» план реформы глобального управления, в том смысле, что не обещает немедленный слом американоцентричной системы под своим руководством и замену ее на некий китаецентричный аналог. Здесь китайское руководство не делает выбор между мягким и жестким вариантами, а прекрасно понимает ограниченность своих сегодняшних возможностей, делая прагматичный выбор в пользу реально возможной линии поведения.

В работе, опубликованной в 2013 г., американский китаевед Дэвид Шамбо назвал Китай «частичной державой» (partial power), подчеркнув, что стране придется пройти еще большой путь, чтобы стать «по-настоящему глобальной державой», хотя, возможно, и этого никогда не произойдет. По оценке ученого, несмотря на то, что присутствие

5 习近平. (2014). 习近平在德国科尔伯基金会的演讲 (全). URL:<http://cpc.people.com.cn/n/2014/0330/c64094-24773108.html>. (Accessed: 19.09.2017)

Китая в мире расширяется, его воздействие на ситуацию пока остается неглубоким, а привлекательность китайской модели либо слабая, либо вообще отсутствует. Д. Шамбо делает вывод, что положение Китая в мире ослабляется не в последнюю очередь внутренними проблемами, а действительная сила государства не так велика, как может представляться (Shambaugh, 2013, p. 6–7).

Вывод Шамбо о том, что Китай «никогда не будет править миром», сложно разбирать, как и любой прогноз, высказанный в категоричной форме, притом для неопределенного временного горизонта. Однако с ним можно согласиться в том, что позиция «экономики номер два» автоматически не трансформируется в глобальное влияние, а тем более в глобальную власть. Кроме того, наблюдение за китайским поведением на мировой арене в последние годы позволяет сделать вывод, что Китай пользуется средствами принуждения в отношениях с другими государствами очень осторожно и выборочно, скорее в виде исключения (причем они, как правило, носят экономический характер). Насколько это возможно, Китай уклоняется от прямого конфликта с существующим мировым лидером – США.

Как мы уже отмечали при анализе инициативы «Одного пояса – одного пути», «Китай стремится быть хорошим отражением США, не разбивая американское зеркало» (Денисов, 2015b, с. 58). На принципах размытости политической составляющей базируется концепция «Одного пояса – одного пути», что заранее позволило дистанцироваться от аналогий с американским послевоенным Планом Маршалла. Нечеткость формулировок и отказ от жесткой институционализации придает китайской инициативе большую гибкость (Денисов, 2015b, с. 55). Одно-

временно снимаются обвинения в том, что Китай что-то политически навязывает своим партнерам в стремлении утвердить свое лидерство или, используя китайские лекала, строит некий *Rax Sinica*.

В сентябре 2015 г. в Китае был опубликован официальный запрет называть флагманскую инициативу Си Цзиньпина «стратегией», «проектом», «программой» или «повесткой». Тем самым китайские власти задают очень широкие рамки интерпретации «Одного пояса – одного пути», для них это, разумеется, имеет положительные моменты – сохраняется возможность гибко адаптировать инициативу к определенным регионам и странам, при необходимости добавляя конкретику или отказываясь от уже взятых обязательств. Вероятно, речь идет не только о хеджировании рисков, но и о попытке предотвратить возникновение риторической зависимости пути (*rhetorical path dependence*), когда сегодняшняя четкость в будущем может сыграть против Китая, если обстановка изменится и создаваемые в настоящее время коалиции и партнерства, провозглашаемые приоритеты и принципы потребуют корректировки.

Так или иначе с этой проблемой сталкиваются все страны, однако для Китая избежать ловушки зависимости пути принципиально важно, учитывая, что это крупный и очень заметный актор и в определенной степени – новичок в глобальных делах. Кроме того, сильная персонализация китайской дипломатии придает данному вопросу особый политический характер. Как указывает Деннис Грубе, «риторические акты формируют не просто политику, но и публичный образ руководителя», а отклонения от выбранного риторического пути могут иметь нежелательные последствия в будущем, поскольку неизбежно поставят не просто во-

прос о последовательности политического курса, а более серьезные и глубокие вопросы – о степени доверия к политике лидера (Grube, 2014, p.112) (в рассматриваемом нами случае – о доверии к внешнеполитическому курсу Си Цзиньпина).

Как отмечалось в нашей с Д.Л. Адамовой статье, в современном китайском внешнеполитическом дискурсе наблюдатели сталкиваются с парадоксальным явлением: очевидные активные действия Китая (практическое продвижение инициативы «Пояса и пути», создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, строительство искусственных островов в Южно-Китайском море для усиления стратегических позиций в этом регионе, растущий вклад в миротворческие операции ООН) не описываются столь же четко и ясно в официальных документах (Денисов, Адамова, 2017, с. 85).

Другие авторы также обращают внимание на размытость формулировок китайских документов и заявлений, касающихся глобальной роли КНР. Даже на региональном уровне Пекин, насколько это возможно, воздерживается от принятия на себя конкретных долгосрочных обязательств. Российские исследователи И.Ю.Зуенко и С.В.Зубань справедливо указывают, что китайская сторона не позиционирует инициативу строительства Экономического пояса Шелкового пути как «четкую, формализованную программу действий» (Зуенко, Зубань, 2017, с. 7). В китайском тезисе о вкладе ЭПШП в построение новой экономической системы, которая станет «воплощением мечты мирово-

го сообщества», коллектив авторов из Института Дальнего Востока РАН видят «ноту идеализма», хотя и признают конструктивную ценность концепции в целом (Петровский В.Е., 2016, с. 225). Об отсутствии четких критериев оценок успешности «Пояса и пути» и целевых ориентиров, связанных с этой инициативой, пишет российский китаевед А.Т. Габуев: «На вопросы хоть о каких-то КРІ китайские планывики разводят руками: мол, Шелковый путь охватывает слишком много стран и сопряжен со слишком большим количеством неподвластных Пекину факторов», – замечает этот исследователь⁶.

Со своей стороны добавим, что утвердившаяся в последнее время в официальном дискурсе китайская формулировка «более справедливый и рациональный мировой порядок» в определенном смысле также является размытой, поскольку морально-этические категории «справедливость» и «рациональность» допускают расширительные толкования. В современной китайской внешнеполитической концепции справедливость (*гунчжэн*) и рациональность (*хэли*) являются двумя важными параметрами миропорядка и процесса его реформирования. Хотя во внешнеполитическом дискурсе продолжает присутствовать тезис о «мирном пути развития Китая», ни мир (*хэпин*), ни стабильность (*вэньдин*) в эту формулу, определяющую запрос Китая на реформу глобального управления, включены не были. Можно предположить, что это произошло потому, что для данных двух категорий гораздо менее вероятны гибкие и расширительные толкования⁷.

6 Габуев А. Т. Шелковый путь в никуда. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/15/689763-shelkovii-put> (Дата обращения: 19.09.2017)

7 Подробнее о современной китайской трактовке рациональности см.: (Денисов, Адамова, 2017).

Секьюритизация подъема

В целом во время первого пятилетнего срока Си Цзиньпина сохранялись базовые константы внешней политики, заложенные его предшественниками. Так, концепцию «Одного пояса – одного пути» можно рассматривать как дальнейшее развитие внешней открытости страны, а «сообщество судьбы» – как концептуальный парафраз идеи «мирного подъема» Китая. Это позволяет исследователям говорить о том, что внешнеполитическая стратегия Си Цзиньпина является «мирным подъемом 2.0» (Jian Zhang, 2015).

По мнению других ученых, большинство изменений, которые сейчас ассоциируются с «пятым поколением», на самом деле впервые были инициированы их предшественниками. Новизна, по их мнению, на самом деле является продолжением постепенной адаптации КНР к социально-экономическим изменениям на национальном и глобальном уровне (Noesselt, N., 2015).

На наш взгляд, главное, что Си Цзиньпин внес в дипломатическую теорию и практику, связано с оценками вызовов и рисков, которые несет подъем Китая. Несмотря на благостную риторику многих китайских экспертов и распространенные трактовки глобального возвышения Китая как бесконфликтного и контролируемого процесса, в руководстве страны, похоже, так не считают.

Представляется, что с 2012–2013 гг. происходила последовательная секьюритизация⁸ вопроса о развитии внешних связей Китая и его глобальной роли. Свидетельством этого стало включение вопросов внешней политики в сферу компетенции Совета государ-

ственной безопасности (СГБ), создание которого стало одним из важнейших событий «пятилетки» Си Цзиньпина. Решение об образовании Совета государственной безопасности было принято на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.). Первое заседание Совета, согласно официальной информации, состоялось 15 апреля 2014 г. под председательством Си Цзиньпина.

СГБ, информация о работе которого крайне редко появляется в китайской печати, является высшим, системообразующим институтом «силового блока». В поле зрения СГБ находится весь комплекс проблем, связанных с вызовами в сфере традиционной и нетрадиционной безопасности. Таким образом, СГБ координирует деятельность таких ведомств, как министерство иностранных дел, обороны, юстиции, общественной и государственной безопасности, а также подразделений Народной вооруженной полиции. Вопросы экономической безопасности рассматриваются и решаются во взаимодействии с ведомствами экономического блока.

Основной акцент делается на поддержании внутренней стабильности, борьбе с терроризмом и экстремизмом, минимизации рисков при проведении социально-экономических преобразований, в том числе минимизации рисков при проведении внешней политики. Руководство централизует принятие решений по любым важным внешнеполитическим вопросам, что выражается в принципе «сверху вниз» (*top-level design*, *динцэн шицзи*), при этом тщательно оценивается, каким образом те или иные события в отношениях с другими странами по-

8 Согласно трактовке Копенгагенской школы, под секьюритизацией понимается процесс, в котором актор возводит какую-либо проблему, не обязательно представляющую непосредственную угрозу, в ранг вопроса безопасности. См.: (Wæver, O., 2011).

вливают на внутривластную стабильность.

В авторитетных публикациях по вопросам внешней политики (Ян Цземьянь, 2014, с. 7–8) упоминается, что важной новацией в китайской стратегии и дипломатической практике при Си Цзиньпине стало внедрение особого подхода к принятию решений, которое в документах обозначается специальным термином (*bottom-line thinking*; *дисянь сывэй*) (Денисов, 2015с, с. 50–51). Китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ» дает следующее определение: Дисянь сывэй (*bottom-line thinking*) – вид мыслительной техники, который заключается в психологической подготовке к возможному возникновению наихудшей ситуации и выработке соответствующих мер реагирования⁹. Методика *дисянь сывэй*, как пояснял сам Си Цзиньпин, предполагает тщательный анализ всех вариантов развития событий и готовность ко всяким неожиданностям. Обозначение возможных красных линий практически в любой ситуации, связанной с действиями Китая за рубежом, также говорит о секьюритизации внешнеполитического процесса.

Растущие масштабы китайской дипломатии в сочетании с мировой турбулентностью заставляют китайское высшее руководство оценивать риски совсем иначе, чем это делалось еще 5–10 лет назад. Формулировки о длительных периодах «стратегических возможностей», которые упоминались в партийных документах с начала 2000-х гг., в условиях нынешней изменчивости глобальной ситуации просто нереальны. Поэтому термин «безопасность» занимает ключевое место во всех внешнеполитических дискуссиях, хотя при

трансляции китайских намерений во вне любые акценты на вопросах безопасности сглаживаются, либо эти проблемы вообще не упоминаются. Реализация действующих и перспективных проектов в рамках инициативы «Пояса и пути» прямо связана с проблемами безопасности, в том числе особое внимание руководства вызывают происшествия с китайскими гражданами, которые заняты в зарубежных проектах. В обществе велики ожидания, связанные с мощью китайского государства, и любой случай, когда физическую безопасность китайских сотрудников за рубежом не удалось обеспечить, рассматривается как угроза внутривластной стабильности.

Другой гранью секьюритизации внешнеполитического процесса становится набирающая силу экспертная дискуссия о возможности «перенапряжения» Китая в сфере внешней открытости. Травма краха КПСС и СССР продолжает определять политические решения китайского руководства, наиболее яркие примеры из сферы внутренней политики – антикоррупционная кампания, централизация власти, укрепление дисциплины и меры по обеспечению лояльности чиновников и военных центральному руководству.

Внешнеполитические вопросы также все теснее увязываются с вопросами безопасности и устойчивости государства, и если раньше речь шла только о развитии (то есть главная задача дипломатии состояла в обеспечении благоприятной внешней среды для экономического роста), то теперь непременно упоминается второй фактор – безопасность, которая понимается комплексно, и не только как совокупность

9 См.: URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BA%95%E7%BA%BF%E6%80%9D%E7%BB%B4> (Accessed: 19.09.2017)

внешних угроз. Ошибочные действия самого Китая, неправильный стратегический расчет, касающийся экономической экспансии или проекции военной силы, или действия сразу на нескольких конфликтных «фронтах», например участие одновременно в нескольких территориальных спорах без соответствующей координации и ресурсного обеспечения, начинают восприниматься как серьезная угроза режиму, особенно в условиях падения темпов роста ВВП.

Профессор Ши Иньхун, который входит в группу советников при Госсовете КНР, впервые обративший внимание на этот комплекс проблем, предложил термин «стратегический овердрафт» (*чжаньлюэ тоучжи*)¹⁰. По определению другого китайского эксперта, под стратегическим овердрафтом следует понимать ситуацию, когда «расход стратегических ресурсов государства превышает уровень, необходимый для достижения текущих стратегических целей», и когда делается стратегический или тактический выбор, для реализации которого нет возможностей или предпринимаемые максимальные усилия не приводят к заданному результату (Гао Чэн, 2017). Судя по оживленной дискуссии на эту тему в китайском экспертном сообществе (Сюй Сюэцзюнь, 2017; Лю Сюэфэн, 2017; Лю Фэн, 2017), идеи секьюритизации внешней политики привлекают все большее внимание, хотя консенсус по вопросу, как не допустить «стратегический овердрафт» и в то же время не утратить уже имеющиеся позиции в мире, пока еще предстоит выработать. Часть экспертов считают, что риски неизбежны, а как раз губительным для страны будет отказ от глобальных амбиций.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, несмотря на возросшую экономическую мощь, технологический прогресс и активную военную модернизацию, Китай в первые пять лет после прихода к власти «пятого поколения» руководителей продолжал оставаться «частичной державой» (по терминологии Д. Шамбо). Однако, по нашему мнению, это не значит, что Китай непременно задержится на этом уровне и отход от скромной политики Дэн Сяопина с определенного момента должен затормозиться. Дипломатическая практика говорит об обратном: Китай постепенно, но уверенно расстается со многими базовыми концептами вроде недоверия к многосторонним институтам, особого отношения к принципу вмешательства во внутренние дела, уклонения от глобальной ответственности.

Диалог с миром, усиление «дискурсивной силы» становятся важными направлениями китайской дипломатии. Пока эффект китайской «мягкой силы» невысок. Как признают сами китайцы, иногда выдвигаемые концепции сформулированы слишком неконкретно, с использованием ярких для носителя китайского языка и культуры, но непонятных для остального мира формул, китайская дипломатическая мысль зачастую оказывается ориентированной вовнутрь, к тому же порой действует в жестких идеологических рамках. Кадровое обновление идет, и новое поколение китайских дипломатов и аналитиков наверняка сможет более адекватно формулировать и эффективно доносить «китайский план» до мировой аудитории, а главное – сможет исполь-

10 时殷弘 (2016). 时殷弘教授: 中国“战略透支”风险日增 URL:<http://www.zaobao.com.sg/znews/greater-china/story20160921-668655> (Accessed: 19.09.2017)

зовать более широкий инструментарий для продвижения китайских интересов и их согласования с интересами зарубежных партнеров.

Как отмечает китайский политолог Дэн Юйвэнь, в сфере внешней политики страны назрели системные изменения как дипломатического мышления, так и дипломатической практики. Пока, по словам эксперта, китайская дипломатия в ее нынешнем виде приводит лишь к тому, что в мире Китай «боятся, но не уважают» (*вэй эр бу цзин*)¹¹ (邓聿文, 2017).

Новая большая стратегия Китая находится в стадии формирования, Китай осмысливает свою роль и в сегодняшнем мире, и особенно в грядущем миропорядке, который еще неизвестно по каким правилам будет устроен. Именно из-за существующей неопределенности Китай будет оставаться в центре глобальных дискуссий – иногда как наблюдатель, но все чаще как активный участник. Готовых правил, по которым будет жить мир, у Пекина нет. Тем не менее «опоздать» к появлению нового мироустройства Китай не может, это неизбежно будет возрождать в китайском обществе воспоминания о периоде «столетнего унижения». Вполне вероятно, что среди приоритетов китайской внешней политики вопросы участия в реформировании глобального управления уже во время второго пятилетнего срока Си Цзиньпина сравняются по важности с проблемой глобального транзита власти, то есть с развитием отношений с Соединенными Штатами.

Учитывая проблему секьюритизации, Китай будет продолжать политику неприсоединения к блокам, считая, что альянсы могут лишь ограничить сво-

боду маневра и добавить к существующим еще и новые вызовы. При этом «стратегический овердрафт» в случае отказа Пекина от политики невступления в альянсы почти наверняка будет нести еще большие риски. Поэтому предпочтение в ближайшей перспективе будет отдаваться созданию широкой сети партнерств, особенно в регионах, непосредственно соседствующих с Китаем. Принцип «партнерство, но не союз» (*цзе бань бу цзе мэнь*) будет по-прежнему носить универсальный характер при определении уровня развития отношений Китая с зарубежными государствами.

Список литературы

Гао Чэн. (2017). Чжунго цзювэй цзюэци даго дэ чжаньлюэ тоучжи вэньти таньси [Анализ проблемы «стратегического овердрафта» Китая как растущей державы]. *Чжаньлюэ цзюэцэ яньцзю* [Исследования стратегии и процесса принятия решений], 8(3). 49–55. (на китайском языке)

Денисов И.Е. (2015b). Шелковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии. *Индекс безопасности*, 21 (3). 51–60.

Денисов И.Е. (2015a). Об основах сициньпинизма. Идеологический портрет «пятого поколения» руководителей КНР. *Тетради по консерватизму*, (5). 112–118.

Денисов И.Е. (2015c). Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине. *Международная жизнь*, (5). 40–54.

Денисов И.Е., Адамова Д.Л. (2017). Формула внешней политики Си Цзинь-

11 邓聿文. (2017). 对中国外交的九个反思 URL: <http://www.ftchinese.com/story/001073219?full=y> (Accessed: 19.09.2017)

пина: основные особенности и проблемы интерпретации. Сафронова Е.И. (ред.). *Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXII: ежегодное издание.* М.: ИДВ РАН. 76–90.

Дэн Сяопин. (1993). Гайгэ кайфан чжэнцэ вэньдин, Чжунго да ю сиван [Если политика реформ и открытости будет стабильной, у Китая есть большая надежда (4 сентября 1989 г.)]. *Дэн Сяопин вэньсюань* [Избранные произведения Дэн Сяопина]. Т. 3. Пекин: Жэньминь чубаньшэ. 315–321. (на китайском языке)

Зуенко И.Ю., Зубань С.В. (2017). Китай и ЕАЭС: динамика трансграничного движения товаров и будущее евразийской интеграции. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*, 2 (79).

Лю Сюэфэн. (2017). Чжаньлюэ сюаньцэ юй тоучжи цзюэци го чжаньлюэ тоучжи [Стратегический выбор и стратегический овердрафт растущей державы]. *Чжаньлюэ цзюэцэ яньцзю* [Исследования стратегии и процесса принятия решений], (3). 31–41 (на китайском языке)

Лю Фэн. (2017). Чжаньлюэ тоучжи: и сян гайнянь фэньси [Стратегический овердрафт: анализ концепции]. *Чжаньлюэ цзюэцэ яньцзю* [Исследования стратегии и процесса принятия решений], 8 (3). 25–30 (на китайском языке)

Петровский В.Е. (ред.). (2016). *Новый Шелковый путь и его значение для России.* М.: ДеЛи плюс. 234.

Си Цзиньпин. (2014). Великое возрождение китайской нации – величайшая мечта китайской нации с начала нового времени. *О государственном управлении.* Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. 47–50.

Сюй Сюэцзюнь. (2017). Чжаньлюэ гоцзай, чжаньлюэ тоучжи юй даго шуайло [Стратегическая перегрузка,

стратегический овердрафт и упадок великих держав]. *Шицзе чжиши* [Всемирное обозрение], (1). 13 (на китайском языке)

Ян Цземьянь. (2014). Чжань цзай синь цидянь дэ Чжунго вайцзю чжаньлюэ тяочжэн [Стратегическая корректировка китайской дипломатии в новой стартовой точке]. *Гоцзи чжаньван* [Международная перспектива], (1). 1–13 (на китайском языке).

Grube D. (2014). The gilded cage: Rhetorical path dependency in Australian politics. Uhr J., Walter R. (eds.). *Studies in Australian political rhetoric.* Canberra: Australian National University Press. 99–118.

Jian Zhang. (2015). China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? *Global Change, Peace & Security*, 27 (1). 5–19. DOI: 10.1080/14781158.2015.993958

Johnston A.I. (2003). Socialization in international institutions. Ikenberry J., Mastanduno M. (eds.). *International relations theory and the Asia-Pacific.* N.Y.: Columbia University Press. 107–152.

Li W., Dunford M. (2016). Inclusive globalization: unpacking China's Belt and Road Initiative. *Area Development and Policy*, 1 (3). 323–340. DOI: 10.1080/23792949.2016.1232598

Noesselt N. (2015). China's Foreign Strategy After the 18th Party Congress: Business as Usual? *Journal of Chinese Political Science*, 20 (1). 17–33. DOI: 10.1007/s11366-014-9325-z

Shambaugh D.L. (2013). *China goes global: The partial power.* Oxford: Oxford University Press. 432.

Wæver O. (2011). Securitization. Hughes Chr. W., Lai Yew Meng. (eds.). *Security Studies: A Reader.* London; N.Y.: Routledge. 93–98.

References

- Deng Xiaoping. (1993). Gaige kai-fang zhengce wending, Zhongguo da you xiwang [With Stable Policy of Reform and Opening, China Has Great Hope (September 4, 1989)]. *Select-ed Works of Deng Xiaoping. Volume III*. Beijing: People's Publishing House. 315–321. (in Chinese)
- Denisov I.E., Adamov D.L. (2017). Xi Jinping's Foreign Policy Formula: the main features and problems of interpretation. Safronova E.I. (ed.). *China in World and Regional Politics. History and Modernity. Issue XXII: annual publication*. Moskva: IDV RAN. 76–90.
- Denisov I.E. (2015b). Silk Security: the new Chinese concept of development and the rules of the game in Eurasia. *Indeks bezopasnosti*, 21 (3). 51–60.
- Denisov I.E. (2015a). Foundations of Xijipingism. Ideological Portrait of China's Fifth Generation of Leaders. *Tetradi po konservativizmu*, (5). 112–118.
- Denisov I.E. (2015c). Evolution of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (5). 40–54.
- Gao Cheng (2017). Zhongguo zuo-wei jueqi daguo de "zhanlüe touzhi" wenti tanxi. [An analysis of the strategic overdraft of China as a rising power]. *Zhanlüe juece yanjiu* [Studies in Strategy and Decision-Making], 8 (3). 49–55. (in Chinese)
- Grube D. (2014). The gilded cage: Rhetorical path dependency in Australian politics. Uhr J., Walter R. (eds.). *Studies in Australian political rhetoric*. Canberra: Australian National University Press. 99–118.
- Jian Zhang. (2015). China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? *Global Change, Peace & Security*, 27 (1). 5–19. DOI: 10.1080/14781158.2015.993958.
- Johnston A.I. (2003). Socialization in international institutions. Ikenberry J., Mastanduno M. (eds.). *International relations theory and the Asia-Pacific*. N.Y.: Columbia University Press. 107–152.
- Li W., Dunford M. (2016). Inclusive globalization: unpacking China's Belt and Road Initiative. *Area Development and Policy*, 1 (3). 323–340. DOI: 10.1080/23792949.2016.1232598.
- Liu Feng. (2017). Zhanlüe touzhi: yixiang gainian fenxi [Strategic overdraft: analysis of the concept]. *Zhanlüe juece yanjiu* [Studies in Strategy and Decision-Making], 8 (3). 25–30. (in Chinese)
- Liu Xuefeng. (2017). Zhanlüe xuanze yu jueqi guo zhanlüe touzhi. [Strategic choice and strategic overdraft of a rising power]. *Zhanlüe juece yanjiu* [Studies in Strategy and Decision-Making], 8 (3). 31–41. (in Chinese)
- Noesselt N. (2015). China's Foreign Strategy After the 18th Party Congress: Business as Usual? *Journal of Chinese Political Science*, 20 (1). 17–33. DOI: 10.1007/s11366-014-9325-z.
- Petrovskii V.E. (ed.). (2016). *New Silk Road and its Significance for Russia*. Moskva: DeLi plus. 234.
- Shambaugh D.L. (2013). *China goes global: The partial power*. Oxford: Oxford University Press. 432.
- Wæver O. (2011). Securitization. Hughes Chr. W., Lai Yew Meng. (eds.). *Security Studies: A Reader*. London; N.Y.: Routledge. 93–98.
- Xi Jinping. (2014). The Great Revival of the Chinese Nation is the Greatest Dream of the Chinese Nation since the Beginning of the Modern Times. *O gosudarstvennom upravlenii*. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. 47–50.
- Xu Xiujun. (2017). Zhanlüe guozai, zhanlüe touzhi yu daguo shuai luo [Strategic overload, strategic overdraft and the decline of great powers]. *Shijie zhishi* [World Affairs], (1). 13. (in Chinese)
- Yang Jiemian. (2014). Zhan zai xin qidian de Zhongguo waijiao zhanlüe tiaozheng [China's diplomatic strategic ad-

justment at a new starting point]. *Guoji zhanwang* [International Perspective], (1). 1–13. (in Chinese)

Zuenko I.Yu., Zuban' S.V. (2017). China and Eurasian Economic Union: dy-

namics of cross-border commodities flow and the future of Eurasian integration. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, 2 (79).

Информация об авторе

Игорь Евгеньевич Денисов, старший научный сотрудник, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, Институт международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
iedenisov@mail.ru

About the Author

Igor E. Denisov, Senior Researcher, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
iedenisov@mail.ru

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115

Яна Валерьевна ЛЕКСЮТИНА

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

lexyana@ya.ru

ORCID: 0000-0001-6766-1792

США и политика «одного Китая»

АННОТАЦИЯ. В ряду приоритетных государственных задач, стоящих перед современным китайским руководством, особое место занимает тайваньская проблема. Носящее фундаментальный характер как затрагивающее вопросы национальной гордости, государственного суверенитета, территориальной целостности и единства КНР решение тайваньской проблемы имеет и прикладное значение как укрепляющее легитимность правящей Коммунистической партии Китая и устраняющее ряд сложностей геополитического свойства. Делая ставку на создание всепроникающей экономической зависимости острова от Китая, но при этом не исключая силовой сценарий, Пекин рассчитывает решить тайваньский вопрос к 2049 г. – 100-летию юбилею образования КНР. Посредством экономической дипломатии и разнопланового давления на страны мира и международные организации Пекину удалось существенно ограничить международное пространство Тайваня, вплотную приблизившись к исковой цели возвращения острова. Принципиальным препятствием, стоящим на пути решения тайваньской проблемы, остается оказываемая Вашингтоном поддержка Тайваня. В статье раскрываются особенности американской политики «одного Китая» – проводимой США с 1970-х гг. особой политики в тайваньском вопросе. Подробно останавливаясь на анализе положений

основных документов, лежащих в основе этой политики, автор статьи выделяет ее непреходящие принципы. Автор подчеркивает двойственный характер американской политики «одного Китая», состоящий в ее одновременной нацеленности на содействие развитию отношений с КНР и на поддержку Тайваня, а также объясняет мотивацию американской поддержки Тайваня. В качестве основной детерминанты формирования политики США в тайваньском вопросе в статье называется характер китайско-тайваньских отношений: конфликтный (прослеживавшийся на протяжении почти всей истории существования тайваньской проблемы) или мирный (проявлявшийся на непродолжительных исторических отрезках – в первой половине 1990-х гг. и в 2008–2016 гг.). Готовность Пекина осуществить возвращение острова силовым путем и стремительный рост военной мощи Китая обуславливают тесное военное сотрудничество США и Тайваня, включая масштабные продажи американского вооружения Тайваню. Анализируя динамику развития ситуации в Тайваньском проливе на примере деятельности трех тайваньских администраций (Чэнь Шуйбяня, Ма Инцзю и Цай Инвэнь), автор демонстрирует, что в XXI в. определяющую роль в треугольнике Тайвань – Китай – США приобретает политика тайваньских властей

в отношении материкового Китая и в вопросе независимости. В заключении делается вывод о маловероятности изменения базовых принципов американской политики «одного Китая» и отказе Вашингтона от поддержки Тайваня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: США, Китай, Тайвань, политика «одного Китая»,

тайваньская проблема, «коренные интересы», военное сотрудничество

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лексютина Я.В. (2017). США и политика «Одного Китая». *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 99-115. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115

Yana V. LEKSYUTINA

Saint-Petersburg State University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russian Federation, 199034

lexyana@ya.ru

ORCID: 0000-0001-6766-1792

U.S. and Its “One China” Policy

ABSTRACT. *Amongst top national goals of the contemporary China's leadership, the Taiwan issue occupies a particular place. This issue bears a fundamental significance since it deals with national pride, state sovereignty, territorial integrity and the unity of the PRC. Its resolution has also an applied significance – it promotes the legitimacy of the ruling China's Communist Party and resolves some geopolitical difficulties China faces. Currently relying on the creation of island's all-pervading economic dependency on China, yet not excluding military invasion as an option, Beijing expects to resolve the Taiwan issue by 2049, the 100th anniversary of the PRC. By using economic statecraft and exerting pressure on the world's countries and international organizations, Beijing has succeeded in narrowing Taiwan's international space, thus coming close to the desired goal of bringing back the island. Still, a crucial impediment to the resolution of the Taiwan issue is the US' support of Taiwan. The article reveals specifics of the so-called “One China” poli-*

cy, a policy that the US pursues towards the Taiwan issue ever since 1970s. By analyzing in details the provisions of the documents that lay the basis of “One China” policy, the author identifies its enduring principles. The author emphasizes the dual character of the US' “One China” policy, which is its simultaneous orientation to promote relations with the PRC and to support Taiwan. The author further explains the motivation of the American support of Taiwan. The nature of the China-Taiwan relations – either confrontational (which has been the case with a few exceptions) or peaceful (like in the beginning of the 1990s and 2008–2016) – is seen in the article as a major determinant of the formulation of the US' Taiwan policy. Beijing's readiness to return the island with the use of force and China's rapid military power accumulation determine the US-Taiwan close military ties, including arms sales to the island. By analyzing the development of the situation in the Taiwan Strait through the examples of three Taiwan administrations (the ones of Chen Shui-bian, Ma Ying-

jeou and Tsai Ing-wen), the author shows that in the 21st century Taiwan leadership's policy towards mainland China and the independence issue plays the defining role in the Taiwan-China-US triangle relations. It concludes that changes in the basics of the US's "One China" policy and the termination of Washington's support of Taiwan are highly unlikely.

KEYWORDS: *U.S., China, Taiwan, "One China" policy, Taiwan issue, «core interests», military cooperation*

FOR CITATION: Leksyutina Y.V. (2017). U.S. and its "One China" Policy. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 99-115. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115

Заняв в 2013 г. пост председателя КНР, Си Цзиньпин столкнулся с необходимостью поиска ответов на огромное количество сложных вызовов и проблем, стоящих перед современным Китаем в процессе его ускоренного экономического развития и восхождения к статусу великой державы. Особое место среди них занимает тайваньская проблема, решение которой ввиду вовлеченности в нее сильнейшего государства на планете – США – оказалось не по силам четырем поколениям руководителей КНР.

Непосредственно затрагивающая вопросы государственного суверенитета, территориальной целостности и единства КНР, тайваньская проблема занимает высшее место в иерархии национальных интересов Китая и относится к так называемым «коренным интересам» Китая, защищать которые Пекин будет любой ценой и уступки по которым в принципе невозможны. Де-факто осуществляющий независимую от КНР внутреннюю и внешнюю политику на протяжении более чем шести десятилетий Тайвань рассматривается

Пекином в качестве одной из провинций КНР, установление полного контроля над которой является приоритетной государственной задачей. Формальное отделение Тайваня от Китая и обретение островом независимости является недопустимым сценарием развития ситуации для Пекина не только *per se*, но и как способное вызвать незамедлительную цепную реакцию со стороны сепаратистских сил в Тибете или Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Трактую историю позднецинского и раннереспубликанского периода как череду унижений, которым подвергся Китай со стороны иностранных государств в ходе опиумных войн и в результате навязанных ему неравноправных договоров (так называемые «100 лет унижений»), китайское руководство рассматривает возвращение Тайваня в качестве завершающего этапа собирания утраченных земель и восстановления былого величия китайской нации. Возвращение Тайваня, ставящее финальную точку в деле «воссоединения нации» после присоединения к КНР Гонконга и Макао в 1997 г. и 1999 г. соответственно (Клименко, Каменнов, 2017, с. 71), приобретает сакральное значение для китайцев как вопрос единства родины.

Большое значение современное китайское руководство придает решению тайваньского вопроса и в свете задачи обеспечения легитимности власти КПК: успех на тайваньском направлении значительно способствовал бы упрочению существующего политического режима в Китае, в то время как неудача или отсутствие прогресса могут привести к потере авторитета КПК среди населения страны. Китайский национализм и националистические настроения, отражающие запрос на более решительные действия со стороны китайского руководства в тайваньском

вопросе, оказывают сильное влияние на процесс принятия политических решений в Китае и требуют от китайских властей скорейшего решения тайваньского вопроса, а не перекладывания его на плечи следующих поколений.

И, наконец, для Китая крайне высока геостратегическая значимость Тайваня как открывающего ему доступ к океанским портам и обеспечивающего его стратегически важными морскими коммуникациями. Продолжающееся в Китае с момента запуска политики «реформ и открытости» ускоренное промышленное развитие обусловило рост потребностей страны в импорте сырья (и в особенности энергоресурсов) и экспорте промышленных товаров, перевозимых преимущественно морским путем. Сложность доступа Китая к Мировому океану обусловлена тем, что вдоль восточного побережья Китая проходит гряда островов Японии, Тайваня и Филиппин, выступающих естественной преградой для выхода Китая в Тихий океан. Используемые ныне Китаем альтернативные морские пути для транспортировки импортируемого сырья и экспортируемых товаров, идущие по Южно-Китайскому морю через Малаккский пролив в Индийский океан, рассматриваются китайским руководством как ненадежные в силу распространенного там пиратства, продолжающихся территориальных споров, неоднозначного отношения к Китаю некоторых прибрежных стран, потенциально способных ограничить свободу судоходства китайских судов. В этой связи возвращение Тайваня позволяет Китаю решить проблему открытого, беспрепятственного и надежного доступа в Мировой океан. Более того, возвращение Тайваня позволит контролировать Тайваньский пролив, через который проходят важные морские пути, по которым идет порядка

70% товаропотока Японии и Южной Кореи (Ли Гуаньцзюнь, 2010).

Рассматривая тайваньскую проблему как исключительно внутреннюю и относя ее к разряду «коренных интересов», Пекин отвергает любые формы внешнего вмешательства в нее. Китай поддерживает дипломатические отношения лишь с теми странами, которые признают и неукоснительно следуют отстаиваемому Пекином принципу «одного Китая», состоящему в том, что на международной арене существует только один Китай и Тайвань является его неотъемлемой частью.

Традиционно относимая к разряду высших в иерархии национальных интересов КНР тайваньская проблема приобрела еще более акцентированное звучание в свете обнародования Си Цзиньпином в 2013 г. концепции «Китайской мечты» и задач «двух столетних юбилеев» (столетие образования Коммунистической партии Китая в 1921 г. и учреждения КНР в 1949 г.). Принципиальное значение для реализации «китайской мечты о великом возрождении китайской нации», запланированной ко второму столетнему юбилею, имеет возвращение Тайваня и, соответственно, полное воссоединение Китая, которое, по планам китайской стороны, должно произойти мирным путем на основе формулы «одно государство, две системы». Вместе с тем концентрация внушительного количества баллистических ракет ближнего радиуса действия в прибрежных провинциях КНР близ Тайваньского пролива косвенно свидетельствует о том, что китайское руководство не исключает и силового сценария возвращения Тайваня. По данным министерства обороны США, в Китае размещено порядка 1200 баллистических ракет ближнего радиуса действия, качественные характеристики которых, такие, как точность, дальность и мощность

головной части, постоянно совершенствуются¹. Право китайских властей применить военную силу для возвращения Тайваня законодательно закреплено в китайском Законе о противодействии расколу страны от 2005 г.

Генезис тайваньской проблемы и участие в ней США

В качестве особого политического феномена тайваньская проблема появилась в 1949 г., когда в результате гражданской войны в Китае сложилась ситуация сосуществования двух противоборствующих правительств, отстаивающих право представлять интересы всего китайского народа на мировой арене: коммунистического правительства новообразованного государства – Китайской Народной Республики – и возглавляемого Чан Кайши гоминьдановского правительства, из-за поражения в гражданской войне вынужденного искать убежища на Тайване и основать там временное правительство Китайской Республики. Разрешению политического соперничества двух правительств воспрепятствовало вмешательство Вашингтона во внутрикитайскую проблему в июне 1950 г., когда президент США Г. Трумэн объявил об отправке 7-го флота Военно-морских сил США в Тайваньский пролив с целью недопущения военного захвата Тайваня армией КНР². Дипломатические отношения с правительством Китайской Республики на Тайване Вашингтон продолжал поддерживать вплоть до 1 января 1979 г.

За эти три десятилетия тайваньская политика США претерпела три этапа эволюции. Начавшийся с открытого американского вмешательства во внутрикитайскую проблему в июне 1950 г. и продолжавшийся до заключения 2 декабря 1954 г. американо-тайваньского Договора о взаимной обороне первый этап характеризовался формированием модели американского участия в китайско-тайваньском противоборстве, зарождением основных форм союзнических отношений с Тайванем и их официальным оформлением в виде Договора о взаимной обороне. На втором этапе Вашингтон выполнял союзнические обязательства в отношении Тайваня в ходе тайваньских кризисов 1954–1955 гг., 1958 г. и 1962 г. Третий этап характеризовался поиском новой модели американского участия в тайваньской проблеме ввиду корректировки внешнеполитической линии США в отношении Китая, вызванной проявившимся в 1960-е гг. и в США, и в Китае встречным желанием нормализовать двусторонние отношения с целью противодействия Советскому Союзу. В результате сложных и длительных американо-китайских переговоров 28 февраля 1972 г. было заключено Шанхайское коммюнике, ставшее первым шагом на пути восстановления отношений между США и Китаем. И, наконец, 1 января 1979 г. было подписано второе коммюнике, в котором США признали правительство Китайской Народной Республики в качестве законного правительства всего Китая³.

Вместе с тем после разрыва дипломатических отношений с Тайванем Вашингтон не прекратил поддерживать

1 Military and security developments involving the PRC. 2017. P. 31. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF (Accessed: 25.08.2017)

2 Поддержка Вашингтоном в 1950 г. гоминьдановского правительства была продиктована подключением Пекина к противостоянию Советского Союза с США и в особенности участием НОАК в Корейской войне (Зиновьев, 2010, с. 63).

3 Лексютина Я.В. (2012). Американо-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в. Дисс. . . . доктора полит. наук. Санкт-Петербург. С. 172.

разноплановые неофициальные контакты с тайваньской администрацией, по сути продолжая оставаться гарантом безопасности острова. С прекращением дипломатического признания с Тайваня на Китай Вашингтон стал проводить в тайваньском вопросе так называемую политику «одного Китая», базирующуюся на четырех основных документах: трех совместных американо-китайских коммюнике (Шанхайском коммюнике от 28 февраля 1972 г., коммюнике об установлении дипломатических отношений от 1 января 1979 г., американо-китайском совместном коммюнике от 17 августа 1982 г.) и Законе об отношениях с Тайванем от 10 апреля 1979 г. Именно к этим четырем документам до сих пор обращаются американские высокопоставленные официальные лица (включая президента США) для разъяснения тайваньской политики США и в ходе переговоров с китайской стороной.

В трех совместных американо-китайских коммюнике, проложивших дорогу нормализации отношений двух держав, зафиксированы следующие положения, касающиеся американской политики «одного Китая»:

- признание Вашингтоном правительства КНР в качестве *единственного законного правительства Китая*;
- намерение поддерживать культурные, коммерческие и иные *неофициальные связи* с Тайванем;

- *принятие к сведению* (а не признание) позиции КНР относительно существования одного Китая и Тайваня как его составной части⁴;
- заинтересованность в мирном разрешении противоречий между КНР и Тайванем *самими китайцами*;
- *отказ от вмешательства* в «мирное урегулирование» противоречий между КНР и Тайванем;
- *отсутствие намерений вмешиваться во внутренние дела* КНР, проводить политику «двух Китаев» или «одного Тайваня, одного Китая»⁵.

В принятом в апреле 1979 г. при определяющей роли американского Конгресса⁶ Законе об отношениях с Тайванем регламентировались практические вопросы неофициального взаимодействия США с тайваньскими властями и содержались положения, касающиеся обеспечения Вашингтоном безопасности острова и продажи американского вооружения Тайваню. В Законе, в частности, была выражена готовность Вашингтона предоставить Тайваню доступ «к таким изделиям и услугам военного назначения и в таком количестве, в каком может быть необходимо для того, чтобы Тайвань мог поддерживать на достаточном уровне свою обороноспособность»⁷.

Касательно вопроса поддержания безопасности Тайваня положения закона были сформулированы весьма

4 В коммюнике 1972 г. значилось: «Соединенные Штаты принимают во внимание (acknowledge) то, что все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива считают, что есть только один Китай, и Тайвань является частью Китая. Правительство США не оспаривает эту позицию». В Коммюнике 1979 г. была несколько иная формулировка: «Правительство Соединенных Штатов принимает во внимание (acknowledge) китайскую позицию о том, что есть только один Китай, и Тайвань является частью Китая». См.: Shanghai Communiqué. Joint Communiqué of the USA and the PRC. 1972. URL: <http://www.taiwandocuments.org/communiqué01.htm> (Accessed: 21.05.2015); Joint Communiqué on the Establishment of Diplomatic Relations between the USA and the PRC. 1979. URL: <http://www.taiwansecurity.org/IS/Joint.htm> (Accessed: 10.02.2015).

5 Joint Communiqué on Arms Sales to Taiwan. Joint Communiqué of the USA and the PRC. 1982. URL: <http://www.taiwandocuments.org/communiqué03.htm> (Accessed: 11.02.2015)

6 Американский Конгресс традиционно занимает протайваньскую позицию и достаточно критичен по отношению к Китаю. 7 Sec.2-b; sec.3-a. Taiwan relations act 1979. URL: <http://www.taiwandocuments.org/tra02.htm> (Accessed: 15.01.2013)

размыто: закон обязывал США содействовать Тайваню в обеспечении его безопасности, оставляя при этом Вашингтону возможность для маневра – определять варианты реагирования на различное развитие событий в Тайваньском проливе по собственному усмотрению. Прямо не указывая на обязательства США защищать Тайвань в случае военного вторжения со стороны Китая, закон расценивал потенциальную агрессию Китая в качестве угрозы миру и безопасности в регионе и предмета серьезной озабоченности США.

По существу, в этом законе были зафиксированы основы американской политики «стратегической неопределенности» в тайваньском вопросе, используемой сменяющимися друг друга американскими администрациями на протяжении почти четырех десятилетий, начиная с Дж. Картера. «Стратегическая неопределенность» заключается в отсутствии точных представлений у Пекина и Тайбэя относительно формы, степени и порогов американского вмешательства в случае возникновения вооруженного конфликта в Тайваньском проливе. При этом Вашингтон дает гарантии Тайбэю в том, что не откажется от его поддержки ради развития хороших отношений с Китаем (Труш, 2017, с. 58). По замыслу Вашингтона, политика «стратегической неопределенности» призвана удержать Китай от силового сценария решения тайваньского вопроса и в то же время не допустить использования Тайбэем оборонных обязательств США для продвижения в сторону независимости. Политика Вашингтона в тайваньском вопросе руководствуется целью поддержания статус-кво в Тайваньском проливе, допуская его изменение в случае достижения соответствующих договоренностей между двумя сторонами противоречий. Как неоднократно находило от-

ражение в заявлениях высокопоставленных официальных лиц США, Вашингтон выступает против одностороннего изменения статус-кво в Тайваньском проливе любой из сторон, не поддерживает идеи независимости Тайваня и выступает за мирное урегулирование тайваньского вопроса.

В целом проводимая Вашингтоном с конца 1970-х гг. политика «одного Китая» продиктована, с одной стороны, желанием США развивать отношения с КНР, рост экономического потенциала и ширящееся участие в мировых делах которой лишь укрепляют подобные устремления Вашингтона, а с другой – необходимостью защиты от военного вторжения Тайваня как своего бывшего союзника по Договору 1954 г., а после заданной в 1980-х гг. демократизации острова – необходимостью предотвращения поглощения молодой азиатской демократии недемократическим Китаем. Определенную роль в продолжающейся поддержке Тайваня играют и распространенные в США представления о «китайской угрозе» и необходимости «сдерживания» стремительно наращивающего комплексную национальную мощь Китая как способного в перспективе бросить вызов американскому мировому доминированию. Апеллируя к тому, что получение контроля над Тайванем, имеющим прямой выход в Мировой океан, значимые финансовые ресурсы и высокий технологический потенциал, будет способствовать еще большему росту китайского могущества, сторонники политики «сдерживания» Китая рассматривают сохранение статус-кво в Тайваньском проливе как способ ограничения дальнейшего усиления Китая. Более того, имеют место быть и представления о возможности «разыгрывания тайваньской карты», об использовании Тайваня в качестве рычага давления на Китай в вопросах, представляю-

щих интерес для Вашингтона. И, наконец, не стоит забывать и о сильном тайваньском лобби и различных группах интересов в США, оказывающих влияние на процесс принятия внешнеполитических решений и либо отстаивающих тайваньские интересы, либо стоящих на антикитайских позициях.

Американская политика «одного Китая» в XXI в.

Проводимая США на протяжении неполных четырех десятилетий, прошедших с момента вынужденного разрыва дипломатических отношений с Тайванем в 1979 г., политика «одного Китая» весьма специфична и существенно отличается от китайского понимания принципа «одного Китая», равно как и от политики в тайваньском вопросе других стран мира, поддерживающих официальные отношения с КНР и неукоснительно следующие букве и духу принципа «одного Китая». Формально придерживаясь положений, содержащихся в трех совместных американо-китайских коммюнике, намеренно не вмешиваясь в китайско-тайваньский переговорный процесс и не поощряя движение острова в сторону независимости, Вашингтон между тем продолжает выступать в роли единственного в мире гаранта безопасности Тайваня и оказывать ему разноплановую поддержку. Поддержка Вашингтона идет по ряду основных направлений: продажа вооружения и тесное военное сотрудничество в целом, обмен визитами высокопоставленных официальных лиц, содействие в расширении участия Тайваня в международных организациях.

Сохраняя преемственность общих контуров и базовых принципов тайваньской политики, Вашингтон тем не менее в разные исторические перио-

ды демонстрировал неодинаковую степень поддержки Тайваня и уровень развития неофициальных контактов. Формирование и реализация политики «одного Китая» сменявших друг друга американских администраций определялась целым комплексом факторов и обстоятельств: личными предпочтениями президентов, политической конъюнктурой, меняющимся международным и региональным контекстом, потребностями развития американо-китайских отношений и в определяющей степени содержанием китайско-тайваньского взаимодействия.

Длительное время основной детерминантой формирования политики США в тайваньском вопросе служил конфликтный характер китайско-тайваньских отношений: готовность Китая применить военную силу с целью возвращения острова и отсутствие заинтересованности с тайваньской стороны в объединении с материком предопределяли необходимость американского участия. Рост угрозы силового варианта решения тайваньского вопроса со стороны Китая обуславливал углубление и диверсификацию американо-тайваньского военного сотрудничества – формы взаимодействия, категорически неприемлемой для Пекина. Так, вследствие тайваньского кризиса 1995–1996 гг., когда в ответ на масштабные военные учения НОАК в районе Тайваньского пролива США были вынуждены ввести туда два авианосца, американо-тайваньское военное сотрудничество существенно интенсифицировалось. В последние годы президентства Б. Клинтона и первый срок президентских полномочий Дж. Буша-мл. произошло переосмысление подхода Вашингтона к развитию военного сотрудничества с Тайванем. Ранее ограниченное преимущественно продажей американского вооружения Тайваню, военное сотрудничество ста-

ло развиваться и по целому ряду других направлений, таких, как американо-тайваньский стратегический диалог по вопросам обороны, визиты в США тайваньских высокопоставленных военных и представителей министерства национальной обороны, специальные программы обучения для тайваньских военных, наблюдения США за тайваньскими учениями, инспекции и проч.

Военное сотрудничество особенно активизировалось при Дж. Буше-мл., приступившем к выполнению президентских обязанностей с видением Китая в качестве «стратегического соперника» (Тимофеев, 2016, с. 609) и с желанием отказаться от политики «стратегической неопределенности» в пользу более акцентированной поддержки Тайваня. В годы его президентства увеличились продажи американских вооружений Тайваню и изменилась их номенклатура – стали продаваться более современные типы вооружений. Так, в апреле 2001 г. стало известно о планах продажи Тайваню крупнейшей с 1992 г. партии оружия, включавшей в том числе эсминцы класса «Kidd», дизельные подводные лодки и патрульные противолодочные самолеты «Orion». Под расширение продаж оружия Тайваню даже была подведена соответствующая законодательная база – в соответствии с Уполномочивающим законом о внешней политике на 2003 финансовый год Тайваню был открыт доступ к современным американским вооружениям и технологиям наравне с военными союзниками США вне НАТО, такими, как Республика Корея, Япония, Австралия или Израиль⁸. При Дж. Буше-мл. произошла либерализация режима визитов в Соединенные Штаты тайваньских высокопоставленных военных и

представителей министерства обороны – повысился уровень и интенсивность визитов. Так, в частности, стали возможными визиты тайваньских военных на уровне министра и заместителя министра обороны Тайваня, начальника Генерального штаба Тайваня. С 2001 г. на Тайвань стали командироваться американские военные для наблюдения за проводимыми на Тайване военными учениями.

При Дж. Буша-мл. и Б. Обаме тесному американо-тайваньскому военному сотрудничеству стали способствовать возросшие риски реализации Китаем силового варианта возвращения Тайваня ввиду ускоренных темпов военной модернизации Китая, его стремительно увеличивающейся военной мощи, углубляющегося разрыва в военных потенциалах Китая и Тайваня и роста националистических настроений в китайском обществе.

Только за период 2008–2011 гг. администрация США одобрили три крупные партии оружия Тайваню. В октябре 2008 г. стало известно о планах продажи Тайваню партии оружия, включавшей противокорабельные ракеты «Patriot» PAC-3, ударные вертолеты «Apache» AH-64D, модернизацию самолетов E-2T к модификации «Hawkeye 2000», управляемые ракеты и блоки прицельно-пускового оборудования «Javelin», ракеты «Harpoon Block-2» общей стоимостью порядка 6,5 млрд долл. В январе 2010 г. были обнародованы планы продажи Тайваню партии оружия на сумму почти 6,4 млрд долл. (в том числе противокорабельные ракеты «Patriot» PAC-3, вертолеты «Black Hawk», ракеты «Harpoon») (Давыдов, 2010, с. 2). В сентябре 2011 г. были анонсированы планы продажи

8 Art. 1206. Foreign Relations Authorization Act, Fiscal Year 2003. 2002. URL: <http://thomas.loc.gov/> (Accessed: 18.08.2017)

Тайваню запчастей для военных самолетов, военной техники для модернизации истребителей F-16 А/В и оказание технико-экспертной поддержки на сумму в 5,9 млрд долл.⁹

Затем последовала четырехлетняя пауза в продажах вооружения Тайваню, что, вероятно, было связано с опасениями Вашингтона относительно неблагоприятного воздействия продаж вооружения на развитие американо-китайских отношений и начавшего развиваться с 2008 г. процесса нормализации китайско-тайваньских отношений, а также с финансовыми ограничениями, накладываемыми оборонным бюджетом Тайваня.

В середине декабря 2015 г. администрация Обамы одобрила продажу Тайваню очередного пакета вооружения в размере 1,83 млрд долл., включавшего в том числе два фрегата с управляемыми ракетами класса «Oliver Hazard Perry», гусеничные десантные машины-амфибии «AAV-7», противотанковые ракеты «Javelin» и «BGM-71F», переносные ракеты «Stinger», зенитные артиллерийские комплексы ближнего действия «MK-15 Phalanx». В общей сложности администрация Обамы одобрила передачу Тайваню вооружения на сумму более 14 млрд долл.

Как и при Дж. Бушем-мл., при Б. Обаме военное сотрудничество не ограничивалось лишь продажей вооружений, а развивалось и по другим векторам. Так, за несколько последних лет президентства Обамы число ежегод-

ных мероприятий в русле американо-тайваньского военного сотрудничества удвоилось¹⁰. С 2012 по 2015 г. численность представителей министерства обороны США, посетивших Тайвань, увеличилась с около 1500 до примерно 3200 человек¹¹.

Вместе с тем, развивая военное сотрудничество с Тайванем, Вашингтон по-прежнему сохраняет целый ряд ограничений. Ограничения касаются, прежде всего, продажи Тайваню вооружения наступательного характера, визитов на Тайвань американских высокопоставленных военных, проведения совместных военных учений и др.

Тесное американо-тайваньское военное сотрудничество и в особенности продажи вооружения рассматриваются в Пекине как нарушающие принцип «одного Китая» и совместное американо-китайское коммюнике 1982 г. В этом коммюнике содержатся заверения США в том, что они не стремятся «придерживаться долгосрочной политики продажи вооружения Тайваню; что поставки вооружения из США не будут превышать ни в количественном, ни в качественном отношении уровень поставок за последние несколько лет; что Соединенные Штаты планируют постепенно сокращать объем продаж вооружения и военной техники Тайваню, что приведет через некоторое время к их окончательному прекращению» (Joint Communiqué, 1982). Вашингтон оправдывает продажи вооружения положениями Закона об отношениях с Тай-

9 Taipei Economic and Cultural Representative Office in the US - foreign military sales order II (FMSO II). 2011. URL: http://www.dsca.mil/PressReleases/36-b/2011/TECRO_11-34.pdf (Accessed: 13.01.2016); Taipei Economic and Cultural Representative Office in the US - pilot training program. 2011. URL: http://www.dsca.mil/PressReleases/36-b/2011/TECRO_11-19.pdf (Accessed: 13.01.2016); Taipei Economic and Cultural Representative Office in the US - retrofit of F-16A/B aircraft. 2011. URL: http://www.dsca.mil/PressReleases/36-b/2011/TECRO_11-39.pdf (Accessed: 13.01.2016).

10 Testimony of Susan Thornton. 2016. URL: <http://docs.house.gov/meetings/FA/FA05/20160211/104457/HHRG-114-FA05-Wstate-ThorntonS-20160211.pdf> (Accessed: 29.08.2017)

11 2016 Annual Report to Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 385 URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Annual_Report/Chapters/Chapter%203%2C%20Section%202%20-%20China%20and%20Taiwan.pdf (Accessed: 18.08.2017)

ванем 1979 г., в котором зафиксированы обязательства Вашингтона обеспечивать Тайвань вооружениями оборонительного характера в количестве, позволяющем Тайваню поддерживать свою обороноспособность (Joint Communiqué, 1982).

На современном этапе Вашингтон является чуть ли не единственным поставщиком вооружения Тайваню. С середины 1990-х гг. Тайвань лишился всех альтернативных США крупных поставщиков вооружения – под угрозами экономических санкций и дипломатическим давлением со стороны Китая не смогли устоять даже такие крупные экспортеры, как Франция, Германия, Нидерланды, Канада и Израиль.

Вашингтон постоянно испытывает давление Пекина в вопросе продажи вооружения Тайваню. Каждый раз за анонсированием Вашингтоном планов продажи Тайваню оружия следует микрокризис в американо-китайских отношениях, что заставляет сменяющие друг друга американские администрации тщательно взвешивать все «за» и «против» при принятии решений об одобрении очередного пакета вооружения. Помимо публичной критики действий Вашингтона недовольство Пекина, как правило, принимает такие формы, как отмена запланированных ранее двусторонних встреч в русле оборонного сотрудничества, приостановка двусторонних контактов по военной линии, введение временного запрета на заходы американских военных кораблей в порт Гонконга, угрозы введения экономических санкций в отношении американских корпораций, вовлеченных в продажи вооружения Тайваню.

Помимо тесного военного сотрудничества и продолжающихся продаж американского вооружения Тайваню обвинения со стороны Пекина относительно нарушения Вашингтоном принципа «одного Китая» вызывают и не-

которые другие аспекты американо-тайваньского взаимодействия. Например, осуществляемые с 2000 г. визиты тайваньских президентов в США (транзитные остановки по пути следования тайваньских президентов к их дипломатическим партнерам в Центральной Америке), хотя и носящие неофициальный характер, но нередко сопровождаемые встречами с известными американскими политиками, членами Конгресса, представителями СМИ, а в отдельных случаях предполагающие и публичные выступления.

Динамика китайско-тайваньского взаимодействия в XXI в. и ее влияние на американскую политику в тайваньском вопросе

В XXI в. определяющую роль в треугольнике Тайвань – Китай – США стала играть политика тайваньских властей в отношении материкового Китая и в вопросе независимости. Политика Тайваня, к рубежу столетий уже в полной мере освоившего принципы демократического правления (Малявин, Чэнь, 2012, с. 119), стала сильно подвержена смене политического руководства острова. За симпатии тайваньского электората и право формулировать политику острова стали соперничать две крупнейшие политические партии острова, стоящие на принципиально различных политических платформах в вопросах независимости Тайваня и развития отношений с материковым Китаем, – Гоминьдан и Демократическая прогрессивная партия (ДПП). Пекин в этой связи стал проводить скорее реактивную, реагирующую на действия тайваньского руководства политику, нежели активную. Рост воинственной риторики Пекина в опреде-

ляющей степени стал зависеть от действий тайваньских властей.

С 2000 по 2017 г. на Тайване сменились три президентские администрации: администрация представителя традиционно выступающей за независимость острова ДПП Чэнь Шуйбяня (2000–2008 гг.), администрация представителя партии Гоминьдан Ма Инцзю (2008–2016 гг.) и нынешняя администрация представителя ДПП Цай Инвэнь.

Пребывание у власти Чэнь Шуйбяня характеризовалось сильнейшим обострением отношений между Китаем и Тайванем, отсутствием контактов между представителями полуофициальных посреднических организаций сторон Тайваньского пролива – Фондом обменов через Тайваньский пролив и Ассоциацией за развитие связей между берегами Тайваньского пролива¹², ростом военных приготовлений Пекина к военному сценарию решения тайваньского вопроса. Вразрез с данными им в инаугурационной речи обещаниями не предпринимать действий, подразумевающих изменение статус-кво в Тайваньском проливе¹³, Чэнь Шуйбянь стал целенаправленно развивать идею независимости острова (Ларин, 2006, 86).

Неполный перечень действий Чэнь Шуйбяня, дестабилизировавших обстановку в Тайваньском проливе, включал: меры, направленные на фор-

мирование тайваньской идентичности; публичное заявление о том, что каждый берег Тайваньского пролива является отдельным государством (август 2002 г.); принятие Закона о референдуме (2003 г.) и проведение референдумов; инициатива разработки новой Конституции (2004 г.) (Поляков, 2006, с. 32); предложение изменить названия правительственных подразделений и государственных корпораций (2004 г.); прекращение деятельности Совета национального объединения и применения Программы национального объединения (2006 г.); анонсирование «четырех желаний» Тайваня (март 2007 г.)¹⁴; проведение референдума по вопросу членства острова в ООН под названием «Тайвань» (2007 г.).

С целью оказания давления на тайваньскую сторону и недопущения объявления независимости острова Пекин ужесточил риторику по тайваньскому вопросу и приступил к военным приготовлениям. Китай, в частности, наращивал ракеты ближнего радиуса действия в районах, близлежащих к Тайваню. В марте 2005 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло Закон о противодействии расколу страны, санкционировавший применение Китаем «немирных средств» в отношении Тайваня в случае «отделения Тайваня от Китая под любым названием и в любой форме в результате действий сепаратистских сил, добиваю-

12 Инициированный в начале 1990-х гг. переговорный процесс между этими организациями был в одностороннем порядке прерван Пекином в ответ на сделанное в 1999 г. заявление тогдашнего президента Тайваня Ли Дэньхуя об «особом межгосударственном» характере отношений сторон пролива.

13 Инаугурационные обещания включали заверения в том, что в случае отсутствия у Китая намерения использовать военную силу против Тайваня Чэнь Шуйбянь на протяжении срока своих полномочий не будет провозглашать независимость, менять официальное название государства, инициировать включение в Конституцию определения взаимоотношений двух сторон пролива как «особых межгосударственных отношений», инициировать проведение референдума об изменении статус-кво в связи с проблемой независимости или объединения, поднимать вопросы об отмене Программы национального объединения и упразднении Совета национального объединения. См.: 中華民國第十任總統就職演說 [Инаугурационная речь президента Китайской Республики на 10-й срок]. 2000. URL: http://www.president.gov.tw/php-bin/dore2+/list.php4?_section=3 (Accessed: 10.09.2012)

14 «Четыре желания»: Тайвань желает независимости, новой конституции, экономического развития и смены официального названия острова на «Тайвань».

щихся “независимости Тайваня”, либо серьезных инцидентов, которые могут привести к отделению Тайваня от Китая, либо полного исчерпания возможностей мирного объединения¹⁵. Также Пекин требовал от Вашингтона повлиять на тайваньские власти.

В этот период тайваньский вопрос вышел на первый план американо-китайского взаимодействия. Вашингтон был вынужден уделять повышенное внимание этому вопросу, поддерживать постоянные контакты с тайваньской стороной, дабы предупредить потенциально опасные инициативы тайваньского руководства и сдержать устремления Чэнь Шуйбяня к обретению Тайванем независимости. Вашингтон оказался в незавидной роли медиатора между Пекином и Тайбэем. При этом медиаторская роль приносила Вашингтону не бонусы или возможность «разыграть тайваньскую карту», а, напротив, осложнение отношений с обеими сторонами конфликтной ситуации. Пекин, ожидавший от Вашингтона решительных мер по нейтрализации последствий провокационных инициатив Чэнь Шуйбяня, расценивал предпринимаемые Вашингтоном действия как недостаточные. В то же время давление, оказываемое США на администрацию Чэнь Шуйбяня, вызывало раздражение у тайваньских властей.

В целом из-за невозможности поддерживать конструктивный диалог с Чэнь Шуйбянем, не желавшим координировать свои действия с американскими коллегами, изначально задан-

ный Дж. Бушем-мл. курс на укрепление контактов с Тайванем так и не был в полной мере реализован Вашингтоном.

Принципиальное влияние на динамику отношений в треугольнике Тайвань – Китай – США оказало избрание президентом Тайваня в марте 2008 г. кандидата от партии Гоминьдан Ма Инцзю, подход которого к развитию отношений с Китаем разительно отличался от подхода Чэнь Шуйбяня. В целях снижения градуса напряженности между двумя сторонами Тайваньского пролива и поиска новых драйверов экономического роста Ма Инцзю предложил поэтапную дорожную карту налаживания китайско-тайваньских отношений: удовлетворение основного требования китайских властей для возобновления диалога между берегами Тайваньского пролива, состоящего в признании тайваньской стороной «консенсуса 1992 г.»¹⁶; развитие экономических и культурных связей между островом и материком; ведение переговоров о расширении «международного пространства» Тайваня и заключении мирного соглашения между двумя берегами.

Новый курс тайваньской администрации был положительно воспринят в Пекине (Чудодеев, 2008, с. 25). Процесс нормализации двусторонних отношений получил стремительное развитие: были возобновлены переговоры между представителями Ассоциации за развитие связей между берегами Тайваньского пролива и Фонда обменов через Тайваньский пролив подтверждение приверженности Китая и Тайваня принципу «одного Китая» в собственной интерпретации. 17 в ноябре 2015 г. в Сингапуре даже состоялась первая с 1949 г. встреча руководителей КНР и Тайваня – Си Цзиньпина и Ма Инцзю.

15 《反分裂国家法》[Закон о противодействии расколу страны]. 2005. URL: <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab637/module18166/info38575.htm> (Accessed: 08.03.2011)

16 «Консенсус 1992 г.» – это сделанное в устной форме в 1992 г. представителями Ассоциации за развитие связей между двумя сторонами Тайваньского пролива и Фонда обменов через Тайваньский пролив подтверждение приверженности Китая и Тайваня принципу «одного Китая» в собственной интерпретации.

17 В ноябре 2015 г. в Сингапуре даже состоялась первая с 1949 г. встреча руководителей КНР и Тайваня – Си Цзиньпина и Ма Инцзю.

нялись барьеры на пути более тесного торгово-экономического взаимодействия. Стороны, в частности, наладили между собой прямое регулярное морское и воздушное сообщение, согласовали условия туристических поездок жителей материковой части Китая на Тайвань, заключили большое количество соглашений о сотрудничестве в целом ряде областей (например, в финансовой сфере, в области почтового сотрудничества, в области защиты прав интеллектуальной собственности, в обеспечении безопасности продуктов питания, в области медицины и здравоохранения, в совместной борьбе с преступностью и проч.), стали развивать образовательные и академические обмены (Ларин, 2014, с. 317). В июне 2010 г. было заключено Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между берегами Тайваньского пролива – преференциальное торговое соглашение, способствовавшее дальнейшему расширению и углублению двусторонних торгово-экономических отношений.

В этот период Пекин хотя и не отказался публично от возможности применения силы как одного из вариантов решения тайваньского вопроса, не демонтировал нацеленные на Тайвань ракеты, однако прекратил воинственную риторику в отношении острова и стремился продемонстрировать свои благие намерения в отношении Тайваня, делая ставку в решении тайваньского вопроса на экономические рычаги давления. Создание устойчивой экономической зависимости острова от Китая стало базовой стратегией в русле реализации задачи возвращения Тайваня.

Администрация Ма Инцзю же руководствовалась задачами снижения рисков вооруженного вторжения со стороны Китая, существенно возросшими в годы провокационной деятельности Чэнь Шуйбяня, а также поисков путей выхода из длительной экономической

рецессии за счет активизации экономического взаимодействия со второй экономикой мира – Китаем.

Нормализация межбереговых отношений позволила Вашингтону дистанцироваться от тайваньской проблемы, снизить степень своего участия в ней, сконцентрировавшись на более важных задачах внешней политики. Поскольку стабилизация обстановки в Тайваньском проливе в полной мере соответствовала американским интересам как фиксирующая статус-кво и снижающая риски возникновения еще одного очага нестабильности в АТР, Вашингтон предпочитал не вмешиваться в процесс нормализации китайско-тайваньских отношений. Тем более что он временно снял остроту проблемы Тайваня в американско-китайских отношениях, и без того обремененных большим количеством проблем.

Нормализация межбереговых отношений открыла возможности для некоторого расширения международного пространства Тайваня. Так, Пекин несколько изменил свою позицию в вопросе участия Тайваня в некоторых международных организациях, оставив свои традиционные возражения. В результате с 2009 г. на протяжении восьми лет Тайвань имел возможность принимать участие в качестве наблюдателя в работе Всемирной ассамблеи здравоохранения, что стало первым случаем участия Тайваня в работе структур ООН с 1971 г., когда место Тайваня в ООН заняла КНР. В 2013 г. Тайвань впервые получил приглашение принять участие в качестве наблюдателя в 39-й Ассамблее Международной ассоциации гражданской авиации.

Однако такая позитивная динамика резко изменилась в 2016 г. в связи с негативной реакцией Пекина на избрание президентом Тайваня кандидата от ДПП Цай Инвэнь, хотя и выразившей заинтересованность в сохране-

нии статус-кво, но отказавшейся признать «консенсус 1992 г.», призвав Пекин продолжить диалог без выдвижения предварительных условий и заявившей о намерении снизить экономическую зависимость острова от Китая. Реакция Пекина была достаточно резкой. Пекин даже приостановил начавшиеся в 2014 г. консультации между Канцелярией Госсовета КНР по делам Тайваня и тайваньским Советом по делам материка (Волошина, 2016, с. 84). Пекин также предпринял ряд мер, направленных на ограничение международного пространства Тайваня. В нарушение «дипломатического перемирия», достигнутого сторонами в 2008 г. и заключавшегося в отказе от соперничества за дипломатическое признание со стороны других стран, Пекин установил дипломатические отношения с Сан-Томе и Принсипи (декабрь 2016 г.) и Панамой (июнь 2017 г.), что сократило число тайваньских дипломатических партнеров до 20 государств. Тайваню также было отказано в участии во Всемирной ассамблее здравоохранения и Ассамблее Международной ассоциации гражданской авиации.

В условиях осложнения китайско-тайваньских отношений перспективы тайваньской политики нового президента США – Д. Трампа – остаются неясными. Первые инициативы Д. Трампа продемонстрировали его полное непонимание основ и специфики американской политики «одного Китая», а также затруднили планы Тайбэя по расширению его участия в региональных интеграционных процессах. Так, в начале декабря 2016 г., в нарушение негласного запрета не иметь прямых контактов с тайваньским руководством Д. Трамп имел телефонный разговор с президентом Тайваня Цай Инвэнь. Данные Трампом впоследствии разъяснения его решения ответить на звонок президента Тайваня вызвали серьезную оза-

боченность в Тайбэе, поскольку могли трактоваться как свидетельствующие о готовности Трампа использовать Тайвань в качестве разменной монеты в переговорах с КНР по торговым вопросам или северокорейской проблеме.

В конце июня 2017 г. стало известно о планах администрации Д. Трампа продать Тайваню вооружения на сумму 1,42 млрд долл. – весьма необычное намерение, учитывающее небольшой объем поставки при потенциально высоком риске осложнить отношения с Китаем.

Серьезным ударом по планам Тайваня стал выход США из Транстихоокеанского партнерства (ТТП), на присоединение к которому Тайбэй возлагал большие надежды. Участие Тайваня в таком масштабном интеграционном проекте позволило бы избежать экономической маргинализации и политической изоляции острова, повысить конкурентные позиции Тайваня в мировых экономических процессах, придать импульс экономическому росту, а также диверсифицировать внешнеэкономические связи Тайваня, снизив экономическую зависимость от Китая. Если же Китаю удастся успешно реализовать продвигаемую им идею региональной интеграции в Восточной Азии – Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство – экономическая маргинализация Тайваня на фоне ухудшения отношений с Пекином неизбежна.

Заключение

Американская политика «одного Китая», сформулированная в 1970-х гг. и призванная проложить путь нормализации и динамичному развитию американо-китайских отношений при сохранении разноплановых неофициальных контактов США с Тайванем, не утратила своей релевантности и в современных условиях. Базирующаяся

на противоречащих друг другу по духу трех совместных американо-китайских коммюнике и Законе об отношениях с Тайванем, эта политика ввиду своей двойственности позволяет сохранять деликатный баланс между развитием и углублением сотрудничества США со стремительно расширяющим свое участие в мировых делах Китаем и обеспечением безопасности верного партнера США, некогда военного союзника, а ныне успешного примера демократического транзита в Азии – Тайваня.

Особенностью американской политики «одного Китая» является то, что она призвана учитывать не только «коренные интересы» Китая, но и интересы населения Тайваня, в своем подавляющем большинстве не желающего объединения с недемократическим Китаем. Будучи заинтересованным в сохранении статус-кво в Тайваньском проливе как в полной мере отвечающем национальным интересам США, Вашингтон, с одной стороны, не поддерживает усилий Тайваня в направлении обретения независимости и даже неоднократно противодействовал им, а с другой стороны, по-прежнему оказывает помощь острову в обеспечении его обороноспособности на фоне усиления военной мощи Китая и в недопущении полной международной изоляции Тайваня в результате оказываемого Пекином давления на страны мира и международные организации.

На протяжении уже многих десятилетий США остаются единственным гарантом безопасности Тайваня и его автономного от Пекина существования. Все американские администрации, независимо от их политических приоритетов, подходов к развитию отношений с Китаем, международного контекста, в котором они действовали, неизменно сохраняли приверженность задаче обеспечения безопасности Тайваня, хотя и вносили свои нюансы в

тайваньскую политику. Представляется, что Вашингтон будет продолжать и впредь руководствоваться этой базовой установкой, невзирая на давление со стороны Пекина.

Список литературы

Волошина А.В. (2016). Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях. *Проблемы Дальнего Востока*, (6). 80–93.

Давыдов А.С. (2010). «Китайская головоломка» администрации Б. Обамы. *Азия и Африка сегодня*, (4). 2–8.

Зиновьев Г.В. (2010). *Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991)*. СПб.: Издат-во СПбГУ. 328.

Клименко А.Ф., Каменнов П.Б. (2017). Военная политика КНР и ее роль в увеличении комплексной мощи государства. *Проблемы Дальнего Востока*, (2). 69–85.

Ларин А.Г. (2006). Тайвань в 2005 г. *Проблемы Дальнего Востока*, (3). 86–91.

Ларин А.Г. (2014). Новый облик отношений между берегами Тайваньского пролива. *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. Москва: Изд-во «Форум». 310–322.

Ли Гуаньцюнь. (2013). Роль тайваньской проблемы в морской политике КНР. *Международные отношения*, (4). 469–509.

Малявин В., Чэнь Цзявэй (2012). Демократическая прогрессивная партия и особенности политического строя на Тайване. *Проблемы Дальнего Востока*, (6). 118–129.

Поляков В. (2006). История и ход конституционной реформы на Тайване. *Проблемы Дальнего Востока*, (6). 25–35.

Тимофеев О.А. (2016). Китайско-американские отношения. Виноградов А.В. (ред.) *История Китая с древней-*

ших времен до начала XXI в. Москва: Наука. 605–611.

Труш С.М. (2017). Отношения КНР и США на рубеже Обама – Трамп: политические и военно-политические аспекты. *США и Канада: экономика, политика, культура*, (3). 48–67.

Чудодеев Ю. (2008). Китай: проблема мирного воссоединения Тайваня. *Азия и Африка сегодня*, (12). 21–25.

References

Chudodeev Yu. (2008). China: the issue of peaceful unification with Taiwan. *Aziya i Afrika segodnya*, (12). 21–25.

Davydov A.S. (2010). The «Chinese puzzle» of the B. Obama administration. *Aziya i Afrika segodnya*, (4). 2–8.

Klimenko A.F., Kamennov P.B. (2017). The military policy of the PRC and its role in the enhancement of the comprehensive national power. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (2). 69–85.

Larin A.G. (2006). Taiwan in 2005 г. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (3). 86–91.

Larin A.G. (2014). A new look of the relations between the two sides of the Tai-

wan Strait. *People's Republic of China: politics, economics, culture*. Moskva: Izd-vo «Forum». 310–322.

Li Guanqun. (2013). *The role of the Taiwan issue in the PRC's maritime policy*. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, (4). 469–509.

Malyavin V., Chen' Tsyavey (2012). The Democratic Progressive Party and the specifics of political system in Taiwan. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (6). 118–129.

Polyakov V. (2006). History and the process of the constitutional reform in Taiwan. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (6). 25–35.

Timofeev O.A. (2016). China-US relations. Vinogradov A.V. (eds.) *China's history since ancient times till the beginning of the 21st century*. Moskva: Nauka. 605–611.

Trush S.M. (2017). USA – China Relations at the Milestone Between Obama and Trump: Political and Military-Political Dimension. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 3. 48–67.

Voloshina A.V. (2016). The Taiwan Issue in Contemporary Sino-American Relations. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (6). 80–93.

Zinov'ev G.V. (2010). *China and superpowers. A History of China's foreign policy (1949–1991)*. SPb.: Izdat-vo SPbGU. 328.

Информация об авторе

Яна Валерьевна Лексютина, доктор политических наук, доцент, кафедра Американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9

lexyana@ya.ru

ORCID: 0000-0001-6766-1792

About the Author

Yana V. Leksyutina, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Saint-Petersburg State University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russian Federation, 199034

lexyana@ya.ru

ORCID: 0000-0001-6766-1792

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-116-134

Андрей Владимирович ГУБИН

Дальневосточный федеральный университет

Суханова ул., 8, Владивосток, Приморский край, 690000, Российская Федерация

andrey.gubin@mail.ru

Станет ли Южно-Китайское море китайским *mare nostrum*? Военно-стратегический и внешнеполитический аспект территориальных претензий Китая в Южно-Китайском море

АННОТАЦИЯ. Южно-Китайское море постепенно становится ареной столкновения глобального гегемона – США и растущего Китая. Пекин заинтересован в контроле над данным районом для обеспечения собственной безопасности, тогда как Вашингтон намерен укрепить собственное влияние, в том числе для сдерживания китайского экспансионизма. Обе стороны по-своему трактуют международное право и повышают военную активность в ЮКМ, что может быть чревато серьезным конфликтом. Между тем два центра силы находятся сегодня скорее в состоянии комплексной взаимозависимости, чем глобальной конфронтации. Новое прочтение противоречия придаёт «мессианская» стратегия Китая «Один пояс – один путь», опирающаяся во многом на контроль над морскими пространствами. Южно-Китайское море ста-

новится жизненно важным для КНР, так как через него осуществляются ключевые коммуникации с внешним миром. Насколько Пекин преусеет в том, чтобы сделать ЮКМ *mare nostrum*, настолько устойчивой будет политическая система страны. Вашингтону, в свою очередь, выгодно поддержание нестабильности в данном районе для недопущения китаизации Восточной Азии. Кроме того, в случае ухудшения двусторонних отношений Америка должна быть в состоянии реализовать стратегию «геоэкономического удушения» для устранения соперника. Государства ЮВА не склонны напрямую участвовать в «большой игре» и выбирают союзника скорее *ad hoc* исходя из принципа выгоды, сформировать какого-либо антикитайского противовеса они не в состоянии. Попытка разрешить спорную ситуацию с помощью судебного разбирательства

фактически провалилась, так как Китай не только не признаёт решения, но и продолжает экспансионистскую политику. Единственным положительным моментом следует признать формирование более продуктивных переговорных позиций стран региона с Китаем – политические разногласия могут быть урегулированы инвестициями и преференциями. Данный инструмент «умной силы» может постепенно склонить чашу весов в пользу Пекина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, США, Южно-Китайское море, Юго-Восточная Азия, безопасность*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Губин А.В. (2017). Станет ли Южно-Китайское море китайским *mare nostrum*? Военно-стратегический и внешнеполитический аспект территориальных претензий Китая в Южно-Китайском море. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 116-134. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-116-134

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-116-134

Andrey V. GUBIN

Far Eastern Federal University

8, ul. Sukhanova, Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation, 690000

andrey.gubin@mail.ru

Will the South-Chinese Sea Become the Chinese Mare Nostrum? Military Strategic and Foreign Policy Aspect of the Territorial Claims of China in the South-Chinese Sea

ABSTRACT. *South-China Sea has been gradually becoming a place of collision of the USA as an acting global hegemon and growing China. Beijing is strongly interested in controlling this area for the purposes of national security as Washington intends to enhance its influence and containing Chinese expansionism. Both parties freely manipulate with the International law and simultaneously raise military activity within the South-Easat Asia that can cause a serious conflict. Nevertheless, two contemporary centers of power likely to sustain com-*

plex interdependence relationship than start a global confrontation. Brand new vision of coercion is inspired by messian Belt and Road Initiative backing mostly on sealanes control. South-China Sea has been becoming vitally important for China as it is a hub of international communications. The better Beijing controls mare nostrum the more stable its political system is. Respectively, Washington benefits from unstability in SCS for preventing sinization of the entire East Asia. Moreover, in the case of deteriorating bilateral ties America should be

ready for implementation “geo-economic stranglehold” strategy aimed to destroy the rival. South-East Asian nations do not tend to participate in the Great Game directly and choose ad hoc ally strategy as they are totally unable to form an Anti-China coalition. An attempt to resolve the dispute on the principle of international law factually failed – China doesn’t acknowledge Tribunal decision and recommendations but continues expansionist policy as well. The only positive moment can be found in introducing new negotiation positions among pretending ASEAN members – all the tensions are to be mitigated by investments and privileges. This “smart power” instrument is able gradually to bring China a victory.

KEYWORDS: *China, the USA, South-China Sea, South-East Asia, security*

FOR CITATION: Gubin A.V. (2017). Will the South-Chinese sea become the Chinese mare nostrum? Military-strategic and foreign policy aspects of the territorial claims of China in the South-Chinese Sea. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 116-134. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-116-134

Причины нарастания конфликтного потенциала

В настоящее время политические и экономические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе сосредоточены вокруг американско-китайских отношений. При этом, несмотря на по-

пулярный в экспертной среде тезис об антагонизме между Пекином и Вашингтоном, связи между ними носят, скорее, характер комплексной взаимозависимости. Иными словами, ситуация глобальной биполярности сегодня вряд ли возможна в силу отсутствия равного США и их союзникам по комплексной мощи антагониста с иной идеологией.

Согласно неомарксистским воззрениям американского социолога и философа Иммануила Валлерстайна, Китай не в состоянии возглавить мировой пролетариат, поскольку ставит во главу угла собственный экономический рост и формирование среднего класса¹. В связи с этим Пекин имеет больше общего с Вашингтоном, чем его европейские союзники по НАТО.

Тем не менее формирование предлагавшейся Збигневом Бжезинским «Большой двойки» в качестве глобального дуумвирата сегодня также невозможно ввиду различных ценностных установок двух государств и наличия геополитических противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе².

Существуют и другие мнения относительно системообразующего характера внешней политики Китая в АТР, допускающие, что к нарушению сложившегося статус-кво меньше всего стремится Китай³. Регион не находится на грани катастрофы, а баланс сил достаточно устойчив, поскольку представляет собой, скорее, одностороннее подавляющее превосходство США над потенциальными соперниками.

1 Wallerstein I. How to think about China. *Commentary* 273. January 15, 2010. URL: <https://www.iwallerstein.com/how-to-think-about-china/> (Accessed: 01.08.2017); Wallerstein I. China and the United States: partners? *Commentary* 441. January 15, 2017. URL: <https://www.iwallerstein.com/china-and-the-united-states-partners/> (Accessed: 01.08.2017); Wallerstein I. China and the World System since 1945. Lecture at Yale University. November 18, 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uQV0w11wVO8> (Accessed: 01.08.2017).

2 Brzezinski Z. The Group of Two that could change the World. *Financial Times*. January 14 2009. URL: <https://www.ft.com/content/d99369b8-e178-11d0-afa0-0000779fd2ac> (Accessed: 01.08.2017)

3 Бабонес С. Азиатско-Тихоокеанский регион стабильнее, чем принято считать. *Российский Совет по международным делам: официальный сайт*. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5496&active_id_11=68#top (Дата обращения: 15.08.2017)

В настоящее время Китай – вторая экономическая и, вероятно, третья военная держава в мире реализует масштабный проект «Пояс и Путь», или «Один пояс – один путь», который фактически состоит из сухопутного и морского компонентов. Глобальный проект имеет задачи как консолидации страны, так и укрепления её геополитических и геоэкономических позиций⁴. Если сухопутная инициатива по созданию единого евразийского экономического пространства коррелируется с аналогичными идеями России, Монголии, Ирана, Индии, Республики Корея и центральноазиатских государств, то Морской Шёлковый путь XXI века представляет собой уникальную программу. Около 90% внешней торговли Китая осуществляется водным транспортом, в том числе значительное количество нефти и сжиженного природного газа поступает в страну по морю. От качества внешнеторговых операций зависят темпы роста национальной экономики, которые напрямую определяют внутриполитический климат в КНР.

В этой связи для современного Китая жизненно важное значение приобретает Южно-Китайское море, так как именно через него проходит основной товарообмен Китая с остальным миром. Китай знаком с западными геополитическими концепциями и всерьез опасается осуществления США и их союзниками военно-морской блокады с целью ослабления экономического и политического потенциалов Поднебесной⁵. Можно сказать, что для Пекина важно не столько установление фактического суверенитета над определёнными территориями и аквато-

риями в Южно-Китайском море и не восстановление исторической справедливости, а скорее обеспечение безопасности транспортных коммуникаций как системообразующего фактора экономического роста и политической стабильности страны (Комиссина, 2017, с. 60–81).

В начале 2014 г. в обращении к делегатам ВСНП от НОАК Си Цзиньпин отметил необходимость усилий по скорейшей модернизации вооружённых сил и улучшению их потенциала по достижению победы в возможной войне, так как Китай в любое время и при любых обстоятельствах должен быть в состоянии отстоять свои законные национальные интересы (Jian Zhang, 2015, p. 5–19). Подобный беспрецедентный упор на национальные интересы также имеет смысл для внутренней политики, поскольку, если Пекин отступит от своих притязаний в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, то среди населения может начать нарастать критика в адрес Коммунистической партии.

Бесспорно, подобная расстановка акцентов беспокоит США, которые не готовы уступить центральное место в восточноазиатском комплексе региональной безопасности Китаю. В этой связи Южно-Китайское море быстрыми темпами становится ареной американо-китайского противостояния. Данный район фактически соединяет Африканский рог с Японским морем, потому контроль над ним дает доступ ко всему «римланду» Восточного полушария (Kaplan, 2014, p. 14). Несмотря на отсутствие у США прямых интересов, Вашингтон неоднократно выражал намерение твердо защищать пози-

4 Yale W. China's Maritime Silk Road Gamble. *The Diplomat*. April 22, 2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/04/chinas-maritime-silk-road-gamble/> Accessed: 01.08.2017)

5 Mirski S. Stranglehold: The Context, Conduct and Consequences of an American Naval Blockade of China. *Journal of Strategic Studies*. February 12, 2013. URL: <http://carnegieendowment.org/2013/02/12/stranglehold-context-conduct-and-consequences-of-american-naval-blockade-of-china-pub-51135> (Accessed: 01.08.2017)

ции стран АСЕАН в «морских дебатах» с КНР (Valencia, 2012, p. 56–73). Как представляется, американцам крайне выгодно если не реальный противовес Китаю в регионе, то, по крайней мере, поддержание беспокойной атмосферы⁶.

Если оттолкнуться от определения, предложенного Жан-Марком Бланшаром, то ситуация в Южно-Китайском море весьма характерна для так называемых «подростковых государств». Такие государства отличают быстрые темпы роста, размытая идентичность и недостаточно зрелое политическое поведение с явным «максималистским» стремлением к расширению сферы влияния и повышению статуса (Blanchard, 2003, p. 424–457).

Несмотря на рост напряжённости в Южно-Китайском море, вероятность крупного военного конфликта крайне невысока. Вашингтон неоднократно заявлял о своей неготовности вмешиваться в ситуацию военным путём (Banlaoi, 2013). Роберт Каплан предполагает, что в районе Южно-Китайского моря сложилась ситуация «военной многополярности», когда ни один из игроков не располагает подавляющей силой для установления полного контроля. При этом государства, претендующие на влияние, не готовы проводить сухопутные операции, которые могут привести к значительным жертвам, а будут опираться на «механовскую» концепцию «морской мощи», которая не предусматривает прямых масштабных столкновений (Kaplan, 2014, p. 15–17).

Если Китай собирается использовать военную силу для защиты своих территориальных претензий в Южно-

Китайском море, его потенциал будет превосходить потенциалы региональных государств. Однако, как представляется, Пекину интересен АСЕАН как экономический союзник, а не военный противник, поэтому Китаю придётся превозмочь «подростковое» поведение. Более того, действия КНР вполне укладываются в логику «регионального гегемона», который в условиях анархичности международной системы склонен максимизировать долю могущества (Mearsheimer, 2001, p. 2, 168). Помимо переговоров с США и странами АСЕАН, интенсификации экономических связей Пекин будет делать ставку на строительство океанского флота, совершенствование ракет и самолетов, развертывание новых видов оружия.

Однажды президент Филиппин Бенigno Акино в достаточно эмоциональных выражениях сравнил современную китайскую позицию в конфликте в Южно-Китайском море с притязаниями Гитлера на часть чешской территории в 1938 г.⁷ Вообще государства ЮВА, которые также больше походят на «подростковые», ведут себя достаточно активно, особенно при поддержке ВМС США, однако экономические выгоды от сотрудничества с Китаем могут сдерживать часть из них и побудить пойти на уступки. Формирование единого «антикитайского фронта» в ЮВА – достаточно сомнительная перспектива. Тем более что нынешний филиппинский лидер Родриго Дутерте открыто выражает готовность к углублению сотрудничества с Китаем, всячески критикуя и предыдущую, и нынешнюю американские администрации.

6 Канаев В. АСЕАН и кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море. *Российский совет по международным делам: официальный сайт*. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1240#top (Дата обращения: 15.08.2017)

7 Bradsher K. Philippine Leader Sounds Alarm on China. *The New York Times*, February 5, 2014. URL: http://www.nytimes.com/2014/02/06/world/asia/philippines.html?ref=asia&_r=0 (Accessed: 15.08.2017)

Ситуация усугубляется также появлением нового потенциального «регионального гегемона» – Австралии. Профессор Хью Уайт уверен, что Канберра заинтересована в сохранении status quo – развитии торгово-экономических связей с Китаем и упрочении американского военно-политического присутствия. Однако в условиях неуклонного роста китайского военного потенциала и его ориентации на Юг, а также усиления экономического потенциала Пекина США могут утратить роль «гаранта стабильности». Поэтому Австралии необходимо будет усиливать военную составляющую и увеличивать удельный вес в политике и экономике ЮВА (White, 2010).

Военно-морские амбиции КНР

Из закрытой континентальной державы Китай превратился в страну с крупнейшей экономикой мира. Его стремление обеспечить безопасность своим морским путям и энергетическим артериям неминуемо приведет к конфликтам с Индией, США и Японией. Вопрос только в интенсивности и характере выражения противоречий (Воскресенский, 2010, с. 22). Именно поэтому Пекин сконцентрирован на создании «флота открытого моря», способного защитить как морские коммуникации, так и интересы государства за пределами прибрежной акватории. Тем более это вполне отвечает масштабной стратегии «Один пояс – один путь», предусматривающей защиту китайских интересов на всём пространстве «Большой Евразии».

С целью защиты национальных ин-

тересов КНР стремится к созданию собственного «флота открытого моря» – ВМС, способных вести боевые действия в океане. Совершенствуя потенциал военно-морских сил НОАК, Пекин делает ставку на асимметричную стратегию ограничения доступа к определенным территориям (anti-access/area denial)⁸. Китай разрабатывает многоцелевые подводные лодки, противокорабельные баллистические ракеты, создает многофункциональные системы боевого управления на принципе C4ISR⁹, а также крылатые ракеты воздушного, морского и берегового базирования и корабельные средства ПВО и ПРО. Уровень агрессии в отношениях Тайваня и материка снижается, также смещаются и акценты тихоокеанской стратегии США, поэтому в военно-морской сфере у Пекина появляются другие приоритеты (O'Pourke, 2013, p. 8).

Согласно данным Министерства обороны США, факторы, которые определяют направления развития флота для Китая, следующие:

- территориальные притязания в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и потенциальные конфликты с государствами-конкурентами (Dolven, Kan, Manyin, 2014);
- предотвращение военной активности иностранных государств в пределах китайской 200-мильной зоны (Dolven, Kan, Manyin, 2014);
- защита транспортных артерий, по которым осуществляется экспорт энергоресурсов из бассейна Персидского залива;
- возможная защита интересов и в случае необходимости эвакуация

⁸ Данный военно-политический термин также может иметь значение «изоляция потенциального театра военных действий».

⁹ C4ISR – Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance.

граждан Китая, пребывающих за рубежом;

- минимизация американского влияния в Тихом океане.

В рядах военно-политического руководства Китая определенную популярность завоевала концепция 角色转型 «цзюэсе чжуансинь» (трансформации политических ролей), согласно которой статус государства как на региональной, так и на глобальной аренах может измениться по двум причинам. Первая – это неудовлетворённость государства своей ролью в сообществе, отведённой другими его членами. Вторая – несоответствие внешних или внутренних факторов реальному положению государства. В обоих случаях статус страны может быть изменен с помощью определенных методов, в том числе и военного характера (Гурулева, Макаров, 2011, с. 77–90).

В нынешней ситуации усиления мирового кризиса военный флот имеет особую важность с точки зрения обеспечения военной и экономической безопасности, так как защищает коммерческое судоходство, зоны рыбной ловли и добычи природных ресурсов, ведущихся в интересах Китая в любой точке мирового океана. Поэтому тезис о соответствии потенциала военноморского флота совокупной мощи Китая в целях повышения международного авторитета имеет особое значение¹⁰.

В «Белой книге» Правительства КНР, опубликованной в 2015 г., делается акцент на переходе от защиты преимущественно прибрежных территорий к комплексному обеспечению безопас-

ности не только прибрежных зон, но и в открытом море, а также подчеркивается отказ от традиционных представлений о приоритетной важности сухопутных пространств¹¹. Предположительно знаковым с точки зрения развития сил и средств флота, стратегии и тактики их применения можно будет считать 2021 год, когда Коммунистическая партия Китая отметит 100-летний юбилей со дня своего основания.

Деятельность китайских ВМС будет вовлекать в сферу своего доминирования США, а, потом, вероятно, и Дальний Восток России. В первую очередь Китай стремится получить военноморское господство в «ближней зоне», к которой можно отнести Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря (на острове Хайнань строится база подводных лодок КНР). В рамках второго этапа к 2020 г. планируется получить возможность противодействия ВМС США в так называемой «средней зоне», то есть в Охотском, Японском морях, а также на пространствах до Каролинских и Марианских островов. Третий этап после 2020 г. должен дать возможность Китаю противостоять флоту США в «дальней зоне» – до Гавайских островов¹².

Вместе с тем необходимо учитывать, что Южно-Китайское море находится в зоне действия наиболее мощного из трёх флотов – Южного флота ВМС НОАК. Потенциальный театр военных действий не слишком удалён от континентальной территории, а крупная военно-морская база на острове Хайнань представляет собой удобный плацдарм для размещения передовых

10 Мануков С. Стремление к господству. *Эксперт*. 23. 01. 2014 г. URL: <http://expert.ru/2014/01/23/stremlenie-k-gospodstvu/> (Дата обращения: 01.08.2017)

11 См.: Чем вооружён флот Китая. *TASS*. 23.09.2016. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3612195> (Дата обращения: 01.08.2017)

12 Арбатов А. Азиатско-тихоокеанская стратегическая панорама стремительно меняется. *Независимое военное обозрение*. 21. 02. 2014. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2014-02-21/1_asia.html (Дата обращения: 01.08.2017)

сил. В состав Южного флота также входит корпус морской пехоты (две бригады по 6 тыс. человек и третья формируется на основе 77-й механизированной дивизии), около 28 000 человек могут быть дополнительно мобилизованы в случае необходимости.

Основу флота составят современные эскадренные миноносцы, оснащенные многофункциональной системой управления оружия (МСУО) по образцу американской системы «Иджис». Эти корабли уже включаются в состав ВМС и способны выполнять весь спектр задач – от поражения воздушных и надводных целей до осуществления функции корабля управления в рамках ударных групп, однако их приоритетная задача – дальняя ПВО¹³. В настоящее время на верфях создаются еще восемь кораблей усовершенствованного проекта 052D, которые будут иметь усиленные возможности ПВО и унифицированные ракетные установки, которые позволят применять крылатые ракеты класса «корабль-берег». Новый эсминец проекта 55, планируемый к постройке к 2020 г., будет еще более совершенным с технической точки зрения¹⁴. Высокой боеспособностью обладают корабли российской постройки проектов 956Э и 956ЭМ¹⁵. Главная задача данных судов – уничтожение крупных надводных кораблей противника. При этом их сверхзвуковые ПКР российской разработки при залповом пуске крайне затруднительно перехватить даже с помощью американской системы «Иджис».

ВМС НОАК пока обладают недостаточным количеством кораблей противолодочных сил для выполнения операций сразу в нескольких районах, что удастся исправить к 2021 г., когда в строю будет по 30 кораблей классов «фрегат» и «корвет» новых типов. Однако для акватории ЮКМ таких кораблей, оснащенных современным ракетным оружием, позволяющим обеспечивать противоздушную, противокорабельную и противолодочную оборону, а при необходимости и наносить удары по береговым объектам крылатыми ракетами, уже сейчас более чем достаточно.

Вокруг подплава ВМС НОАК сохраняется максимальная завеса тайны, особенно это касается его атомной составляющей. Современные оценки говорят о двух лодках, постоянно находящихся на боевом патрулировании. К 2020 г. число подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) в составе ВМС НОАК, по американским данным, может быть доведено до восьми¹⁶. Также, по некоторым сведениям, в Китае разрабатывается ПЛАРБ нового поколения проекта 096 с 16 ракетами, первая из которых может вступить в строй в 2020 г.¹⁷ Морской компонент стратегических ядерных вооружений должен стать ключевым элементом стратегии «передовых океанских рубежей обороны» (Фененко, 2013, с. 403–405).

Интересно, что в качестве аргумента в пользу необходимости контроля Китаем так называемой первой цепи островов – Тайвань, Сенкаку и Спрат-

13 Китай совершил технологический рывок. *Военный паритет*. 22. 07. 2011. URL: http://www.militaryparitet.com/perevodnie/data/ic_perevodnie/1636/ (Дата обращения: 01.08.2017)

14 Luyang-class multirole destroyer. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/china/luyang.htm> (Accessed: 18.08.2017)

15 См.: Энциклопедия кораблей URL: <http://ship.bsu.by/ship/102832> (Дата обращения: 01.08.2017)

16 Type 094 Jin-class. URL: http://www.globalsecurity.org/wmd/world/china/type_94.htm (Accessed: 18.08.2017)

17 Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. U.S. Department of Defense. 2014. P. 36. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2014_DoD_China_Report.pdf (Accessed: 18.08.2017)

ли – эксперты часто называют цели стратегического сдерживания США. Южно-Китайское море имеет среднюю глубину в 1024 м, что делает его привлекательным для патрулирования подводными лодками и их скрытного выхода в Тихий и Индийский океаны. Восточно-Китайское море не так привлекательно, так как его средняя глубина достигает лишь 309 м, а навигационные условия отличаются повышенной сложностью. По мнению профессора Университета Кейо Юичи Хосоя, в настоящее время Китай не обладает достаточными возможностями для нанесения ответного ядерного удара по США, потому наиболее вероятные стратегии выживания для него – нанести удар первым (что противоречит его политическим заявлениям), либо обеспечить максимальную скрытность наземных и морских стратегических вооружений¹⁸.

Многоцелевые атомные подводные лодки предназначены для уничтожения вражеских ПЛАРБ, атаки авианосных ударных групп и соединений кораблей противника, а также для нанесения ударов по наземным целям. В 2010 г. число новых АПЛ составляло до четырех единиц, однако неизвестен уровень технической готовности кораблей. Согласно оценке Министерства обороны США, в настоящее время боевое дежурство несут две лодки, а к 2020 г. их численность планируют довести до шести. При этом, вероятно начиная с третьего корабля, АПЛ строятся по усовершенствованному проекту 095 и могут оснащаться ударным оружием¹⁹. Возможно, в ближайшее время на вооружение бу-

дет поставлена первая из пяти МнАПЛ пр. 095 с установками вертикального пуска для крылатых ракет.

По данным доклада Конгрессу США по военному строительству и деятельности в сфере безопасности КНР 2014 г., Китай намерен развивать морской компонент ядерного сдерживания для формирования полноценной ядерной диады²⁰. Вместе с тем нет достоверных данных о тактическом ядерном оружии китайского флота в виде ядерных боевых частей крылатых ракет и торпед, в том числе боеприпасов морской авиации.

КНР уделяет большое внимание дизельным подводным лодкам, способным эффективно действовать в прибрежных водах. Согласно имеющимся данным, в составе ВМС НОАК находится до 56 ДПЛ (O'Pourke, 2013, p. 13). К 2020 г. должно быть развернуто порядка 78 лодок, в основном новых типов (Kaplan, 2014, p. 14). В строй вступила и первая лодка проекта 032, вооружённая крылатыми ракетами в установках вертикального пуска, которая является самой крупной неатомной ПЛ в мире.

Растут и возможности ВМС по доставке и высадке десанта. В 2008 г. состоялся ввод в строй десантно-высадочного корабля-дока (ДВКД) проекта 071. Сегодня таких кораблей в ВМС НОАК уже четыре (Saunders, 2012, p. 166–167). В июне 2013 г. на Украине были закуплены четыре больших десантных катера на воздушной подушке²¹. Планирующееся строительство универсального десантного корабля проекта 081, который можно сравнить

18 «Японская стратегия безопасности в Северо-Восточной Азии». Выступление Юичи Хосоя на «круглом столе» в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 15.03.2017.

19 Shang-class. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/china/type-95.htm> (Accessed: 18.08.2017)

20 Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. U.S. Department of Defense. 2014. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2014_DoD_China_Report.pdf htm (Accessed: 18.08.2017)

21 Chan Minnie. Experts dismiss PLA Navy's landing craft from Ukraine as giant toys. *South China Morning Post*. June 25, 2013.

с американским кораблем типа «Уосп», также подтверждает стремление высшего руководства КНР усилить амфибийную составляющую китайских ВМС. Первый корабль войдет в состав ВМС НОАК уже через пять лет, потребность оценивается в 4 единицы²². Иными словами, сегодня ВМС КНР может достаточно эффективно использовать потенциал бригад морской пехоты и высаживать десант на неподготовленное побережье.

25 сентября 2012 г. в состав флота вошёл авианесущий крейсер «Ляонин», бывший «Варяг», который приписан к порту ВБМ Циндао²³. Корабль может нести на борту до 36 летательных аппаратов, однако в настоящее время он не является полноценной боевой единицей, а находится на ходовых испытаниях. Кроме того, на нем проходят подготовку военные летчики и отрабатывается взаимодействие сил флота и ВВС в рамках авианосной группировки²⁴. Согласно некоторым данным, высшее военное командование КНР решило остановиться на строительстве двух кораблей типов 001 и 002, имеющих разный дизайн. Согласно имеющейся информации, первый должен получить название «Шаньдун» и будет ближе к усовершенствованному «Варягу». Второй же, вероятно, будет построен по американскому образцу и будет располагать более мощной авиагруппой и паровыми катапультами (в перспективе электро-

магнитными). Его вступление в строй возможно в 2021–2024 гг., при этом потребности флота оцениваются в 4 единицы²⁵.

В последние годы Китай значительное внимание уделяет также вопросам материально-технического обеспечения боевых кораблей в океанских водах, активно создавая специализированные быстроходные транспорты и танкеры. В случае необходимости тылового обеспечения десантной операции к ней может быть привлечено и значительное количество ролкеров (судов для перевозки техники и ж.д. составов) и контейнеровозов торгового флота²⁶.

К «асимметричному ответу» также может относиться создание Китаем противокорабельных баллистических ракет наземного базирования. Несколько раз испытывалась ракета DF-21D с маневрирующей головной частью, которая способна поражать движущуюся надводную цель на расстоянии до 1500 км. Как полагают некоторые эксперты, подобные ракеты наряду с развитием электронных систем наведения, целеуказания и обнаружения могут представлять серьезную опасность для американского флота в западной части Тихого океана²⁷.

Современное развитие ВМС НОАК в целом соответствует доктрине создания флота для ведения действий в ближней океанической зоне. Можно

22 Parsons T. Chinese shipbuilder unveils possible Type 081 design. *Jane's Defence Weekly*. March 28, 2012; New Chinese ships causing alarm. *Taipei Times*. May 31, 2012.

23 China Carrier Permanent Base is Qingdao. *Associated Press*. February 27, 2013. URL: <http://www.sandiegouniontribune.com/sdut-reports-china-carrier-permanent-base-is-qingdao-2013feb26-story.html>. (Accessed: 18.08.2017)

24 China plans new generation carriers as sea disputes grow. *Bloomberg News*. April 24, 2013. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-04-24/china-plans-to-build-new-generation-of-bigger-aircraft-carriers>. (Accessed: 18.08.2017)

25 Китай начал строительство второго авианосца. *Российская газета*. 21.01. 2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/21/kitay-site-apons.html>. (Дата обращения: 15.08.2017)

26 Beckhusen R. China Now Using a Cruise Ship to haul Troops and Tanks. *Danger Room*. August 31, 2012. URL: <https://www.wired.com/2012/08/chinacruise/> (Accessed: 18.08.2017)

27 Erickson, Andrew S. Ballistic Trajectory – China develops new anti-ship missile. *Jane's Intelligence Review*. January 4 2010. URL: <http://www.andrewerickson.com/2010/01/ballistic-trajectory%E2%80%94china-develops-new-anti-ship-missile/> (Accessed: 18.08.2017)

утверждать, что задачи противодействия силам ВМС США пока носят второстепенный характер, делается акцент на сдерживание региональных конкурентов и постепенный выход в открытые воды. Рост технического уровня и численности состава флота пока не дает Китаю безусловного морского превосходства в регионе, однако неизменно угрожает ключевым государствам АТР (Барабанов, Кашин, Макиенко, 2013, с. 50–51).

Возможности государств Юго-Восточной Азии – потенциальных соперников Китая

Наиболее динамичным регионом с точки зрения военной активности государств является Юго-Восточная Азия. Рынок вооружений ЮВА весьма скромный – его ёмкость оценивается всего в 2–3 млрд долл. ежегодно. Однако он достаточно разнообразен в плане поставщиков в отличие от Северо-Восточной Азии, где успешно работают США, Россия, Великобритания, Франция, Швеция и Китай. Страны региона стремятся к ведению независимой торговой внешней политики, поэтому они активно диверсифицируют оружейные поставки, чтобы не зависеть от какого-то одного экспортера.

Согласно некоторым оценкам, ёмкость рынка вооружений стран Юго-Восточной Азии будет увеличиваться, так как экономики стран региона по-

степенно восстанавливаются, а правительства наращивают оборонные бюджеты. Например, после переворота 2006 г. тайская военная хунта увеличила военные расходы на 34% в 2007 г. и на 24% в 2008-м. Кроме того, утвержденный в ноябре 2007 г. десятилетний план развития вооруженных сил предусматривает выделение порядка 10 млрд долл. на программу модернизации с 2009 г., что в итоге увеличило долю этой статьи расходов в ВВП с 1,4 % до 2% к 2014 г.²⁸.

Другие государства региона показывают схожую динамику оборонных расходов, согласно данным СИПРИ. Так, военный бюджет Малайзии увеличился с 2000 по 2011 г. почти в два раза – с 1,7 до 3,26 млрд долл. соответственно, а в 2015 г. он составил 5,4 млрд долл., что на 10% выше уровня 2014 г.²⁹. Джакарта за это же время увеличила финансирование обороны втрое – с 2,2 до 6,8 млрд долл., без учета торговых кредитов. По состоянию на 2015 г. Индонезия выделила на нужды обороны 8,1% – рост по сравнению с 2014 г. составил беспрецедентные 14%³⁰. Сингапур, чьи военные расходы с 2000 по 2012 г. выросли с 4,6 до 9,7 млрд долл., не намерен на этом останавливаться и готов к приобретению высокотехнологичных боевых систем. В 2014 г. военные расходы государства превысили 12 млрд долл.³¹.

Логично сделать предположение, что наращивание военных возможностей стран ЮВА может привести к существенной дестабилизации в регионе. Одним из полей противостояния явля-

28 Bitzinger, Richard A., Rajaratnam S. Southeast Asian Military Modernization. School of International Studies, Singapore. February 2011. URL: http://www.eastwestcenter.org/fileadmin/resources/washington/images/events/Bitzinger_PowerPoint_EWCW_2-2-11.pdf (Accessed: 18.08.2017)

29 Malaysia increases 2015 defence budget by 10%. URL: <http://www.janes.com/article/44414/malaysia-increases-2015-defence-budget-by-10> (Accessed: 18.08.2017)

30 Indonesia increases defence budget 14%. URL: <http://www.janes.com/article/42069/indonesia-increases-defence-budget-14> (Accessed: 18.08.2017)

31 Данные СИПРИ. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_military_expenditures (Accessed: 18.08.2017)

ется так называемый «блок Амбалат» в Целебесском море, спорный между Индонезией и Малайзией, где напряженность постепенно будет возрастать, если стороны не уйдут от концепции военного противостояния. Ситуация осложняется малайско-индонезийской конкуренцией и растущим интересом к региону со стороны Индии. Таким образом, можно говорить, что напряженность в ЮВА растет, но полномасштабный внутрорегиональный вооруженный конфликт маловероятен – оборонительные потенциалы необходимы региональным игрокам, скорее, для взаимного сдерживания и сохранения собственной независимости от Вашингтона, Пекина или Дели.

Стоит отметить и то, что на процессы внутри АСЕАН накладывает отпечаток и усиление японо-китайского соперничества. Пекин и Токио нацелены на поиск новых партнеров и укрепление собственных позиций. Япония склонна поддерживать страны ЮВА относительно территориальных споров в Южно-Китайском море. Однако страны АСЕАН сегодня не готовы вовлекаться в противостояние, а тем более поступаться конкретными экономическими интересами (Крячкина, 2014, с. 136–151).

Если говорить о технической стороне вопроса, то китайскому океанскому флоту даже в его сегодняшнем виде ни одна из стран АСЕАН ничего противопоставить не может. Боевые корабли класса «фрегат», имеющиеся у Вьетнама Сингапура, Малайзии, Индонезии предназначены в основном для патрульных функций и весьма немногочисленны. Среди них можно выделить наиболее современные «невидимки» типа «Формидэбл» ВМС Сингапура (шесть) и вьетнамские «Гепарды» (два). Значительно более опасен «москитный флот» ракетных катеров, однако ввиду малой дальности дей-

ствия он привязан к достаточно уязвимым береговым базам.

Вьетнам уделяет значительное внимание подводному флоту, закупая в России современные лодки проекта 636 с широкой номенклатурой вооружений, включая сверхзвуковые ПКР. Такие субмарины (сейчас их шесть) потенциально весьма опасны, учитывая недостаточную развитость китайских противолодочных сил. Тем не менее говорить о реальности боестолкновений между ВМС СРВ и КНР в районе затруднительно – Пекин и Ханой сегодня склонны договариваться, в том числе используя посредничество Москвы.

Австралия намерена ввести уже в ближайшее время в состав флота ЭМ с МСУО «Иджис» типа «Хобарт», способные нести как противоракеты, так и крылатые ракеты. Канберра изучает и вопрос о закупке перспективных неатомных подводных лодок в Японии в случае отмены ею ограничений на экспорт военной продукции или одной из стран ЕС. Вообще деятельность австралийского флота в районе ЮКМ представляется для Китая крайне нежелательной, а ответные действия затрудняются статусом Канберры как союзника Вашингтона.

Ситуация в Южно-Китайском море после третейского разбирательства

В 2013 г. Филиппины инициировали процедуру международного арбитража в адрес Китая. Пекин уведомил Манилу о своём отказе участвовать в разбирательстве. В июле 2016 г. Постоянная палата третейского суда в Гааге приняла решение по предмету спора между Филиппинами и Китаем, которое, согласно ст. 296 Конвенции ООН по морскому праву, должно быть окончательным и обязательным к исполнению. Вместе

с тем Пекин не собирается следовать данному решению международной судебной инстанции и продолжает проводить активную политику в Южно-Китайском море для защиты собственных интересов³².

По мнению Джона Миршаймера, ситуация в ЮКМ напоминает принятие США в 1823 г. доктрины Монро. Тогда европейские государства отказались признать Американский континент зоной, закрытой для их вмешательства, однако практически ничего не смогли противопоставить распространению влияния США. Так и Китай как азиатская сверхдержава уже сегодня в состоянии исключить любое нежелательное вмешательство внерегиональных государств в стратегически важные для него районы (Scott, 2016, p. 302).

Решение Постоянной палаты третейского суда, по сути, касалось четырёх основных пунктов. **Во-первых**, КНР не может настаивать на принятии другими государствами так называемой 南海九段线 «девятипунктирной линии», представленной ещё правительством Гоминьдана в 1947 г. для определения зоны китайских интересов от материкового Китая и острова Хайнань до побережья Малайзии и Брунея почти на экваторе.

Во-вторых, суд постановил, что части отмели Скарборо, рифы Джонсон, Квартерон, Фиери-кросс и МакКеннан являются скалами, которые не могут использоваться для экономической деятельности или проживания людей, а также не являются частью континентального шельфа и не образуют точки отсчёта особой экономической зоны. Риф Мисчиф и вторая отмель То-

маса также не образуют морские зоны, так как являются приливными образованиями. Согласно ст. 121 (3) Конвенции ООН по морскому праву, Палата определила объекты Иту-аба, Титу и Уэст-Йорк в районе Парасельских островов как непригодные для жизни. Иными словами, включая крупнейший природный остров – Иту-аба – ни одна часть островов Спратли не может быть использована для отсчёта исключительной экономической зоны или континентального шельфа. Даже учитывая провозглашение КНР суверенитета над архипелагом, она может претендовать только на 12-мильную зону вокруг данных образований. В Гааге посчитали, что рифы Хьюз, Гавен, Суби и Мисчиф не только не образуют ИЭЗ, но и не могут быть заняты Китаем. Однако так как риф Мисчиф лежит за пределами 12-мильной зоны, было осуждено проведение Пекином на нём любой деятельности, не отвечающей интересам Манилы.

В-третьих, Палата выявила факты нарушения Китаем прав Филиппин на использование ИЭЗ, а также Международных правил предупреждения столкновения судов в море 1972 г.

В-четвёртых, в Гааге осудили проведение китайской стороной строительных работ на островах Спратли. Вместе с тем ввиду некоторых правовых особенностей фактически по пунктам 3 и 4 Китай должен только соблюдать МППСС-72, а также обеспечивать экологическую безопасность в спорном районе. По части 1 Китай должен уважать права Филиппин на освоение природных ресурсов в пределах их 200-мильной зоны, а также полу-

32 Permanent Court of Arbitration, Arbitration between the Republic of the Philippines and the People's Republic of China: Arbitral Tribunal Establishes Rules of Procedure and Initial Timetable. August 27, 2013. URL: <http://www.pcacases.com/web/sendAttach/227> (Accessed: 18.08.2017); Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines. December 7, 2014, URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1217147.shtml. (Accessed: 18.08.2017).

чить одобрение Манилы на проведение любой деятельности на рифе Мисчиф. Пункт 2 несколько противоречит сам себе, так как подразумевает одновременно возвращение в природное состояние семи островов и предписывает не проводить там никаких работ. В принципе Китай вполне может создавать искусственные острова либо закрыть часть акватории для экономического освоения на правах заповедника, в том числе обсудив с Филиппинами их конкретную выгоду³³.

По мнению доцента Института стратегических исследований и международных отношений Национального университета обороны (Тайвань) Юй Жуйлиня, в случае с Южно-Китайским морем Китай также предпочёл наступательную дипломатию разного рода компромиссным мерам³⁴. В июле 2016 г. ВМС НОАК провели учения, к которым в сентябре присоединилась и Россия в рамках программы «Морское взаимодействие – 2016». В январе 2017 г. в ЮКМ вошёл авианосец «Ляонин», с которого выполнялись полёты самолётов палубной авиации³⁵. Сигнал всем претендентам на острова и акватории был достаточно ясным – решения Постоянной палаты третейского суда, принятые в Гааге, в ней и останутся, а Южно-Китайское море, в свою очередь, останется китайским «задним двором».

Между тем некоторая политическая реакция на предписания международ-

ного судебного органа все же последовала. В августе 2016 г. президент китайского Национального института изучения Южно-Китайского моря У Шицунь встретился в Гонконге с бывшим президентом Филиппин Фиделем Рамосом для обсуждения вопросов совместного рыболовства и разведения марикультуры в районе отмели Скарборо. В сентябре 2016 г. Пекин и Манила пришли к соглашению о необходимости выработки кодекса поведения в вопросах предъявления прав и мирного решения споров в ЮКМ. Одновременно страны АСЕАН и КНР подписали совместное заявление, подтверждающее их общую приверженность следовать Кодексу о незапланированных встречах в море в регионе для обеспечения безопасности действий военных кораблей и самолётов³⁶.

В октябре 2016 г. новый президент Родриго Дутерте во время визита в Китай заявил о движении двух стран к мирному решению, предусматривающему свободу навигации и полётов, а также создание постоянного двустороннего механизма консультаций. Сразу после этого китайская сторона предоставила расширенные права филиппинским рыбакам на использование спорных вод. На сегодняшний момент остался один нерешённый вопрос – возможность использования китайцами рифа Мисчиф, притязания филиппинцев на который китайцами особенно не оспариваются.

33 Hsiao-Chi Hsu. Sino-Australia Relations after the South China Sea Arbitration. Paper for the Fifth Global International Studies Conference in Taipei, April 1-3, 2017. URL: https://www.conftool.com/wisc2017/index.php?page=browseSessions&form_session=91 (Accessed: 18.08.2017)

34 Yu Ruei-lin. The impact and influence to China by the South China Sea arbitration. Paper for the Fifth Global International Studies Conference in Taipei. April 1-3, 2017. URL: https://www.conftool.com/wisc2017/index.php?page=browseSessions&form_session=91 (Accessed: 18.08.2017)

35 China aircraft carrier conducts drill in S. China Sea. *Ministry of National Defense, PRC*, January 3, 2017. URL: http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2017-01/03/content_4769017.htm. (Accessed: 18.08.2017)

36 Huang K., Wong C. China-Philippines fishing deal may help calm troubled South China Sea waters. *South China Morning Post*. August 12, 2008. URL: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2003044/china-philippines-fishing-deal-may-help-calm-troubled> (Accessed: 18.08.2017)

Несмотря на то, до какого предела признает Пекин решения Постоянной палаты третейского суда, вероятно, это останется исключительно вопросом двусторонних филиппино-китайских отношений, другие претенденты останутся пока ни с чем. Учитывая курс Дутерте на сближение с КНР, Манила вполне может разрешить Пекину оставить возведённые сооружения на рифе Мисчиф в обмен на компенсацию. Более того, уже достигнуты договорённости о выделении Филиппинам финансирования в виде прямых инвестиций и льготных займов в общем размере до 24 млрд долл., а также создании в стране дополнительно 2 миллионов рабочих мест для местного населения. Во время визита в КНР Дутерте подписал также соглашения о расширении филиппино-китайского экономического сотрудничества, в частности в области финансов, туризма, высоких технологий, транспорта и инфраструктуры³⁷.

Ещё большие перспективы связаны с включением Филиппин в китайскую стратегию «Один пояс – один путь». В страну уже начали поступать первые китайские инвестиции из общей суммы в 7 млрд долл. на строительство двух ветвей железных дорог, дамбы и насосных ирригационных сооружений³⁸.

Представляется, что КНР не намерена в полной мере соблюдать решение Постоянной палаты третейского суда в Гааге. Достаточно чётко обозначилась тенденция интенсификации двусторонних переговоров с Манилой на экономическом базисе. Вместе с тем предстоит решить три главных вопроса –

вред окружающей среде от возведения искусственных сооружений; незаконное занятие рифа Мисчиф и возведение на нём объектов без официального разрешения филиппинской стороны. С учётом сохранения союзнических отношений между Манилой и Вашингтоном последний будет использовать данные нерешённые вопросы в своих интересах, прежде всего проводя операции по защите свободы навигации.

С 1995 г. Китай традиционно объявлял запрет на рыболовство в районах Южно-Китайского моря севернее 12 градуса с.ш. В этом году он продлил обычный период еще на месяц – с 1 мая по 16 августа. Данное решение немедленно было оспорено официальным Ханоем, представитель МИД СРВ Ле Хай Бинь заявил, что односторонние действия КНР серьезно нарушают вьетнамский суверенитет и идут вразрез с нормами международного права³⁹. При этом Манила не только воздержалась от протеста, но и объявила большую лагуну в районе отмели Скарборо морским заповедником, где запрещена любая хозяйственная деятельность.

С начала XXI века ВМС НОАК постоянно проводят маневры в Южно-Китайском море. В 2015 г. состоялось 6 масштабных учений, а в 2016 г. – уже 12. Главная цель – не столько «демонстрация мускулов», сколько доказательство эффективного контроля над данными районами, равно как и изучение потенциального театра военных действий. Так как решение Палаты не затрагивает права чьих-либо военных кораблей на свободный проход, то можно ожидать увеличения активности китайских моряков.

37 Salaverria L.B. Duterte defuses separation 'bomb': Ties with US remain. *Philippine Daily Inquirer*. October 23, 2016. URL: <http://globalnation.inquirer.net/147533/duterte-defuses-separation-bomb-ties-with-us-remain> (Accessed: 18.08.2017)

38 One Belt, One Road "friends circle" continues to grow. *Asia Times*, March 14, 2017. URL: <http://www.atimes.com/article/one-belt-one-road-friends-circle-continues-grow/> (Accessed: 18.08.2017)

39 Vietnam slams Chinese fishing ban in South China Sea. *Star Tribune*. February 28, 2017. URL: <http://www.startribune.com/vietnam-slams-chinese-fishing-ban-in-south-china-sea/415045394/> (Accessed: 18.08.2017)

До начала третейского разбирательства с декабря 2013-го до октября 2015 г. Китай создал около 3 200 акров (ок. 13 кв. км) искусственных земель на семи коралловых рифах архипелага Спратли. На каждом возведены позиции для батарей ЗРК и ПКР, на некоторых оборудованы ВПП для самолётов тактической авиации⁴⁰. Несмотря на то, что международный судебный орган считает все эти сооружения незаконными, китайское правительство вряд ли решится на их демонтаж. Главный аргумент для Пекина – угроза китайским интересам в ЮКМ со стороны Вашингтона.

Между тем США не намерены легко отказаться от своего доминирования в АТР и ЮВА в частности. В октябре 2016 г. они провели четвёртую демонстративную операцию по защите свободы навигации (FONOP) в Южно-Китайском море, а в феврале 2017 г. направили в данный район авианосец «Карл Винсон» для поддержки операций ВМС. Вашингтон категорически не согласен с притязаниями КНР на приливные образования и проведением на них насыпных работ.

Как предположила старший советник Центра стратегических исследований (CSIS) Бонни Глэйзер, ВМС США должны провести операцию по защите свободы навигации в пределах 12-мильной зоны вокруг рифа Мисчиф с использованием вертолётов и направлением на китайские объекты радаров. Это должно послужить демонстрацией того, что данный остров не является китайской собственностью (Glaser, 2016, p. 5). Американскую позицию поддержала и Япония, которая в мае 2017 г. направила в ЮКМ на три месяца свой

самый крупный военный корабль – эсминец-вертолётносец «Идзумо».

Американский эсминец «Стетем» 2 июля 2017 г. зашел в воды спорных территорий ЮКМ, что вызвало протест Пекина. Ранее, 18 мая 2017 г., в ходе совещания старших должностных лиц страны АСЕАН и Китай согласовали рамочный проект Кодекса поведения сторон в ЮКМ, который должен быть передан на утверждение министрам иностранных дел АСЕАН и Китая в августе 2017 г. И очевидно, что заход американского военного корабля в спорные воды является попыткой США сорвать договоренности стран Ассоциации и Китая.

Как отметил президент США Дональд Трамп в одной из своих июньских публикаций в Твиттере, Вашингтон не удовлетворен действиями Китая в деле урегулирования северо-корейской проблемы, считая их недостаточными. Вероятно, договоренности, которые были достигнуты между Си Цзиньпином и Д. Трампом в ходе визита китайского лидера в США, не оправдали ожиданий Вашингтона. И теперь Соединенные Штаты готовы сменить тактику в отношениях с Китаем и попытаться вынудить Пекин действовать в соответствии с американскими интересами. Интересно, что в июне 2017 г. американский Конгресс также одобрил новые поставки вооружений на Тайвань не в целях оказания острову помощи, а для усиления давления на Китай по северо-корейскому вопросу.

Эксперты полагают, что в ближайшее время военного конфликта между КНР и США в ЮКМ не случится. Во-первых, Китай не обладает военным потенциалом, который мог бы обеспечить однозначную победу. Во-вторых,

40 China's New Spratly Island Defenses. CSIS/AMTI. December 13, 2016. URL: <https://amti.csis.org/chinas-new-spratly-island-defenses/> (Accessed: 18.08.2017)

для Пекина сегодня более выгодно мирное развитие. В-третьих, КНР делает опору на так называемую «умную силу», которая оказывается более эффективной при разрешении конфликтных ситуаций в современном мире. Если предположить, что США будут и далее открыто оспаривать права Китая в ЮКМ, они рискуют проиграть информационное противоборство, так как многие страны ЮВА заинтересованы, скорее, в развитии отношений с КНР. Более того, действия США по так называемой защите свободы навигации Китаю будет легко представить как нарушение его суверенитета и интересов безопасности.

В настоящее время нельзя говорить об эскалации конфликта в ЮКМ, так как это не отвечает интересам ни одной из сторон. Подобные провокации происходят регулярно и нацелены на постоянное поддержание конфликтного потенциала, мешая урегулированию спора и оправдывая военное присутствие США в регионе⁴¹.

В целом, как уже было сказано выше, район Южно-Китайского моря представляет сегодня, скорее, арену американо-китайского противоборства. Некоторые страны АСЕАН действуют сообразно с линией Вашингтона, однако, например Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур и Таиланд, скорее, склонны договариваться с китайцами, предпочитая эфемерную выгоду от контроля необитаемых островов конкретной экономической выгоде. Ситуация осложняется и острой внутрорегиональной конкуренцией, которая, возможно, подпитывается Пекином, а также возрастаю-

щим интересом Австралии и Индии к Южно-Китайскому морю. Вместе с тем реальная эффективность современной внешней политики Китая всё же не так высока. Вопрос урегулирования территориальных споров с соседями Китая склонен решаться с позиции силы, проводя как наращивание возможностей НОАК, так и демонстрируя мощь походами и учениями. В отношениях с США ключевую роль для КНР играют минимальное ядерное сдерживание и комплексная взаимозависимость экономик.

Список литературы:

Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. (2013). *Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР*. М.: Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований. 272.

Воскресенский А.Д. (2010). *«Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации*. М.: МГИМО. 444.

Гурулева Т.Л., Макаров А.В. (2011). *Китай: многостороннее сотрудничество в системе безопасности Северо-Восточной Азии (Россия, США, РК, Япония, Монголия, КНДР)*. М.: Юрист. 335.

Комиссина И.Н. (2017). Морской Шёлковый путь XXI века – глобальный геополитический проект Китая. *Проблемы национальной стратегии*, (1). 60–81.

Крячкина Ю.А. Новые тенденции в оборонной политике Японии. *Проблемы национальной стратегии*, (5). 136–151.

Фененко А.В. (2013). *Современная международная безопасность: ядерный фактор*. М.: «Аспект Пресс». 573.

41 Зеленкова М.С. Заход американского эсминца в спорные воды: попытка надавить на Пекин? Российский институт стратегических исследований: официальный сайт. 03.07. 2017. URL: <https://riss.ru/analytics/41964/> (Дата обращения: 19.08.2017)

Banlaoi R.C. (2013). US-Philippines Alliance: Meeting 21st Century Security Challenges Baker C., Glosserman B. (eds). *Doing More and Expecting Less: The Future of US Alliances in the Asia Pacific*. 55–66. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/161906/IssuesInsights_vol13no1.pdf (Accessed: 15.08.2017)

Blanchard J.M. (2003). Maritime Issues in Asia: the problem of adolescence. Alagappa M. (ed.). *Asian Security Order: Instrumental and Normative Features*. Stanford: Stanford University Press. 424–457.

Dolven B., Kan Sh. A., Manyin M.T. (2014). Maritime Territorial Disputes in East Asia. *Congressional Research Service Report*, (R42930). 42. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42930.pdf> (Accessed: 15.08.2017)

Glaser B.S. (2016). *Seapower and Projection Forces in the South China Sea. Statement before the House Armed Services Subcommittee on Seapower and Projection Forces*. Center for Strategic and International Studies (CSIS). 7. URL: <http://docs.house.gov/meetings/AS/AS28/20160921/105309/HHRG-114-AS28-Wstate-GlaserB-20160921.pdf> (Accessed: 15.08.2017)

Jian Zhang. (2015). China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? *Global Change, Peace & Security*, 27 (1). 5–19. DOI: 10.1080/14781158.2015.993958.

Kaplan R. (2014). *Asia's Cauldron: the South China Sea and the end of a stable Pacific*. New York: Random House. 230.

Mearsheimer J. (2001). *The Tragedy of Great Powers Politics*. New York: W.W. Norton. 555.

O'Rourke R. (2017). Maritime Territorial and Exclusive Economic Zone (EEZ) Disputes Involving China. *Congressional Research Service Report*, (R42784). 94. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42784.pdf> (Accessed: 15.08.2017)

Scott Sh.V. (2016). China's nine-dash line, International Law and the

Monroe Doctrine analogy. *China Information*, 30 (3). 296–311. DOI: 10.1177/0920203x16665054

Valencia M.J. (2012). The South China Sea Disputes. *Global Asia*, (Fall). 56–73.

White H. (2010). Power Shift: Australia's Future between Washington and Beijing. *Quarterly Essay*, (39). 83.

References

Banlaoi R.C. (2013). US-Philippines Alliance: Meeting 21st Century Security Challenges Baker C., Glosserman B. (eds). *Doing More and Expecting Less: The Future of US Alliances in the Asia Pacific*. 55–66. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/161906/IssuesInsights_vol13no1.pdf (Accessed: 15.08.2017)

Barabanov M.S., Kashin V.B., Makienko K.V. (2013). *Defense industry and arms trade of the PRC*. Moskva: Tsentri analiza strategii i tekhnologii, Rossiiskii institut strategicheskikh issledovani. 272.

Blanchard J.M. (2003). Maritime Issues in Asia: the problem of adolescence. Alagappa M. (ed.). *Asian Security Order: Instrumental and Normative Features*. Stanford: Stanford University Press. 424–457.

Dolven B., Kan Sh. A., Manyin M.T. (2014). Maritime Territorial Disputes in East Asia. *Congressional Research Service Report*, (R42930). 42. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42930.pdf> (Accessed: 15.08.2017)

Fenenko A.V. (2013). *Modern international security: the nuclear factor*. Moskva: «Aspekt Press». 573.

Glaser B.S. (2016). *Seapower and Projection Forces in the South China Sea. Statement before the House Armed Services Subcommittee on Seapower and Projection Forces*. Center for Strategic and International Studies (CSIS). 7. URL: [133](http://docs.house.gov/meetings/AS/AS28/20160921/105309/HHRG-114-</p>
</div>
<div data-bbox=)

AS28-Wstate-GlaserB-20160921.pdf (Accessed: 15.08.2017)

Guruleva T.L., Makarov A.V. (2011). *China: multilateral cooperation in the security system of Northeast Asia (Russia, USA, RK, Japan, Mongolia, North Korea)*. Moskva: Yurist. 335.

Jian Zhang. (2015). China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? *Global Change, Peace & Security*, 27 (1). 5–19. DOI: 10.1080/14781158.2015.993958

Kaplan R. (2014). *Asia's Cauldron: the South China Sea and the end of a stable Pacific*. New York: Random House. 230.

Komissina I.N. (2017). The Sea Silk road of the XXI century is a global geopolitical project of China. *Problemy natsional'noi strategii*, (1). 60–81.

Kryachkina Yu.A. New trends in the defense policy of Japan. *Problemy natsional'noi strategii*, (5). 136–151.

Mearsheimer J. (2001). *The Tragedy of Great Powers Politics*. New York: W.W. Norton. 555.

O'Rourke R. (2017). Maritime Territorial and Exclusive Economic Zone (EEZ) Disputes Involving China. *Congressional Research Service Report*, (R42784). 94. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42784.pdf> (Accessed: 15.08.2017)

Scott Sh.V. (2016). China's nine-dash line, International Law and the Monroe Doctrine analogy. *China Information*, 30 (3). 296–311. DOI: 10.1177/0920203x16665054

Valencia M.J. (2012). The South China Sea Disputes. *Global Asia*, (Fall). 56–73.

Voskresenkii A.D. (2010). «Greater East Asia»: world politics and regional transformations. Moskva: MGIMO. 444.

White H. (2010). Power Shift: Australia's Future between Washington and Beijing. *Quarterly Essay*, (39). 83.

Информация об авторе

Андрей Владимирович Губин, кандидат политических наук, доцент, Восточный институт, Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет

690000, Российская Федерация, Приморский Край, Суханова ул., 8
andrey.gubin@mail.ru

About the Author

Andrey V. Gubin, Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor, Oriental Institute, School of Regional and International Studies Far Eastern Federal University

8, ul. Sukhanova, Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation, 690000
andrey.gubin@mail.ru

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-135-151

Павел Борисович КАМЕННОВ

Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Нахимовский проспект, 32, Москва, 117997, Российская Федерация
kamennov@ifes-ras.ru

Китайский военно-промышленный комплекс при Си Цзиньпине

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются достижения и проблемы военно-промышленного комплекса (ВПК) КНР при Си Цзиньпине (2012–2017 гг.) в контексте реализации программы модернизации национальной обороны КНР до 2050 г. и участия ВПК в экономическом строительстве. Автор описывает положение, сложившееся в различных отраслях военно-промышленного комплекса. Китайская атомная промышленность в последние годы развивалась особенно быстрыми темпами. В ракетно-космической отрасли также наблюдались серьёзные успехи. Авиационная промышленность Китая, и в первую очередь авиационное двигателестроение, традиционно отставали от американского, западноевропейского и российского уровня. Правительство Китая прикладывает большие усилия для исправления ситуации. Традиционно отстававшая от западного уровня китайская микроэлектроника в ближайшие годы также должна обрести новое качество. Кораблестроительная промышленность Китая сегодня в состоянии самостоятельно проектировать и производить как крупнотоннажные надводные корабли, так и атомные подводные лодки. Отмечается, что наряду с успехами в производстве военной и гражданской техники предпринимаются меры

по сокращению зависимости ВПК от импорта зарубежных технологий. Значительное внимание автор уделил проблеме конверсии военного производства, во многом обеспечившей в 1980-е – 1990-е гг. стремительный экономический рост Китая. Одной из наиболее перспективных стратегий преодоления технологической отсталости военно-промышленного комплекса является так называемая военно-гражданская интеграция. Она позволяет повышать научно-технический уровень оборонных секторов экономики за счёт перенаправления туда технологий, опробованных в гражданских отраслях. Такой переход позволяет Китаю обходить западное эмбарго на поставки продукции военного назначения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КНР, военно-промышленный комплекс, модернизация, информатизация, военные расходы, ВПК в экономическом строительстве, проблемы ВПК

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каменнов П.Б. (2017). Китайский военно-промышленный комплекс при Си Цзиньпине. *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5), 135-151. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-135-151

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-135-151

Pavel B. KAMENNOV

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

32, pr. Nakhimovskiy, Moscow, Russian Federation, 117997

kameninov@ifes-ras.ru

PRC's Military-Industrial Complex under Xi Jinping

ABSTRACT. *The article is dedicated to the achievements and problems of the Chinese military-industrial complex and its role in the economy building during the Xi Jinping's term (2012–2017). The evolution of the problem is particularly interesting in the context of the realization of the National Security modernization Program of China 2050. The author provides a description of the current state of military-industrial complex fields. Chinese atomic industry has been growing rapidly during the last years. There are significant achievements in the field of the rocket and space industry. Aviation industry, and in particular the aviation engine construction, has been traditionally considered as underdeveloped in comparison with the American, Western European and Russian aviation. In this sense, the Chinese government endeavors to improve the situation. Microelectronics, which has also been rather underdeveloped, is expected to obtain a new quality. The shipbuilding industry in China nowadays gives positive examples of design and building heavy-tonnage vessels, such as nuclear-powered submarines. Apart from the military and technological achievements, many efforts are put in order to reduce the level of the Chinese dependence on the import of foreign technologies. The author stresses the significance of the military industry conversion practices, which used to be one of the main driving forces of the*

China's economic growth in 1980–1990s. The so-called military civil integration is one of the most effective strategies aimed at overcoming the technological backwardness of the military-industrial complex. It contributes to the technological growth in the fields of security due to the practices of re-direction the civil technologies into the military field. Such an approach allows China to avoid the Western military embargo.

KEYWORDS: *PRC, military-industrial complex, modernization, informatization, military expenditures, military-industrial complex in economic development, problems of military-industrial complex*

FOR CITATION: Kameninov P.B. PRC's Military-Industrial Complex under Xi Jinping *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 135-151. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-135-151

По оценкам китайских специалистов, реформирование военно-промышленного комплекса направлено на создание интегрированной системы военного и гражданского производств, что предполагает в мирное время концентрацию производственных мощностей для выпуска гражданской продукции, а во время войны переключение на задачу обеспечения потребностей вооруженных сил (Колоденкова, 2002, с. 113).

Китай стремится повысить эффективность своего военно-промышленного комплекса. Это является составной частью общей программы увеличения военного потенциала страны. В 2013 г. «Управление науки, технологий и промышленности национальной обороны» впервые разрешило предприятиям ВПК производить эмиссию акций с целью привлечения к разработке и выпуску продукции военного назначения средств финансового рынка. В середине 2015 г. государство создало «Стратегический комитет науки, технологий и развития индустрии национальной обороны». Перед этим аналитическим центром поставлена задача улучшения работы военной промышленности. В августе 2016 г. решением правительства была образована «Авиадвигательная корпорация Китая», объединяющая как частные, так и государственные предприятия отрасли¹.

В 2016 г. китайским правительством была принята долгосрочная программа модернизации сферы высоких технологий, рассчитанная до 2050 г. По замыслу её создателей, реализация такой программы превратит Китай в производителя инновационной научно-технической продукции. Общая задача была сформулирована в духе достижения превосходства или как минимум паритета с Соединёнными Штатами в технологической области. Очевидно также, что программа развития сферы высоких технологий будет иметь также и чисто военное измерение².

По всей видимости, Пекин более не желает довольствоваться статусом ре-

ципиента ключевых военных технологий. С этой целью создаются новые крупные научно-исследовательские лаборатории, организованные под влиянием изучения американского опыта. Китай стремится к технологическому прорыву в таких традиционно отстающих отраслях, как производство авиационных и газотурбинных двигателей, квантовая связь, информационно-сетевая и кибернетическая безопасность³, робототехника и умные производства, глубоководные исследования и изучение дальнего космоса⁴.

Проблема адаптации китайского оборонно-промышленного комплекса к нуждам военного строительства отчасти проистекала из специфического характера китайской военной доктрины. В 1950-е – 1970-е гг. ставка на массовую мобилизацию и «народную войну» требовала как минимум паритета с потенциальным, в те годы в первую очередь советским, противником по количеству вооружения. При ограниченной производственной и научно-конструкторской базе массовый серийный выпуск основных видов боевой техники мог быть достигнут лишь ценой её максимального упрощения (Bitzinger, 2009, p. 128).

С целью преодоления технологического отставания оборонной промышленности китайские руководители делают ставку на так называемую военно-гражданскую интеграцию. Именно в гражданском сегменте аккумулируются технологические ресурсы, остро необходимые для модернизации военного производства. Политика военно-

1 The Military Balance. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economic. The International Institute for Strategic Studies. 2017. P. 10. URL: <http://www.iiss.org/en/publications/military-s-balance> (Accessed: 14.08.2017)

2 Ibid. P. 260–261.

3 Oliva A.A. China: Paper Tiger in Cyberspace. Fort Leavenworth: School of Advanced Military Studies U.S. Army Command and General Staff College. 2012.

4 The Military Balance. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economic. The International Institute for Strategic Studies. 2017. P. 260–261. URL: <http://www.iiss.org/en/publications/military-s-balance> (Accessed: 14.08.2017).

гражданской интеграции фактически стала ответом на прекращение военно-технического сотрудничества со странами Запада, наступившего вслед за трагическими событиями 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. При сохранении западного эмбарго на поставки в Китай продукции военного назначения гражданские каналы остаются для Пекина единственной возможностью получить более или менее легальный доступ к современным технологиям. Китай делает всё для того, чтобы как можно быстрее перенаправить их в военный сектор. Помимо переоснащения собственной армии китайцы ставят перед собой цель повысить экспортный потенциал военно-промышленного комплекса, конкурентоспособность которого на внешних рынках всё ещё ограничена по причине сохраняющегося технологического отставания⁵.

Китайский опыт конверсии военного производства

Изначально военно-промышленный комплекс КНР создавался по рецептам ВПК СССР и во многом при его участии. Однако Китай на десятилетие раньше начал реформы национального оборонно-промышленного комплекса и добился при этом, в отличие от позднего СССР, значительных результатов. Если в 1978 г. гражданская продукция китайского ВПК составляла не более 10% его производства, за следующие пять лет эта доля выросла вдвое. В 1982 г. для реформирования и управления ВПК была создана особая комиссия по науке, технологии и промышленности в интересах национальной обороны.

Именно на нее возложили задачи по осуществлению конверсии. Почти сразу структура ВПК КНР подверглась радикальным изменениям (Розмирович и др., 2017, с. 8). Доля товаров гражданского назначения в валовой продукции оборонных предприятий Китая в начале XXI века достигла 80% (Розмирович и др., 2017, с. 10).

Рыночная трансформация государственных предприятий как часть общих усилий по перестройке китайской экономики была направлена на существенный прирост, обновление и повышение эффективности накопленного в дореформенные годы производственного промышленного потенциала. Максимальная мобилизация внутренних ресурсов сочеталась с более широким и глубоким заимствованием зарубежной техники и технологии, развитием наукоемких производств и «новой экономики» (Муромцева, 2002, с. 45).

В начале 1980-х гг. на долю военных отраслей промышленности приходилось 11% всех научно-технических разработок Китая, а также ¼ стоимости основных фондов китайского машиностроения, в которых было сосредоточено 10% парка металлорежущих станков, из них 90% станков с цифровым программным управлением (Колоденкова, 2002, с. 111).

В результате реформ происходила передача научно-технических достижений военной промышленности на предприятия гражданских отраслей, что способствовало активизации имеющихся внутренних ресурсов с целью повышения технологического уровня производства. Постепенно военная промышленность стала не только активным участником экономического

5 Yao-Zu P. Understanding Chinese Military Strategic Thinking: The Message from the People's Liberation Army's Modernization and Weapons Acquisition Program. A Thesis Presented to the Faculty of the U.S. Army Command and General Staff College in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Master of Military Art and Science. General Studies. Fort Leavenworth. 2011. P. 44–48.

строительства, но и получила возможность ускорить темпы модернизации своей собственной производственной базы (Колоденкова, 2002, с. 112).

Оборонная промышленность Китая стала источником технологий для создания гражданской авиации, автомобилестроения и других отраслей промышленности. При этом конверсионный ВПК Китая не только способствовал бурному развитию электроники, но и сам существенно повысил технический уровень. Если тридцать лет назад Китай имел самый развитый ВПК среди стран третьего мира, сильно отставая в передовых разработках от НАТО и СССР, то в начале XXI столетия, благодаря продуманной конверсии и умелому использованию благоприятных внешних обстоятельств оборонная промышленность страны уверенно догоняет лидеров, входя в пятёрку лучших военно-промышленных комплексов (Розмирович и др., 2017, с. 11).

В соответствии с новыми установками китайское руководство взяло курс на умеренное снижение доли военных расходов в общегосударственном бюджете. Если в 1950-е – 1980-е гг. военные расходы составляли 6,35% валового национального продукта, в 1980-е гг. они сократились до 2,3%, а в 1990-е гг. – до 1,4% (Shambaugh, 2002, p. 190–191). Впоследствии в 2005–2014 гг. китайские военные расходы ежегодно увеличивались в среднем на 9,5%⁶. До реформы производственные мощности военных предприятий использовались лишь на 20–30%, следовательно, удельный вес гражданской продукции, производимой военной промышленностью, мог быть увеличен до 80%. В 1986 г. доля производства продукции гражданского

назначения в валовой продукции военной промышленности составляла примерно 50%. Тогда как в 1980 г. этот показатель составлял примерно 18%, а в 1975 г. – 7% (Колоденкова, 2002, с. 111).

Китайская конверсия шла одновременно с сокращением многочисленной армии. За десятилетие, с 1984-го по 1994 г., численный состав НОАК сократился примерно с 4 млн до 2,8 млн чел., в том числе на 600 тыс. кадровых офицеров. Были сняты с вооружения устаревшие образцы: 10 тыс. стволов артиллерии, свыше тысячи танков, 2,5 тыс. самолётов, 610 кораблей (Розмирович и др., 2017, с. 9).

Место военной промышленности в народнохозяйственном комплексе Китая

Важнейшим направлением реформы ОПК Китая сегодня также является формирование современной научно-технической базы военного производства на основе интеграции предприятий оборонной промышленности и передовых в технологическом отношении гражданских компаний и предприятий, включая частные и с иностранным капиталом (Розмирович и др., 2017, с. 12).

Особое внимание при этом обращено на достижение военно-гражданской научно-технической синергии. Как известно, военный и гражданский сегменты китайской промышленности долгое время сталкивались с проблемой слабой межведомственной координации⁷. Как известно, в Китае последовательно расширяется негосудар-

6 Military and security developments involving the People's Republic of China. Annual report to Congress. 2015. P. 49.

7 The Military Balance. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economic. *The International Institute for Strategic Studies*. 2017. P. 260-261. URL: <http://www.iiss.org/en/publications/military-s-balance> (Accessed: 14.08.2017).

ственный сектор экономики, однако военно-промышленный комплекс всё ещё бережно охраняется государством от рыночной конкуренции⁸. Технологические и административные барьеры между коммерческими секторами экономики и военной промышленностью сохраняются, несмотря на проводимую политику военно-гражданской интеграции (Bitzinger, 2004, p. 1–4).

По всей видимости, Китай никогда не стремился к тому, чтобы повторить исторический путь послевоенной Японии, а именно выстроить технологически передовую, первоклассную экономику, но ценой отказа от сколько-нибудь серьёзных внешнеполитических амбиций. Вместо этого Китай предпочитает оставаться традиционной великой державой, военный потенциал которой соответствовал бы её экономическому и внешнеполитическому весу. Поскольку проценты ежегодного экономического роста долгое время выражались двухзначными цифрами, сопоставимым было и увеличение китайского военного бюджета (Chen, Feffer, 2009, p. 63–64).

Правительство ежегодно субсидирует основные проекты оборонной индустрии на сумму 3–4 млрд долл. К их числу также относятся и НИОКР по перспективным системам вооружений (Chen, Feffer, 2009, p. 55). Несмотря на реформы 2000-х гг., китайский военно-промышленный комплекс по-прежнему напрямую либо опосредованно, через займы от государственных банков, финансируется в первую очередь китайским правительством⁹.

Открытые источники содержат крайне скудную информацию о деятельности военно-промышленных

корпораций (Перло-Фримен, Веземан, 2015, с. 224). Согласно информации, извлечённой из финансовых отчётов десяти китайских компаний, ориентированных на оборонные отрасли, их совокупный объём продаж в 2011 г. составлял около 233 млрд долл. Однако эти компании, каждая из которых состоит из сотен отдельных предприятий, производят широкий ассортимент продукции, в котором продукция военного назначения представляет меньшую часть совокупных продаж. Как правило, доля военной продукции у отдельных компаний неизвестна, хотя на уровне промышленности в целом она оценивалась в 26% в 2006-м и 22% – в 2007 г. (Перло-Фримен, Веземан, 2015, с. 224–225).

Взаимоотношения между национальной безопасностью и задачами национального экономического развития являются сложными и нелинейными. Единой точки зрения в части оптимальной доли военных расходов относительно валового внутреннего продукта по-прежнему не существует (Bhartendu, 2005, p. 680). Относительное финансовое напряжение Китая в связи с его военными расходами в начале XXI в. было всё ещё очень незначительно. На нужды национальной обороны в те годы выделялось не более 2% ВВП. Тогда как до 1979 г. оборонные расходы достигали 6,5% ВВП (Bhartendu, 2005, p. 695–696).

Военные расходы Китая в период с 2000 по 2012 г. увеличились более чем в четыре раза в реальном выражении, и страна приложила большие усилия к развитию своей национальной военной промышленности (Cordesman А.Н., Kendall, 2016). Кроме того, за последнее десятилетие экспорт вооружений

8 Godement F., Kratz A., Lafferty B., Puig E. The Reform of China's Defence Economy. China Analysis. Asia Centre. *European Council on Foreign Relations*. June 2013. P. 4.

9 Ibid. P. 7.

из Китая вырос настолько существенно, что в 2009–2013 гг. страна уже занимала четвертое место среди крупнейших экспортёров вооружений (Перло-Фримен, Веземан, 2015, с. 225).

По мнению К.Л. Сыроежкина, «(...) несмотря на видимые достижения в разработке военных технологий и внедрение их в вооруженные силы, Китай продвигается вперёд несколько медленнее, чем этого бы хотелось военнополитическому руководству страны. Одной из наиболее серьёзных проблем, оказывающих негативное влияние на развитие китайской оборонной промышленности, является научно-техническое и технологическое отставание страны от мирового уровня. Это развитие по ряду важных направлений в силу объективных и субъективных причин оказалось законсервированным на многие годы» (Сыроежкин, 2008, с. 242).

Согласно одной из точек зрения, пресловутая «военно-гражданская интеграция» внутри китайской экономики всё ещё страдает от нарушения баланса в пользу её военной составляющей, а также, как ни парадоксально, от недостатка централизованного государственного управления процессом интеграции. Государство, по сути, так и не определилось с приоритетными целями военно-гражданской интеграции, воспринимая частные предприятия лишь как ресурс для скорейшей модернизации военного производства¹⁰.

Нередко принципиальная перестройка китайской военной промышленности подменялась банальным разукрупнением и децентрализацией предприятий. Такой подход позволял копи-

ровать лишь внешнюю форму, но не дух западного принципа развития военной экономики. В силу культурных особенностей в Китае не приветствовалась конкуренция внутри военных корпораций (Bitzinger, Kenneth Boutin, 2009, p. 137).

Несмотря на то, что в последние два десятилетия Китай значительно сократил общие объёмы импорта иностранных вооружений и военных технологий, между 2007 и 2011 гг. страна всё ещё занимала четвертое место по совокупной стоимости контрактов, заключённых для приобретения продукции военного назначения (Cordesman, Yarosh, 2012, p. 71). Их стоимость оценивалась в 6,33 млрд долл., при этом основным поставщиком выступала Россия¹¹, доля которой в общем объёме китайского импорта в 1992–2011 гг. колебалась в пределах 65–91% (Cordesman, Yarosh, 2012, p. 73). Предположительно импорт готовых систем вооружений и ключевых технологий будет оставаться решающим инструментом военной модернизации Китая как минимум на протяжении ещё одного десятилетия (Cordesman, Hess, Yarosh, 2013, p.117).

Особую роль в модернизации китайского оборонного комплекса продолжает играть широкомасштабный промышленный шпионаж. Он в значительной степени позволяет осуществлять экономию времени и средств, обычно затрачиваемых на НИОКР. Китай добился тесной комбинации легальных и нелегальных каналов получения научно-технической информации, главным образом из США (Hannas, Mulvenon, Puglisi, 2013).

10 Godement F, Kratz A, Lafferty B, Puig E. The Reform of China's Defence Economy. China Analysis. Asia Centre. *European Council on Foreign Relations*. June 2013. P. 12.

11 Malle S. Russia and China in the 21-th Century. Moving Towards Cooperative Behaviour. CREES Annual Conference. Cumberland Lodge 3–5 June, 2016. P. 10.

Вне всяких сомнений, Китай предпочёл бы не делать ставку на приобретение импортных систем вооружений, а также иностранных комплектующих для собственного военного производства. Однако он будет вынужден прибегать к импорту до тех пор, пока в его производственных возможностях сохранились серьёзные бреши. В первую очередь в таких областях, как создание систем противовоздушной обороны, производства зенитных управляемых ракет, ракет воздух-воздух и авиадвигателей (Connolly, Sendstad, 2017, p. 15).

Положение в ключевых отраслях военно-промышленного комплекса

На сегодняшний день китайский ВПК способен производить практически все виды и типы боевого снаряжения, вооружения и военной техники, однако проблема относительно технологического отставания по-прежнему даёт о себе знать (Bitzinger, 2011, p. 9–10). Военно-промышленный комплекс Китая, называемый в этой стране «оборонной наукой техникой и промышленностью», является структурой, состоящей из промышленных предприятий, научно-исследовательских институтов и академий, охватывающих атомную энергетику, космонавтику, авиацию, судостроение, обычные вооружения и электронику (Сыроежкин, 2008, с. 235).

На данном этапе в отраслях достигнута неравномерные успехи (Brown, Prueher, Segal, 2003, p. 60–61). По этой причине преодоление технологического отставания отчасти становится возможным за счёт получения доступа к передовым иностранным технологиям двойного назначения путём участия в совместных проектах НИОКР, привле-

чения опытных кадров, а также с помощью прямой закупки и промышленного шпионажа. Преимущественная опора на импортные технологии определила своеобразный цикл развития большинства видов вооружений, производимых Китаем. Он начинается с получения тем или иным путём технологии, осмысления, копирования и продолжается после перехода на стадию углублённой технологической модернизации (Крашенинникова, 2016, с. 21).

Китайская ядерная энергетика, возникшая в том числе и в результате конверсии ядерной программы военного назначения, развивается сегодня исключительно высокими темпами (Zhou et. al., 2011). В начале нынешнего десятилетия, согласно оценкам, Китай обладал совокупным арсеналом приблизительно в 250 ядерных боезарядов, медленно и понемногу наращивая его. Достаточно широко было распространено мнение, что в мирное время Китай хранит свои ядерные боеголовки отдельно от средств их доставки и они не готовы к немедленному запуску. Считалось, что из плановой триады наземных, воздушных и морских ядерных сил находятся в строю лишь баллистические ракеты наземного базирования и приспособленные к несению ядерного оружия самолёты: этим силам приписывалось приблизительно 180 боезарядов. Ни один из них предположительно не был установлен на системах доставки, так как утверждается, что они хранятся на центральном складе (Шелл, Кристенсен, 2015, с. 336).

Прогресс китайских ядерных сил морского базирования может создать проблемы нынешним командным и управленческим структурам военноморского флота НОАК, поскольку в прошлом он не имел никакого практического опыта организации боевых дежурств ракетных подводных лодок. До сих пор китайские ракетные подводные

лодки никогда не выходили на боевое патрулирование в целях обеспечения стратегического сдерживания. Однако они вполне могут начать его осуществлять в ближайшем будущем. Центральный военный совет традиционно отказывался передавать ядерные боеприпасы под контроль командований видов вооруженных сил в мирное время. Альтернативная политика, по всей видимости, заключалась в том, что Китай эксплуатировал ракетные субмарины без снабженных ядерной головной частью баллистических ракет на борту, откладывая опцию развертывания ядерных боезарядов до наступления кризиса (Шелл, Кристенсен, 2015, с. 332).

Для АЭС выпускаются ядерные реакторы различной мощности – 300 Мвт, 600 Мвт, 700 Мвт и 1000 Мвт. На сегодня АЭС обеспечивают порядка 1,2% национального энергопотребления (аналогичный среднемировой показатель составляет около 16% – *Примеч. авт.*). В стадии строительства находятся 28 энергоблоков общей мощностью 28,3 млн кВт. К 2020 г. общая мощность установленных в КНР атомных реакторов составит около 80 млн кВт, АЭС будут удовлетворять уже 5% энергетического спроса в КНР и данный показатель станет стремительно расти. В связи с катастрофой на японской АЭС Фукусима (2011 г.) в Китае осуществлен комплекс мер по повышению безопасности атомной энергетики.

В связи со стремительно растущим спросом на электроэнергию динамично развивающейся экономики Китай намерен к 2030 г. увеличить количество ядерных реакторов на АЭС

до 110 и стать одним из крупнейших в мире потребителей атомной энергии. Планом 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) ввод в эксплуатацию от шести до восьми атомных реакторов ежегодно, начиная с 2016 г.

В последние годы китайское ракетостроение и космическая промышленность показывали высокие темпы роста¹². Корпорация аэрокосмической науки и технологии Китая (CASC) осуществляет научные исследования, проектирование и производство стратегических и тактических ракет; вывод на околоземную орбиту искусственных спутников Земли (ИСЗ) и пилотируемых космических кораблей; предоставляет коммерческие услуги на внешнем рынке по выводу на околоземную орбиту космических объектов. Наряду с космическими технологиями компания ведет исследования в области применения ИСЗ, информационных технологий, новых материалов, возобновляемых источников энергии, космических технологий специального назначения, космической биологии¹³.

Корпорация аэрокосмической науки и промышленности Китая (CASIC) является крупнейшим в стране центром науки и технологий и одновременно разработчиком и производителем ракетного оружия различного назначения, в том числе твердотопливных ракет, зенитных ракетных систем, крылатых ракет, систем космического базирования. Продукция корпорации используется в пилотируемой космонавтике, в исследованиях Луны и в других ключевых проектах; кроме того, она включает информационные тех-

12 Duray C.T. Attacking the Empty: People's Republic of China Foreign-Missile Technology Acquisition and Implications on Future Technology bans. A Thesis Presented to the Faculty of the U.S. Army Command and General Staff College in Partial Fulfillment of The Requirements for the Degree Master of Military Art and Science. General Studies. Fort Leavenworth. Kansas. 2003.

13 Mahler F.W. China's Anti-Satellite Test: A Precursor to Challenge U.S. Freedom to Maneuver in Space? A Thesis Presented to the Faculty of the U.S. Army Command and General Staff College in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Master of Military Art and Science. Fort Leavenworth. 2008.

нологии и оборудование двойного (военного и гражданского) назначения, используемые в системах обеспечения безопасности.

25 июня 2016 г. с космодрома Вэньчан (о. Хайнань) был осуществлен запуск новой ракеты-носителя «Чанчжэн-7», способной вывести на низкую околоземную орбиту до 13,5 т груза. По сообщению Китайской корпорации аэрокосмической науки и техники (CASC), в течение 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) в космос будет запущено около 150 ракет «Чанчжэн». 17 октября 2016 г. с космодрома Цзюцюань (пров. Ганьсу) успешно осуществлен запуск пилотируемого космического корабля «Шэньчжоу-11» с двумя космонавтами на борту (имена космонавтов Цзин Хайпэн и Чэнь Дун) с миссией стыковки с орбитальной лабораторией «Тяньгун-2». 20 апреля 2017 г. с космодрома Вэньчан (пров. Хайнань) впервые запущен грузовой космический корабль «Тяньчжоу-1» для доставки шести тонн груза на лабораторию «Тяньгун-2» («Небесный дворец-2»). В 2018 г. планируется запуск основного модуля космической станции, полноценное функционирование которой начнется в 2022 г. К 2020 г. Китай планирует завершить создание глобальной спутниковой системы навигации «Бэйдоу», включающей 35 ИСЗ, из которых 5 будут расположены на геостационарной орбите, а оставшиеся 30 на средних орбитах, полностью охватывающих Земной шар. Предполагается, что система будет иметь два уровня предоставления услуг – открытый (доступный по всему Земному шару) и закрытый (для военных). В настоящее время на орбиту выведено 16 ИСЗ¹⁴.

Следует отметить, что в годы 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) Корпорацией аэрокосмической науки и технологии Китая было осуществлено 78 космических запусков различного назначения, из которых 97% были успешными, что означает выход отрасли по показателю надежности на первое место в мире. За этот период на околоземную орбиту было выведено 128 космических объектов Китая и других стран – вдвое больше, чем за предшествующий период (2006–2010 гг.).

Деятельность Корпорации авиационной промышленности Китая (AVIC) по выпуску продукции военного назначения включает производство боевых самолетов, самолетов военнотранспортной авиации, вертолетов, авиационных двигателей, бортовых электронных систем и оборудования; проведение летных испытаний авиационной техники. В составе корпорации более 140 учреждений и предприятий. Наряду с производством авиационной продукции корпорация предоставляет широкий комплекс услуг от научных исследований, разработок и производства различной техники до таких сфер, как торговля, инфраструктура, финансирование, автомобили и др. (Saunders, Wiseman, 2011).

Северная промышленная корпорация Китая (CNGC) является одним из крупнейших производителей вооружений ВПК. Объединяет свыше 120 НИИ, производственных предприятий и торговых компаний и имеет около 100 филиалов за рубежом. Выпускает высокотехнологичные вооружения, включая высокоточные ударные системы, противоракетные комплексы, системы ночного видения и многие другие для

14 Oh P.S. Assessing Chinese Intentions for the Military Use of the Space Domain. Fort Leavenworth: School of Advanced Military Studies U.S. Army Command and General Staff College. 2011.

оснащения Сухопутных войск, ВВС и ВМС НОАК, и играет важнейшую роль в модернизации обороны страны. К 2020 г. корпорация намерена повысить свою конкурентоспособность на мировом рынке и достичь мировых стандартов качества выпускаемых вооружений.

Южная промышленная корпорация Китая (CSGC) является одним из крупнейших объединений ВПК, интегрирующим научный, технологический и производственный потенциал по выпуску продукции военного и гражданского назначения. В настоящее время объединяет свыше 50 предприятий и НИИ, имеет свыше 30 производственных баз и торговых сетей за рубежом, поддерживает отношения сотрудничества с такими компаниями, как Ford, Suzuki, Mazda, Yamaha and Fuji и занимает 275-е место в списке 500 крупнейших компаний Китая. Корпорация включает четыре производственных сектора, выпускающих военную продукцию, транспортные средства, новые источники энергии, различное оборудование. Выпускаемая корпорацией специальная военная продукция широко используется в большинстве видов вооружения и военной техники. Корпорация занимает 10% мирового рынка мощных трансформаторов и первое место в мире в области сверхвысоковольтных технологий и оборудования; имеет производственные линии по выпуску энергетических установок, использующих ветровую и солнечную энергию.

Государственная корпорация судостроения Китая (CSSC) является крупнейшим судостроительным объединением страны, включает 60 предприятий и учреждений, в том числе судостроительные и судоремонтные верфи, научно-исследовательские и проектные институты, производственные предприятия, торговые компании. Выпускает боевые корабли и вспомогательные

суда для ВМС НОАК и наряду с этим – гражданскую продукцию: соответствующие международным стандартам пассажирские суда, нефтяные танкеры, сухогрузы, контейнеровозы, быстроходные суда и др. Сегодня корпорация сосредоточила усилия на строительстве двух новых судостроительных баз – на о. Чансин (Changxing Island) в районе Шанхая и Лунсюэ (Longxue) в районе г. Гуанчжоу (пров. Гуандун). Предполагается, что в результате производственные возможности корпорации возрастут с нынешних 4 млн т до 14 млн т дедвейта, при этом номенклатура выпускаемых судов будет существенно расширена и включать танкеры для перевозки сжиженного природного газа, комфортабельные пассажирские суда и т.п. Одновременно корпорация широко диверсифицирует свою деятельность в таких секторах, как финансы, судоремонт, грузовые перевозки, морские инженерные сооружения, строительство, энергетика, защита окружающей среды, металлургия, и во многих других.

Корпорация судостроительной промышленности Китая (CSIC) также является крупным объединением отрасли, занятым в сфере проектирования и производства военных и гражданских судов; включает 96 предприятий и учреждений, в том числе 48 производственных предприятий, 28 научно-исследовательских институтов, 15 акционерных компаний, расположенных в более чем 20 провинциях Китая. Среди филиалов корпорации – верфи в городах Далянь (Dalian Shipyard, Dalian New Shipyard), Бохай (Bohai Shipyard), Учан (Wuchang Shipyard), Шанхайгуань (Shanhaiguan Shipyard). Корпорация обладает береговой инфраструктурой, позволяющей осуществлять ремонт судов водоизмещением до 300 тыс. т; производимые суда экспортируются в более чем 50 стран и регионов мира. Корпорация диверсифицирует свою про-

изводственную и коммерческую деятельность в таких секторах, как морские судовые двигатели, морское оборудование, судовое оборудование для военных и гражданских судов, металлургия, гидроэнергетика.

По сообщению агентства по анализу ситуации в области судостроения и судоходства Clarkson Research Services (Великобритания), в период с января по апрель 2016 г. из 114 заказов на суда на мировом рынке судостроения 59 были получены китайскими предприятиями. Китайская судостроительная отрасль продолжает удерживать первое место в мире, оставив позади Японию и Южную Корею.

В последние годы особенно велики были успехи Китая в военном кораблестроении и ракетостроении. Сфера IT-технологий хотя формально и не является организационно обособленной частью военно-промышленного комплекса, также демонстрировала динамичный рост. Помимо баллистических и противокорабельных крылатых ракет Китай в обозримом будущем с высокой долей вероятности наладит массовый выпуск вполне конкурентоспособных зенитных управляемых ракет, ракет воздух-воздух средней и большой дальности, а также противорадиолокационных ракет. В результате окажутся подтянуты традиционно отстающие области китайского ракетостроения (Crane et. al., 2005, p. 188–189).

Итак, китайский военно-промышленный комплекс, некогда созданный с опорой на советский опыт, несмотря на пережитую им в 1990-е – 2000-е гг. глубокую трансформацию, с точки зре-

ния своей производственной эффективности всё ещё отстаёт от западных, в первую очередь американских, стандартов. Китай явно стремится к наращиванию объёмов военного экспорта. Однако, чтобы успешно выдержать растущую конкуренцию, ему придётся постоянно повышать общий технологический уровень производимой продукции, а также улучшать инфраструктуру послепродажного обслуживания вооружения и военной техники. В то же время именно с этим у Пекина в прошлом традиционно возникали сложности¹⁵.

На сегодняшний день китайская военная промышленность на фоне американской, признаваемой Пекином за эталон, сохраняет конкурентоспособность лишь в ограниченном перечне отраслей. Задача военно-гражданской интеграции видится в том, чтобы обеспечить перевод технологий из гражданского сектора в военный, а также в поиске дополнительных источников финансирования. Несмотря на все затруднения, китайцы демонстрируют прогресс, хотя и не столь стремительный, какой хотелось бы наблюдать лидерам страны¹⁶.

С целью повышения научно-технологического и производственного потенциала ВПК по инициативе Си Цзиньпина правительство КНР осуществляет широкий комплекс мер в различных областях, в том числе в финансовой, экономической, научно-исследовательской, военно-технической, а также в сфере международного сотрудничества.

Начиная с октября 2014 г. Китай осуществляет меры по реформированию системы финансирования нау-

15 The Military Balance. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economic. The International Institute for Strategic Studies. 2017. P. 10. URL:<http://www.iiss.org/en/publications/military-s-balance> (Accessed: 14.08.2017)

16 Rinehart I.E. The Chinese Military: Overview and Issues for Congress. *Congressional Research Service*. March 24, 2016. P. 23–24.

ки, совместно разработанные Министерством науки и технологий и Министерством финансов и направленные на рациональное расходование государственных средств, предназначенных для финансирования НИОКР. Вместо прежней системы, при которой 40 агентств осуществляли администрирование свыше 100 программ НИОКР, создается новая система, при которой финансирование будет осуществляться по пяти новым направлениям: 1) небольшие по объему гранты, выделяемые на конкурсной основе; 2) основные проекты НИОКР национального масштаба; 3) ключевые исследовательские программы; 4) специальные фонды для курирования технологических инноваций; 5) специальные фонды для развития человеческих ресурсов и инфраструктуры.

Из общего объема исследовательских проектов и программ в Китае выделены имеющие оборонное значение и требующие поддержки и финансирования со стороны государства, в их числе: 1) проектирование материалов с заданными свойствами; производство в условиях критически неблагоприятной экологии; аэрокосмическая механика, развитие информационных технологий; нанотехнологии; технологии создания высокоэффективных энергоносителей; 2) передовые высокоэффективные производственные технологии, металлорежущие станки с искусственным интеллектом; 3) передовые высокоэффективные энергетические технологии, в том числе водородная энергия; технологии топливных элементов; альтернативные виды топлива; передо-

вые технологии транспортных средств; 4) морские технологии, в первую очередь технологии мониторинга морской среды в трех измерениях; технологии мультипараметрических исследований дна океанов; 5) технологии глубоководных операций; 6) лазерные и аэрокосмические технологии, позволяющие создавать лазерные системы оружия наземного и воздушного базирования¹⁷.

Планом на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.) определены приоритетные сферы научных исследований, разработок и производства, многие из которых имеют оборонное значение, в их числе авиационные двигатели (включая турбовентиляторные и газотурбинные); quantum-коммуникации, вычислительная техника, инновационная электронная техника и программное обеспечение, автоматика и робототехника, специальные материалы, нанотехнологии, искусственный интеллект, исследования дальнего космоса, орбитальные системы. Из других сфер исследований можно выделить термоядерные реакции, гиперзвуковые технологии, проблемы развертывания на околоземных орбитах групп многофункциональных ИСЗ. Решению этих задач будет способствовать участие в исследованиях институтов и лабораторий фундаментальной и отраслевой науки гражданского сектора, в том числе главных научных центров – Академии наук Китая и Инженерной академии Китая, и углубление военно-гражданской интеграции в сфере науки и технологий¹⁸.

Фактором, способствующим модернизации ВПК, является реализация

17 U.S. Department of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF. (Accessed: 14.08.2017)

18 Ibid.

курса на превращение страны из мирового «сборочного цеха» в государство с современной высокотехнологичной промышленностью, предполагающей разработку и коммерциализацию технологий в области новых материалов, искусственного интеллекта, интегральных схем, промышленной робототехники, мобильной связи пятого поколения и т.д. В связи с этим расходы Китая на НИОКР возрастают с темпами, опережающими темпы экономического роста; так, в 2016 г. они возросли на 9,4% (до 221 млрд долл.) против увеличения ВВП за тот же период на 6,7%. Согласно Плану национальных научно-технических инноваций на период 13-й пятилетки (2016–2020 гг.), Китай намерен к 2020 г. подняться с 18-го на 15-е место в мировом рейтинге инновационных возможностей; научно-технические достижения будут обеспечивать до 60% роста национальной экономики (в 2015 г. этот показатель составил 55,3%); при этом доля добавленной стоимости в сфере наукоемких услуг в национальном ВВП вырастет с нынешних 15,6% до 20%.

В заключение следует отметить, что на современном этапе возможности ВПК КНР позволяют полностью удовлетворить потребности НОАК в вооружении и военной технике и обеспечить прочные позиции КНР на мировом рынке вооружений: в 2012–2016 гг. Китай в качестве экспортера занимает третье место после США и России. При Си Цзиньпине ВПК, в основном опираясь на национальные научно-технические и технологические ресурсы, сделал новый шаг вперед в направлении приближения выпускаемой военной техники к мировым стандартам

качества и уменьшения зависимости от импорта зарубежных технологий. Одновременно в контексте установки «сочетать мирное и военное» возможности ВПК КНР широко используются в интересах экономического строительства (Springut, Schlaikjer, Chen, 2011, p. 109–126).

Китайский оборонно-промышленный комплекс за последние годы проделал огромный путь. Налицо тенденция к сокращению общего технологического отставания китайской оборонной промышленности на фоне передовых западных держав¹⁹. В результате его производственная эффективность оказалась поднята на беспрецедентную высоту. Можно предположить, что пропорционально этому будут увеличиваться и амбиции Пекина на международной арене (Bitzinger, 2008).

Список литературы

Колоденкова Н.Н. (2002). Машиностроительный комплекс КНР и проблемы его развития в 10-й пятилетке. Титаренко М.Л. (ред.). *Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996–2050 гг.)*. М.: Памятники исторической мысли. 101–124.

Крашенинникова Л.С. (2016). Политика КНР в сфере военных НИОКР. *Мировая экономика и международные отношения*, 60 (10). 17–28.

Муромцева З.А. (2002). Трансформация госсектора в промышленности и «новая экономика» в XXI веке. Титаренко М.Л. (ред.). *Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996–2050 гг.)*. М.: Памятники исторической мысли. 45–81.

19 Evron Y. (Reforming China's Arms Procurement System: An Effort to be Closely Watched. East-West Center. *Asia Pacific Bulletin*. №361. November 2, 2016. P. 1–2.

- Перло-Фримен С., Веземан П.Д. (2015). 100 крупнейших промышленных компаний и компаний, предоставляющих услуги военного назначения, в 2011 г. Ежегодник СИПРИ. 2014. *Вооружения, разоружение и международная безопасность*. М.: ИМЭМО. 218–233.
- Розмирович С.Д. [и др.]. (2017). *Диверсификация ОПК: Как побеждать на гражданских рынках. Доклад Экспертного совета Председателя коллегии Военно-промышленной комиссии РФ. Подготовлен для V Международного форума технологического развития «Технопром»*. Новосибирск. 36.
- Сыроежкин К.Л. (2008). *Китай: военная безопасность*. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. 268.
- Шелл Ф.П., Кристенсен Х.М. (2015). Ядерные силы Китая. *Ежегодник СИПРИ. 2014. Вооружения, разоружение и международная безопасность*. М.: ИМЭМО. 336–343.
- Bhartendu K.S. (2005). The Political Economy of China's Defence Modernization. *Strategic Analysis*, 29 (4). 680–704.
- Bitzinger R.A. (2004). Civil-Military Integration and Chinese Military Modernization. *Asia-Pacific Center for Security Studies*, 3 (9). 1–4.
- Bitzinger R.A. (2008). China's Military-Industrial Complex: Is It (Finally) Turning a Corner? *RSIS Commentaries*, (121). Singapore: Nanyang Technological University. URL: <https://dr.ntu.edu.sg/handle/10220/4533> (Accessed: 18.09.2017)
- Bitzinger R.A. (2011). Modernizing China's Military, 1997–2012. *China Perspectives*, (4). 7–15.
- Bitzinger R.A., Kenneth Boutin J.D. (2009). China's Defence Industries: Change and Continuity. Huisken R. (ed.). *Rising China: Power and Reassurance*. Canberra: ANUE Press. 125–143.
- Brown H., Prueher J.W, Segal A. (2003). *Chinese Military Power. Report of an Independent Task Force Sponsored by the Council on Foreign Relations Maurice R. Greenberg Center for Geoeconomic Studies*. New York: Council on Foreign Relations. 95.
- Chen S., Feffer J. (2009). China's Military Spending: Soft Rise or Hard Threat? *Asian Perspective*, 33 (4). 47–67.
- Connolly R., Sendstad C. (2017). *Russia's Role as an Arms Exporter. The Strategic and Economic Importance of Arms Exports for Russia*. London: Chatham House; The Royal Institute of International Affairs. 30.
- Cordesman A.H., Hess A., Yarosh N.S. (2013). *Chinese Military Modernization and Force Development. A Western Perspective*. Center for Strategic and International Studies. Burke Chair in Strategy. September 2013. Washington: CSIS. 350.
- Cordesman A.H., Kendall J. (2016). *Estimates of Chinese Military Spending*. Center for Strategic and International Studies. Burke Chair in Strategy. Working Draft: September 21, 2016. Washington: CSIS. 47.
- Cordesman A.H., Yarosh N.S. (2012). *Chinese Military Modernization and Force Development. A Western Perspective*. Center for Strategic and International Studies. Burke Chair in Strategy. June 22, 2012. Washington: CSIS. 199.
- Crane K. [et al.]. (2005). *Modernizing China's Military. Opportunities and Constraints*. Santa Monica: RAND Corporation. 264.
- Hannas W.C., Mulvenon J., Puglisi A.B. (2013). *Chinese Industrial Espionage: Technology Acquisition and Military Modernization*. L., N.Y: Routledge, 2013. 296.
- Jencks H.W. (1980). The Chinese Military-Industrial Complex and Defense Modernization. *Asian Survey*, 20 (10). 965–989.
- Kirchberger S. (2015). *Assessing China's Naval Power. Technological Innovation, Economic Constraints and Strategic Implication. Global Power Shift*. Berlin: Springer. 318.

Saunders P.C., Wiseman J.K. (2011). *Buy, Build or Steal: China's Quest for Advanced Military Aviation Technologies*. Washington: National Defense University Press. 62.

Shambaugh D.L. (2002). *Modernizing China's military. Progress, problems, prospects*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press. 374.

Springut M., Schlaikjer S., Chen D. China's (2011). *Program for Science and Technology Modernization: Implications for American Competitiveness. Prepared for the U.S.-China Economic and Security Review Commission*. Arlington: CENTRA Technology, Inc. 142.

Wei-Cheng Wang V. (2007). The Chinese Military and the «Taiwan Issue»: How China Assesses its Security Environment. *Southeast Review of Asian Studies*, (29). 119–136.

Zhou Y. [et al.]. (2011). Is China Ready for its Nuclear Expansion? *Energy Policy*, (39). 771–781.

References

Bhartendu K.S. (2005). The Political Economy of China's Defence Modernization. *Strategic Analysis*, 29 (4). 680–704.

Bitzinger R.A. (2004). Civil-Military Integration and Chinese Military Modernization. *Asia-Pacific Center for Security Studies*, 3 (9). 1–4.

Bitzinger R.A. (2008). China's Military-Industrial Complex: Is It (Finally) Turning a Corner? *RSIS Commentaries*, (121). Singapore: Nanyang Technological University. URL: <https://dr.ntu.edu.sg/handle/10220/4533> (Accessed: 18.09.2017)

Bitzinger R.A. (2011). Modernizing China's Military, 1997–2012. *China Perspectives*, (4). 7–15.

Bitzinger R.A., Kenneth Boutin J.D. (2009). China's Defence Industries:

Change and Continuity. Huisken R. (ed.). *Rising China: Power and Reassurance*. Canberra: ANUE Press. 125–143.

Brown H., Prueher J.W, Segal A. (2003). *Chinese Military Power. Report of an Independent Task Force Sponsored by the Council on Foreign Relations Maurice R. Greenberg Center for Geoeconomic Studies*. New York: Council on Foreign Relations. 95.

Chen S., Feffer J. (2009). China's Military Spending: Soft Rise or Hard Threat? *Asian Perspective*, 33 (4). 47–67.

Connolly R., Sendstad C. (2017). *Russia's Role as an Arms Exporter. The Strategic and Economic Importance of Arms Exports for Russia*. London: Chatham House; The Royal Institute of International Affairs. 30.

Cordesman A.H., Hess A., Yarosh N.S. (2013). *Chinese Military Modernization and Force Development. A Western Perspective*. Center for Strategic and International Studies. Burke Chair in Strategy. September 2013. Washington: CSIS. 350.

Cordesman A.H., Kendall J. (2016). *Estimates of Chinese Military Spending*. Center for Strategic and International Studies. Burke Chair in Strategy. Working Draft: September 21, 2016. Washington: CSIS. 47.

Cordesman A.H., Yarosh N.S. (2012). *Chinese Military Modernization and Force Development. A Western Perspective*. Center for Strategic and International Studies. Burke Chair in Strategy. June 22, 2012. Washington: CSIS. 199.

Crane K. [et al.]. (2005). *Modernizing China's Military. Opportunities and Constraints*. Santa Monica: RAND Corporation. 264.

Hannas W.C., Mulvenon J., Puglisi A.B. (2013). *Chinese Industrial Espionage: Technology Acquisition and Military Modernization*. L., N.Y: Routledge, 2013. 296.

Jencks H.W. (1980). The Chinese Military-Industrial Complex and Defense Modernization. *Asian Survey*, 20 (10). 965–989.

- Kirchberger S. (2015). *Assessing China's Naval Power. Technological Innovation, Economic Constraints and Strategic Implication. Global Power Shift*. Berlin: Springer. 318.
- Kolodenkova N.N. (2002). Machine building complex of the PRC and the problems of its development in the 10th Five-Year Plan. Titarenko M.L. (ed.). *The strategy of transforming China into a super-industrial state (1996–2050)*. Moskva: Pamyatniki istoricheskoi mysli. 101–124.
- Krashennnikova L.S. (2016). Defense R&D Policy in China. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 60 (10). 17–28.
- Muromtseva Z.A. (2002). Transformation of the state sector in industry and the “new economy” in the 21st century. Titarenko M.L. (ed.). *The strategy of transforming China into a super-industrial state (1996–2050)*. Moskva: Pamyatniki istoricheskoi mysli. 45–81.
- Perlo-Freeman S., Vezeman P.D. (2015). 100 largest industrial companies and companies providing military services in 2011. *SIPRI Yearbook. 2014. Armaments, disarmament and international security*. Moskva: IMEMO. 218–233.
- Rozmirovich S.D. [et al.]. (2017). *DIC diversification: How to win in civilian markets. Report of the Expert Council of the Chairman of the Collegium of the Military-Industrial Commission of the Russian Federation. Prepared for the V International Forum of Technological Development “Technoprom”*. Novosibirsk. 36.
- Saunders P.C., Wiseman J.K. (2011). *Buy, Build or Steal: China's Quest for Advanced Military Aviation Technologies*. Washington: National Defense University Press. 62.
- Shambaugh D.L. (2002). *Modernizing China's military. Progress, problems, prospects*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press. 374.
- Shell F.P., Christensen H.M. (2015). The nuclear forces of China. *SIPRI Yearbook. 2014. Armaments, disarmament and international security*. Moskva: IMEMO. 336–343.
- Springut M., Schlaikjer S., Chen D. China's (2011). *Program for Science and Technology Modernization: Implications for American Competitiveness. Prepared for the U.S.-China Economic and Security Review Commission*. Arlington: CENTRA Technology, Inc. 142.
- Syroezhkin K.L. (2008). *China: military security*. Almaty: Kazakhstanskii institut strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente Respubliki Kazakhstan. 268.
- Wei-Cheng Wang V. (2007). The Chinese Military and the «Taiwan Issue»: How China Assesses its Security Environment. *Southeast Review of Asian Studies*, (29). 119–136.
- Zhou Y. [et al.]. (2011). Is China Ready for its Nuclear Expansion? *Energy Policy*, (39). 771–781.

Информация об авторе

Павел Борисович Каменнов, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока, Российская академия наук

117997, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32
kamenнов@ifes-ras.ru

About the Author

Pavel B. Kamennov, Cand. Sci. (Pol.), Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

32, pr. Nakhimovskiy, Moscow, Russian Federation, 117997
kamenнов@ifes-ras.ru

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161

Василий Васильевич МИХЕЕВ

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
mikheev@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-6844-3196

Сергей Александрович ЛУКОНИН

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
Lukonin.SA@rea.ru
ORCID: 0000-0002-8120-0420

Сергей Владимирович ИГНАТЬЕВ

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация

К вопросу о перспективах Китая как глобального лидера

АННОТАЦИЯ. В статье представлен авторский взгляд на проблему перспектив Китая как мирового лидера. Предлагается концепция лидерства, подразумевающая выделение основных факторов, таких, как стратегическая мощь, привлекательность политических институтов, способность предоставлять приемлемые идеи и наличие союзников, способствующих комплексному анализу лидерского потенциала страны. Выдвигается предположение, что так называемый «фактор Трампа», под которым подразумевается выход США из Транстихоокеанского партнерства и Парижского соглашения по климату, вызовет в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире спрос на китайское лидерство. Однако в данном случае возникает ряд вопросов: готов ли Китай к этому? Способен

ли он нести большую ответственность перед мировым сообществом? Достаточно ли у него потенциала для этого? Авторы предполагают, что в ближайшие 20–30 лет Китай не станет глобальным лидером, причиной чему являются внутривнутриполитические и внешнеполитические причины.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лидерство, Китай, внешняя политика, «Один пояс, один путь», глобализация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Михеев В.В., Луконин С.А., Игнатьев С.В. (2017). Китай – Япония: территориальный конфликт или региональная кооперация. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 152-161. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161

Vasily V. MIKHEEV

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
mikheev@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-6844-3196

Sergey A. LUKONIN

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
Lukonin.SA@rea.ru
ORCID: 0000-0002-8120-0420

Sergei V. IGNATEV

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

China and Global Leadership

ABSTRACT. *In this article, the authors evaluates the perspectives of China to become the World's leader. The suggested concept of leadership, which includes such basic factors as the strategical power, attractiveness of political institutions, ability to create ideas and find allies, is aimed to analyze the complex leadership potential of the country. The author believes that the so-called "Trump factor", which explicitly refers to the USA's withdrawal from TPP and the Paris agreement on climate change, will result in a rising demand for the Chinese leadership. However, in this case, there are certain questions to be answered: is China ready for such a leadership? Is it capable of taking such a great responsibility towards the international community? Does it have sufficient potential? The authors claim that during the upcoming 20–30 years China will not become the*

global leader, because of the internal and external political issues.

KEYWORDS: *leadership, China, foreign policy, "One belt, One Road", globalization*

FOR CITATION: Mikheev V.V., Lukonin S. A., Ignatev S.V. (2017). China and global leadership. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 152-161. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161

Прежде чем начинать рассматривать Китай в качестве глобального лидера, стоит обратить внимание на теоретическое содержание самой концепции лидерства, которая содержит в себе несколько основных компонентов. С нашей точки зрения, интерес здесь представляет, собственно, китайский

взгляд на данную проблему. Во-первых, важна стратегическая мощь – то, что в Китае иногда называют «совокупная общественная мощь». Данный компонент подразумевает способность государства оказывать влияние на все сферы международно-политической и экономической жизни, включая военную, политическую, экономическую и гуманитарную области (Jin Canrong, 2014, p. 224). Во-вторых, серьезную роль играет фактор привлекательности политических и экономических институтов, а также идеологических конструкций того или иного государства. В-третьих, немаловажное значение имеет способность страны выдвигать идеи, приемлемые для остального мира. И наконец, четвертый фактор – это наличие у государства союзников в деле осуществления и продвижения политики лидерства.

Дополнительно в концепции лидерства важно учитывать то, какие цели преследует государство при проведении своей политики: доминирование или ответственность. Если государство преследует идею доминирования над другими участниками международных отношений, оно должно отдавать себе отчет в том, что такая политика отталкивает и порождает потребность противодействовать. Идея ответственности, в свою очередь, привлекательна, но сопряжена с рисками торможения реализации собственных интересов и соответствующими национальными потерями.

В 2017 г. тема китайского лидерства становится более актуальной, формальным поводом послужило заявление председателя КНР Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., на котором было сказано о готовности Китая «играть роль лидера глобализации и борьбы с протекционизмом». Данная тема широко обсуждается в китайских СМИ и на

парламентской сессии ВСНП, состоявшейся в марте 2017 г. Все это указывает на то, что лидерские амбиции Китая начинают нарастать (Jin Kai, 2017, p. 192).

Основные причины такого интереса к китайскому лидерству можно свести к внутривнутриполитическим, внешнеполитическим и экономическим факторам.

Внутриполитические причины связаны с приближающимся 19-м съездом КПК, на котором Си, вероятно, попытается упрочить свою власть и стать в действительности «ядром партии». Кроме того, на фоне масштабной борьбы с коррупцией, недовольные и пострадавшие от которой обвиняют Си Цзиньпина в том, что данная кампания приводит к спаду экономики и потере внешних позиций Китая, ему крайне важно показать свою силу. Отсюда Си Цзиньпин стремится использовать внешний фактор, фактор китайского лидерства, в том числе касательно отношений с другими странами в качестве одного из лидеров, а не ведомого игрока, для укрепления своих позиций накануне съезда (Михеев, Луконин, Игнатъев, 2017, с. 23–32).

Внешиполитические мотивы активизации китайской политики просматриваются в так называемом «факторе Трампа». Выход США из Транстихоокеанского партнерства и из Парижского соглашения по климату рождает в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и в мире в целом новый международный спрос на китайское лидерство.

Экономические причины вызваны замедлением китайской экономики, в том числе уменьшением спроса на китайскую продукцию на мировых рынках в условиях «новой нормальности» (Ma Jiantang, 2017, p. 73–78). Учитывая, что маневры китайского правительства в сфере экономики за счет расширения внутреннего спроса не предотвращают общего замедления темпов роста экономики Китая, Пекин осуществляет

переход от экспорта товаров к экспорту капитала. На деле же Китаю продолжают не доверять, а также опасаться его экономической экспансии (Abrami, Kirby, McFarlan, 2014, p. 288). В связи с этим Пекин стремится упростить и сделать более комфортным выход китайского капитала и товаров на ведущие мировые рынки, включая Африку, Латинскую Америку и т.д.

Механизмы осуществления китайского лидерства по своей форме носят глобальный и региональный характер, а по содержанию являются идейно-политическими, экономическими, военными и иными. Прежде всего, стоит обратить внимание на глобальные идейно-политические механизмы (Delisle, Goldstein, 2017, p. 365). Здесь мы не видим от Китая каких-либо прорывов или даже намеков на что-либо такое приемлемое и понятное. Пекин пока не может предложить миру конкретную привлекательную идею, ограничиваясь общими заявлениями о построении «мира с общей судьбой». Серьезным ограничителем этого механизма является неспособность вбросить в мировое сообщество нечто действительно значимое в доктринальном смысле.

Стратегическая проблема Китая состоит в том, что свое лидерство он может осуществить только во взаимодействии, пусть и конкурентном, с существующими глобальными лидерами и другими ориентирующимися на них странами при отказе от противодействия им. И чтобы иметь успех, Китай должен будет предлагать новые идеи, приемлемые для остального мира.

Главным глобальным экономическим инструментом продвижения интересов Китая является концепция «Один пояс, один путь» (включает Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века), главная цель которой за счет инвести-

ций в инфраструктуру многих стран мира создать площадку для выхода китайского капитала и китайских товаров за рубеж, а также загрузить китайские мощности в условиях, когда внутренний спрос не обеспечивает полного спроса на производимую продукцию (Griffiths, 2017, p. 260).

В проекте Шелкового Пути (ЭППП) окончательно закрепляются политическая и военно-политическая составляющие. Пекин намерен проводить глобальный Форум (первый Форум состоялся в мае 2017 г.) по этой теме раз в два года, создавая тем самым регулярную площадку политического общения с лояльными Пекину мировыми лидерами и участниками «Пояса и пути». Преимущество такого формата по сравнению с другими (ШОС, БРИКС, АТЭС, АСЕАН и др.) Пекин усматривает в том, что он будет полностью опекаться Китаем, а повестка дня встреч высшего уровня – формироваться Пекином.

Вместе с тем не все страны приветствуют новые направления развития данной инициативы. На майском форуме 2017 г. ведущие страны ЕС (Германия, Франция, а также Великобритания) отказались от подписания предложенной Пекином итоговой резолюции, обвинив китайскую сторону в «неправомерных действиях» в отношении Восточной Европы. По мнению европейцев, инвестиционная активность Китая в Восточной Европе «не учитывает интересов ведущих стран ЕС». Такого рода политические демарши негативно скажутся на общей политической атмосфере реализации инициативы ЭППП.

Китай, придумав и предложив миру свои концепции, Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века, рассчитывает на то, что страны будут принимать его инвестиции в развитие своей инфраструктуры и делать китайский капитал более

привлекательным, а также на доступ к экономическим площадкам. Не случайно, что в стратегическом смысле эти концепции не ограничиваются железнодорожной колеей и автомобильными дорогами, но подразумевают создание экономических кластеров развития (Wang Yiwei, 2016, p. 214).

С 2013 г. Китай постоянно расширяет географию действия концепции «Один пояс, один путь», в том числе за счет Новой Зеландии, Африки и Австралии. Африка занимает особое место в китайской инициативе «Пояса и пути»: во-первых, как регион-реципиент китайских инфраструктурных проектов, во-вторых, как территория базирования китайских военноморских подразделений для защиты маршрутов, реализуемых в рамках построения Морского Шелкового пути XXI века (Li Xing, Farah, 2013, p. 222).

Однако конкретных экономических проектов для продвижения китайской инициативы, таких, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд «Шелкового пути» и Банк развития БРИКС, немного. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что отток капитала из Китая приводит к сокращению инвестиций в проекты Шелкового пути. В настоящее время в проекте «Один пояс, один путь» участвуют более 100 стран, с 40 государствами из которых подписаны соглашения о сотрудничестве. Среди достижений можно отметить, что к концу 2016 г. объем инвестиций в эти страны превысил 18,5 млрд долларов США, а также было создано 180 тыс. рабочих мест¹. Вместе с тем уже в январе-феврале 2017 г. объем китайских прямых инвестиций в нефинансовый сектор зарубежных стран со-

кратился на 52,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года².

Одновременно с этим отмечается негативная тенденция, при которой китайские компании инвестируют в непрофильные для себя направления, например покупки китайскими компаниями зарубежных футбольных клубов. Кроме того, «многие китайские компании под видом инвестирования за рубежом в нарушение законов выводят на иностранные счета средства и скупают иностранную валюту»³.

В целом китайскому проекту «Пояса и пути» не хватает институционального оформления. В погоне за подтверждением своего лидерства в глобализации Китай сам же размывает повестку дня. Постепенно проект превращается в «китайскую мечту». Большая часть партнеров до сих пор не понимает, что такое «Пояс и путь». Это порождает завышенные ожидания, которые могут быстро смениться разочарованием. Например, представители стран Латинской Америки характеризуют проект «Пояс и путь» как универсальное лекарство от всех «экономических болезней».

В настоящее время появляется два четко обозначенных лагеря: с одной стороны, недостаточно развитые малые страны (например, в Восточной Европе), которые воспринимают китайский проект в качестве беспрепятственного получения дополнительных инвестиций, с другой – индустриально развитые страны, которые в целом поддерживают проект, но с оговорками. Отсутствие идеологии, в свою очередь, оставляет нерешенным вопрос:

1 В Китае создан Союз зон международного сотрудничества в области производственных мощностей в рамках «Пояса и пути». URL: http://russian.news.cn/2017-03/26/c_136158929.htm (Дата обращения: 26.06.2017)

2 Экономическое обозрение: Китай в этом году может выйти из числа чистых экспортёров капитала. URL: http://russian.news.cn/2017-03/27/c_136162086.htm (Дата обращения: 26.06.2017)

3 Там же.

как стремление Китая к поддержке глобализации сочетается с наличием внутренних ограничений внутри страны, таких, как Интернет, денежный оборот и протекционизм?

В связи с выходом США из ТТП первой попыткой Китая стать лидером глобализации была идея возврата к созданию зоны свободной торговли (ЗСТ) в АТР. Однако без участия США в данном проекте он вряд ли способен осуществиться, ввиду опять же отсутствия конкретных предложений. Другим вариантом является создание Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) на базе АСЕАН. Здесь по сравнению с Транстихоокеанским партнерством заложена более простая интеграционная схема, которая больше ориентируется на таможенные тарифы, а не на стандарты, инвестиции или защиту интеллектуальной собственности, как в случае с ТТП. Однако у стран – участниц РВЭП сохраняются опасения по поводу китайской экспансии (Basu Das, 2014, p. 57). Сохраняется и третий вариант – возврат к переговорам о зоне свободной торговли между Китаем, Японией и Южной Кореей. Но в данном случае воплощение этой идеи в жизнь затрудняется китайско-японскими и японо-южнокорейскими политическими противоречиями (Dittmer, Ngeow Chow Bing, 2017, p. 300).

Китай проявляет осторожный интерес к ТТП, но пока только присматривается к возможности взять на себя роль лидера. Выступая в качестве региональной державы, Китай больше всего заинтересован в разрешении конфликтов вокруг Северной Кореи и в Южно-Китайском море. Пекин, впрочем, не готов брать на себя конкретные обязательства, хотя Китай и страны АСЕАН формально согласовали основные положения Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море.

Однако страны АСЕАН неоднозначно реагируют на китайские действия в Южно-Китайском море. В данном случае было бы интересно взглянуть на позиции Филиппин и Вьетнама. Филиппины, как представляется, ведут тройную политику по отношению к Китаю. На уровне президента Р. Дутерте считается, что Китай – это друг, хотя на уровне армейской верхушки по-прежнему придерживаются другой точки зрения. МИД и правительственная бюрократия маневрируют между этими подходами. Вьетнам, в свою очередь, заинтересован в торговле и финансовой помощи со стороны Китая, но боится попасть в экономическую зависимость от Пекина. Ситуация в Северной Корее характеризуется отсутствием перспективных идей решения ракетно-ядерной программы Пхеньяна, а также стремлением Китая переложить вину и ответственность на США.

В военной сфере Китая также заметна активизация. Речь идет об испытаниях баллистической ракеты с десятью разделяющимися боеголовками, которые рассматриваются в Пекине как серьезный шаг на пути укрепления стратегических сил, модернизации военно-морского флота и увеличении в 5 раз (до 100 тысяч человек) численности морской пехоты (Geostrategy-Direct, 2017, p. 16). Строятся планы по созданию морских баз в Джибути, Гвадаре, Брунее, Омане, Шри-Ланке, на Мальдивах, что усиливает подозрения в отношении Китая у стран АСЕАН, Индии и Японии. Одновременно с этим Китай заявляет, что усиление его ядерной мощи и военно-морских сил не несет никому угроз: все это происходит на фоне общего сокращения вооружённых сил на 300 тыс. человек, а рост военных расходов остается ниже 10-процентной отметки (7%).

Несмотря на разногласия между Китаем и США, Вашингтон по-прежнему

остаётся главным партнером Китая в деятельности по реализации китайского глобального лидерства (Во Zhiyue, 2017, р. 304). В двусторонних отношениях острыми остаются такие темы, как претензии Вашингтона к Пекину по «манипулированию валютным курсом», «рыночной закрытости», стремлению к военному доминированию в Южно-Китайском море, секретности данных о ядерном потенциале, недостаточному взаимодействию по Северной Корее, а также претензии Пекина к Вашингтону по вопросам ПРО в Южной Корее и военной активности США в Южно-Китайском море⁴. Немаловажной остаётся проблема, касающаяся того, под чьим лидерством будет осуществляться формирование архитектуры торгово-экономических отношений в АТР.

Рассматривая американо-китайские отношения в контексте глобального лидерства, важно отметить, что в американском экспертном сообществе существует мнение, что у Китая иное, отличное от США представление о суверенитете, а именно скептическое отношение к мировым политическим и экономическим институтам, нормам и принципам международных отношений, созданных без его участия (Алексенкова, 2015).

Китайско-американский саммит на высшем уровне, состоявшийся в апреле 2017 г., не привел к прорыву в двусторонних отношениях. Его можно считать успешным в плане создания новых диалоговых каналов общения между китайским и американским руководством. Однако вопрос о том, каким содержанием и с какой тональностью эти каналы будут наполняться, оста-

ется открытым. Варианты сближения или конфронтации Китая и США по-прежнему остаются как почти равновероятные. Однако сам факт создания новой атмосферы и новой инфраструктуры китайско-американских отношений позволяет утверждать, что это «почти», скорее, в пользу сотрудничества, хотя по-прежнему и конкурентного, чем конфронтации⁵.

Вероятно, в среднесрочной перспективе Китай не заменит США как глобального лидера, но укрепит свои позиции в качестве нового центра экономического мира и займет место одного из военно-политических центров. Экономика продолжит играть ведущую роль во внешней политике Китая. Пекин едва ли сможет сформулировать новую идею глобального развития, но необходимость развития ЭПШП будет стимулировать его строить хорошие отношения с соседями и странами – участниками проекта. Будут выровнены отношения с Японией, Южной Кореей и некоторыми странами АСЕАН, так как Китай будет заинтересован в демонстрации доброй воли для успешной реализации проекта. В тоже время японские и южнокорейские компании, скорее всего, примут участие в реализации проекта «Пояс и путь».

В целом пространство ЭПШП не станет стремиться к жесткому наднациональному регулированию, в то же время его реализация будет способствовать взаимопроникновению национальных экономик. Структура ЭПШП останется гибкой, опираясь на принципы проектного финансирования и последующего

4 Михеев В.В., Луконин С.А. Китай: «глобальное лидерство» как ресурс борьбы за власть. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3006 (Дата обращения: 29.08.2017)

5 Михеев В.В., Ломанов А.В., Луконин С.А. Саммит Китай-США. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3074 (Дата обращения: 03.07.2017)

сближения норм регулирования отдельных стран. Реализация проекта при эффективном переговорном процессе со странами-участницами будет являться драйвером не только китайской экономики, но и экономик стран – участниц проекта.

В среднесрочной перспективе проект «Пояс и путь» может быть реализован с ограничениями. При реализации проекта возникнет сеть двусторонних договоров и зон свободной торговли, однако полноценное интеграционное объединение создано не будет. Китай не пойдет на формирование союзнических отношений с другими странами, но будет пытаться завоевывать симпатии и поддержку финансовыми вливаниями и постепенным наращиванием активности по решению региональных или глобальных проблем.

России в новой стратегии глобального лидерства Китай отводит двоякую роль. С одной стороны, китайские руководители на самом высоком уровне продолжают говорить о сегодняшних отношениях с Россией как о наилучших за всю историю. Но в то же время Китай не предполагает обсуждения и координации с Россией своих шагов по обеспечению глобального лидерства, будь то военная активность в Африке или нормализация отношений с США, которая может происходить и без учета российских интересов. В двусторонних отношениях отсутствуют механизмы обсуждения того, какие риски и вызовы для России могут содержать те или иные шаги Пекина по обеспечению своего глобального лидерства. Проблемные моменты очевидны. Расгущая вероятность попадания в экономическую зависимость от Китая (выполнение условий, следование китайским стандартам, использование китайских технологий и материалов и т.д.), а также безальтернативная политическая поддержка Китая в АТР против США могут создать ненужные до-

полнительные сложности в отношениях Москвы и Вашингтона, особенно на фоне попыток их нормализации. Позиция Китая по Сирии показала, что Пекин выстраивает отношения с Вашингтоном по собственной логике и пока не готов активно вмешиваться в сирийский конфликт.

Товарооборот России с США на порядок меньше уровня китайско-американского экономического сотрудничества. Интересы Москвы в регионе Южно-Китайского моря незначительны. По Тайваню она занимает прокитайскую позицию. Единственной сферой потенциального подключения России к взаимодействию Китая и США остается северокорейская проблема, где принципиальные позиции по недопустимости обладания Пхеньяном ядерным оружием полностью совпадают, но представления о том, как это сделать, расходятся. Вместе с тем в стратегическом контексте настораживающим выглядит тренд последнего времени: нарастающее отчуждение американского истеблишмента от России. Для многих его представителей Москва уже является более неудобным игроком, чем Пекин. Последствия этой реальности требуют особого осмысления.

Список литературы

Алексеев Е.С. (2011). Глобальное лидерство Китая: взгляд из США. *Вестник МГИМО университета*, (2), 56–63.

Михеев В.В., Луконин С.А., Игнатъев С.В. (2017). Китай: фактор съезда и фактор Трампа. *Мировая экономика и международные отношения*, 61 (6), 23–32.

Abrami R.G. Kirby W.C., McFarlan F.W. (2014). *Can China Lead? Reaching the Limits of Power and Growth*. N.Y.: Harvard Business Review Press. 288.

Basu Das S. (2014). *The Political Economy of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and the Trans-Pacific Partnership (TPP) Agreements: An ASEAN Perspective*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies. 57.

Bo Zhiyue. (ed.). (2017). *China – US Relations in Global Perspective*. Wellington: Victoria University Press. 304.

Canrong J. (2014). *Prosperity in China: International Responsibility and Opportunity for a Growing Power*. N.Y.: McGraw-Hill Education. 224.

Delisle J., Goldstein A. (eds.). (2017). *China's Global Engagement: Cooperation, Competition, and Influence in the 21st Century*. Washington: Brookings Institution Press. 448.

Dittmer L., Ngeow Chow Bing. (eds.). (2017). *Southeast Asia and China: A Contest in Mutual Socialization*. London: World Scientific Publishing Company. 300.

Griffiths R.T. (2017). *Revitalising the Silk Road: China's Belt and Road Initiative*. Leiden: Hipe Publications. 260.

Jin Kai. (eds.). (2017). *Rising China in a Changing World: Power Transitions and Global Leadership*. Singapore: Palgrave Macmillan. 192.

Li Xing, Farah A.O. (eds.). (2013). *China-Africa Relations in an Era of Great Transformations*. Burlington: Routledge. 232.

Ma Jiantang. (2017). The Prospect, Features, and Focus of the Chinese Economy Under the New Normal. *Qiushi Journal*, 9 (1). 73–78.

Wang Yiwei. (2016). *The Belt and Road: What Will China Offer the World in Its Rise*. Beijing: New World Press. 220.

Alekseenkova E.S. (2011). China's Global Leadership: a Look from the United State. *Vestnik MGIMO universiteta*, (2). 56–63.

Basu Das S. (2014). *The Political Economy of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and the Trans-Pacific Partnership (TPP) Agreements: An ASEAN Perspective*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies. 57.

Bo Zhiyue. (ed.). (2017). *China – US Relations in Global Perspective*. Wellington: Victoria University Press. 304.

Canrong J. (2014). *Prosperity in China: International Responsibility and Opportunity for a Growing Power*. N.Y.: McGraw-Hill Education. 224.

Delisle J., Goldstein A. (eds.). (2017). *China's Global Engagement: Cooperation, Competition, and Influence in the 21st Century*. Washington: Brookings Institution Press. 448.

Dittmer L., Ngeow Chow Bing. (eds.). (2017). *Southeast Asia and China: A Contest in Mutual Socialization*. London: World Scientific Publishing Company. 300.

Griffiths R.T. (2017). *Revitalising the Silk Road: China's Belt and Road Initiative*. Leiden: Hipe Publications. 260.

Jin Kai. (eds.). (2017). *Rising China in a Changing World: Power Transitions and Global Leadership*. Singapore: Palgrave Macmillan. 192.

Li Xing, Farah A.O. (eds.). (2013). *China-Africa Relations in an Era of Great Transformations*. Burlington: Routledge. 232.

Ma Jiantang. (2017). The Prospect, Features, and Focus of the Chinese Economy Under the New Normal. *Qiushi Journal*, 9 (1). 73–78.

Mikheev V.V., Lukonin S.A., Ignat'ev S.V. (2017) China: Congress Factor and Trump Factor. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61 (6). 23–32.

Wang Yiwei. (2016). *The Belt and Road: What Will China Offer the World in Its Rise*. Beijing: New World Press. 220.

References

Abrami R.G. Kirby W.C., McFarlan F.W. (2014). *Can China Lead? Reaching the Limits of Power and Growth*. N.Y.: Harvard Business Review Press. 288.

Информация об авторах

Василий Васильевич Михеев, академик РАН, доктор экономических наук, заместитель директора, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
mikheev@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-6844-3196

Сергей Александрович Луконин, кандидат экономических наук, заведующий, сектор экономики и политики Китая, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
Lukonin.SA@rea.ru
ORCID: 0000-0002-8120-0420

Сергей Владимирович Игнатьев, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23

About the Authors

Vasily V. Mikheev, Academician of Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
mikheev@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-6844-3196

Sergey A. Lukonin, Cand. Sci. (Economics), Head of Section of Economy and Politics of China, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
Lukonin.SA@rea.ru
ORCID: 0000-0002-8120-0420

Sergei V. Ignatev, Junior Research Associate, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-162-171

Андрей Дмитриевич ДИКАРЕВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
andreydikarev@yahoo.com

Китай – Япония: территориальный конфликт или региональная кооперация?

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются некоторые последние тенденции в экономических и политических отношениях между Японией и КНР. Приведены оценки и выводы японских, западных и российских ученых относительно китайского курса кабинета Синдзо Абэ и японской составляющей китайской внешней политики при президенте Си Цзиньпине. Отдельно рассмотрены имеющие признаки «двойных стандартов» подходы обоих государств к территориальным спорам и стратегии освоения островов в открытом море. Разногласия между Японией и Китаем чреваты дальнейшей конфронтацией, особенно на фоне усиления позиций Китая в АТР. Тем не ме-

нее территориальный вопрос, очевидно, будет решаться преимущественно в процессе экономического соревнования между Японией и Китаем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Япония, КНР, острова, международные отношения, территориальные конфликты, экономическое сотрудничество, геополитика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дикарев А.Д. (2017). Китай – Япония: территориальный конфликт или региональная кооперация. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 162-171. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-162-171

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-162-171

Andrey D. DIKAREV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
andreydikarev@yahoo.com

China and Japan: Territorial Conflict or Regional Cooperation?

ABSTRACT. *About some recent trends in economic and political relations between Japan and China. The opinions and conclusions of Western Russian and Japanese scholars with regard to the Chinese policy of Shinzo Abe government and Japanese aspects of Chinese foreign policy under Xi Jinping are considered. Special attention is paid to the ambiguous attitudes of both states to territorial conflicts and their strategy of exploration of islands in the open sea. Evident traces of “double standards” can be revealed in the political declarations and actions of both countries. Controversies between China and Japan are dangerously aggravating especially with a prospect of strengthening China’s positions in the Asia-Pacific region. Nevertheless solving of territorial question will depend mainly on the outcome of economic rather than military competition between China and Japan.*

KEYWORDS: *Japan, China, islands, international relations, territorial conflicts, economic cooperation, geopolitics*

FOR CITATION: Dikarev A. D (2017). China and Japan: territorial conflict or regional cooperation? *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 162-171. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-162-171

Сэнкаку и внешнеполитический курс кабинета Синдзо Абэ

Открытие запасов нефти и газа в Восточно-Китайском море побудило правительство Китая и власти Тайваня в 1970-х гг. сделать первые заявления о своих притязаниях на территориальный суверенитет над островами Сэнкаку. Любопытно, что до этого момента по поводу суверенитета Японии над островами не поступало никаких возражений со стороны какой-либо страны или региона. Заметим при этом, что публикация в 1947 г. Китаем пресловутой «одинадцатипунктирной» (теперь – «девятипунктирной») линии¹ равным образом не вызвала тогда особых возражений у мирового сообщества. Об истории всех этих конфликтов и их недавней эскалации уже имеется множество публикаций, в рамках данной статьи остановимся лишь на некоторых аспектах проблемы.

По мнению японского ученого Акихиро Ивасита, Япония рассматривает Китай как угрозу, которая в дальнейшем будет провоцировать кризис вокруг Сэнкаку. Все это помогает убедить США заключить союз с Японией, как бы в пику недавнему предложению

¹ Два пунктира исчезли с китайских карт в 1952 г., когда Мао Цзэдун отказался от претензий на Тонкинский залив ради налаживания дружеских отношений с социалистическим Вьетнамом. См.: Beech H. Just Where Exactly Did China Get the South China Sea Nine-Dash Line From? URL: <http://time.com/4412191/nine-dash-line-9-south-china-sea/> (Accessed: 03.10.2016).

Китая о новом типе «отношений великих держав» с США. Сэнкаку постепенно становится огромной, искусственно сконструированной проблемой, имеющей потенциал «превращения в политического монстра» (Ивасита, 2015, с. 39). Недавняя бурная деятельность Абэ способствует, как полагает Ивасита, оправданию действий Китая. О чем идет речь?

Возможно, в первую очередь о том, что в качестве лидера партии, завоевавшей в конце 2012 г. парламентское большинство, Абэ попытался было заявить о желательности изменения конституции страны. В ответ на критику Китая и Республики Корея Синдзо Абэ в ходе заседания парламента Японии отметил, что «не поддастся угрозе», и в полемическом задоре заявил даже, что «в науке и на международном уровне нет окончательного решения об определении агрессии».

Передовая статья газеты *The Wall Street Journal* от 27 апреля 2013 г. отмечает, что из-за бесстыдных речей Синдзо Абэ Япония потеряет всех своих иностранных друзей. Другая американская газета, *The Washington Post*, также выступила с критикой в адрес японского премьер-министра, заявляя, что Синдзо Абэ не может трезво оценивать историю, ему не понять возмущения Китая и Республики Корея².

Поэтому вряд ли приходится рассчитывать на то, что Абэ приедет в КНР на 80-ю годовщину Нанкинской резни и произнесет слова покаяния от имени государства, как это сделал в 1970 г. канцлер Германии В. Брандт, посетив Польшу и возложив цветы к мемориалу борцам с фашизмом.

Другие японские и западные ученые рассматривают внешнеполитический курс Абэ в ином ключе: премьер Абэ хорошо понимает, что возрождение Китая в качестве крупнейшей экономической, политической и военной силы в регионе – это вызов для Японии. В то же время очевидно, что географическое положение Японии, ее экономические связи в регионе и сама история соперничества с Китаем означают, что Япония не может самоизолироваться и оставаться в стороне от тенденций, с которыми сталкивается регион.

Абэ видит эти тенденции, и похоже, что его кабинет избрал такую политику, которая направлена не столько на открытое соперничество с Китаем, сколько на своего рода торможение контактов, дословно «упреждение, предотвращение» (防范, 予防). Цель – сохранить все выгоды от торговых отношений, но избегать слишком тесного общения. Вероятно, это не «сдерживание» в привычном политологическом смысле этого слова, а переориентация отношений на многих уровнях согласно традиционной модели, существующей еще со времени средневековья, когда страна не пыталась изолироваться от Китая, но и не тягалась с ним силами.

Возврат к этой тысячелетней стратегии позволит Японии, по мнению некоторых специалистов, избежать гонки вооружений с Китаем, сохранить послевоенную пацифистскую традицию и строить отношения с Китаем на своих условиях, стремясь по мере возможностей не оказаться в уязвимом положении под влиянием столь огромной соседней страны³.

2 См.: Ито Нарихико. Сбившийся с истинного пути кабинет Синдзо Абэ URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8231360.html>. (Дата обращения: 11.10.2016)

3 См.: Nagy St. Revealed: Japan's New China Strategy Has Ancient Roots. URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/revealed-japans-new-china-strategy-has-ancient-roots-16478?> (Accessed: 20.10.2016)

В экономическом смысле это уже ощущается.

Во-первых, вслед за территориальными конфликтами последних 10 лет, которые отрицательно повлияли на японский бизнес в Китае, он определенным образом переориентировался: ранее китайская промышленная сеть использовалась как платформа для глобального продвижения японских продуктов, сделанных в Китае, а теперь – учитывая емкость китайского рынка – китайские продукты делаются китайцами для китайцев по японским технологиям. Это дает возможность японскому бизнесу продолжать получать выгоду от китайского рынка, при этом изолироваться от возможных политических проблем типа споров насчет Сэнкаку.

Во-вторых, Япония пытается переориентироваться на АСЕАН в экономике, и дальнейшее «сдерживание» Китая возможно лишь при развитии горизонтальных связей с соседями. Например, размещение японских производств во Вьетнаме – это путь к новым возможностям экспорта в США, Австралию и другие страны.

Но в политическом плане все выглядит не так оптимистично. Развитие спора по островам Сэнкаку является доминирующей темой раздора между двумя странами, проблема далека от разрешения, переходя от одного цикла к другому. Наблюдатели полагают, что у Токио есть определенные мотивации, чтобы идти на обострение территориальных споров в регионе. Премьер Синдзо Абэ, известный своим стремлением «проявить твердость», демонстрирует

новый «авторитарный тренд»⁴. Абэ, судя по его выступлениям, по-прежнему мечтает вернуть своей стране былое величие и изменить навязанную Японии «американскими оккупантами» пацифистскую конституцию.

Российский политолог-японист С. Чугров обратил внимание на недавнее высказывание Абэ о том, что новое поколение японцев надо воспитывать в духе гордости за историю Японии. Означает ли это, что скоро появятся новые школьные учебники, в которых варварские карательные акции японской императорской армии в Китае будут называться просто обычными «военными операциями»? (Чугров, 2015, с. 24).

В связи с этим российские ученые неизменно упоминают долгоиграющий «исторический» фактор международных отношений в регионе: многие народы Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии крайне критически относятся к Японии, поскольку не могут забыть преступлений императорской армии во время Второй мировой войны. Столь же негативно они воспринимают любые попытки усиления роли Токио в регионе⁵.

Некоторые соображения о политике Китая в отношении Японии

Учить японцев уму-разуму – обычная история для Китая, откуда в Японию были принесены многие культурные традиции. В Китае до сих пор считают, что полезно проявлять перед японцами определенную «крутиз-

4 Вместе с Абэ в этом списке и президенты России и Турции. С Абэ их объединяет то, что в своей политике они делают ставку на национализм и традиционные культурные ценности.

5 Эти опасения сблизил даже недругов. Например, в конфликте вокруг островов Токто Пхеньян, редко упускающий шанс покритиковать «марионеточный режим» Сеула, целиком его поддержал. А Тайвань однозначно поддерживает Китай по проблеме принадлежности Дяоюйдао / Сэнкаку (Чугров, 2015, с.24).

ну», считает известный российский эксперт-востоковед В. Кашин⁶.

Китаю не нравится политика Японии, не нравится то, что она является союзником США и пытается играть собственную роль в АТР. Нужно этим тенденциям противостоять, не ослаблять напряжение⁷. Япония – страна со слабостью, по мнению КНР, политической системой: если не снизить давление, она сама будет искать контакта с Китаем.

В этом смысле проблема островов, по мнению В. Кашина, полезна. Понятно, почему она возникла в 1970-х гг., сразу после восстановления дипотношений между Китаем и Японией, – надо создавать давление. Цель – заставить Японию признать, что есть юридический спор. Раз есть спор, значит, нужны переговоры, а там пусть они делятся десятилетиями – Китай рано или поздно добьется своего. Считающийся ныне образцом политической мудрости Дэн Сяопин предложил японцам в свое время оставить территориальный вопрос будущим поколениям. Напомним, что до Си Цзиньпина и выдвинутой им стратегической инициативы «Один пояс – один путь» внешняя политика Китая исходила главным образом из постулата Дэна «таогуан янхуэй» (韬光养晦 – держаться в тени и ждать своего часа) (Денисов, 2015, с.42).

Теперь же китайская внешняя политика носит все более наступательный характер. В ходу концепция, в основе которой лежит представление, что боль-

шой державе надлежит вести особую, соответствующую ее положению в мире внешнюю политику – «да го вайцзяо» (国外交). Применительно к Японии успех, видимо, в том, что японцы вроде как уже согласились с тем, что есть разные точки зрения по вопросу Сэнкаку. Но этого недостаточно, надо заставить Японию вступить в переговоры, а там уже можно и нужно «дожимать».

Можно вспомнить в этой связи давнее интервью проректора МГИМО А. Богатурова: «У китайцев нет и тени сомнения по поводу принадлежности островов. Они считают их своей суверенной территорией, и было бы верхом абсурда приписывать им западный образ мыслей. Для лидеров КНР не существует понятия «территориальный спор». У них железобетонная логика: ни одна держава не может претендовать на земли, объявленные однажды частью Китая»⁸.

Весной 2016 г. Китай направил военный корабль к спорным островам⁹. Для японцев это очень болезненно. Чем вызвана такая эскалация со стороны Китая? Это ответ японцам и американцам на то, что на саммите семи индустриальных стран, только что прошедшем в Японии, было принято заявление о необходимости обеспечить свободу судоходства и о недопустимости изменения статус-кво с помощью силы. Правда, Китай в документе не упоминался. Но всем очевидно, что именно против Китая принята эта резолюция¹⁰.

6 Кашин В. Ответы на вопросы о территориальных спорах с участием КНР. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLGxLXuMNB9NUroBU2q_3C5UJuW9Mz8b7 (Дата обращения: 20.09.2016)

7 Любопытно и характерно, что КНР – единственная из стран ШОС, резко осудившая приглашение японского журналиста на Форум ШОС в Ханты-Мансийске в 2015 г.

8 См.: Богатуров А. Борьба двух самолюбий. Япония и Китай не могут преодолеть исторические противоречия. URL: old.mgimo.ru/news/media/document165383.phtml. (Дата обращения: 03.10.2016)

9 При этом незадолго до того, в октябре 2015 г., Китай сам резко критиковал как «провокационный» проход американского противоракетного корабля в 12-мильной зоне вокруг возводимых в ЮКМ искусственных сооружений на острове Суби.

10 Это мнение в беседе с «Независимой газетой» выразил руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН В. Кистанов (См.: Скосырев В. Корабли ВМФ РФ нервнируют японцев. *Независимая газета*. 10.06.2016 URL: www.ng.ru/world/2016-06-10/1_rf_japan.html. (Дата обращения: 3.10.2016)

Освоение островов в открытом море: подходы Китая и Японии

Конечно, в любых территориальных спорах важное значение имеет желание отстаивать государственный престиж всеми возможными способами, причем это относится не только к молодым государствам, как иногда полагают (Иванов, Лукин, 2015, с. 405). При этом совершенно ясно, что Японии и Китаю, равно как и другим прибрежным государствам, важны не столько клочки суши в далеких морях, отстоящие от берегов на тысячи километров, сколько сырьевые ресурсы вокруг, а также возможность (при необходимости) контролировать морской и воздушный трафик в зоне, через которую проходит 60% мирового товарооборота, и в том числе 80% импортируемых Японией энергоресурсов. Не случайно Ван Илин, председатель государственной китайской корпорации «Офшор Ойл», назвал передвижные буровые платформы «стратегическим оружием Китая», частью «мобильного государственного суверенитета»¹¹.

Обладание полноценными островами создает, согласно Конвенции ООН по морскому праву, исключительную экономическую зону (ИЭЗ) в 200 миль. Юрисдикция над безжизненными скалами дает право на 12-мильное территориальное море вокруг (в случае бесспорного суверенитета). Искусственные острова не дают никаких прав на окружающие их воды. Но Китай, как видно из событий последних трех лет, трактует международное морское право по-своему, поступая при этом согласно принципу «владеть не обяза-

тельно – важнее использовать». Хотя заявляет при этом о «неоспоримом суверенитете» (无可争议主权) почти на все участки суши в ЮКМ. При этом речь идет именно о суше, а не о самом море, на чем в последнее время настаивают китайские ученые, реагируя на обвинения в присвоении Китаем 80% территории Южно-Китайского моря¹². Ранее китайские официальные лица чаще говорили о «морских границах». Похоже, что эта новая тенденция вполне вписывается в поставленную Си Цзиньпином в июле 2013 г. задачу «трансформировать практику защиты морских интересов».

Короче говоря, масштабное строительство искусственных островов на семи рифах и отмелях Южно-Китайского моря (ЮКМ) можно считать свершившимся и необратимым фактом. Вопрос теперь в том, как делить море и его ресурсы с соседями. Китай давно и неизменно настаивает, что это должно решаться строго на двусторонних переговорах, и протестует против «интернационализации спора», на что так же неизменно указывают все эксперты в любых публикациях на эту тему (Иванов, Лукин, 2015, с. 411). Однако, учитывая тот факт, что территориальные претензии в ЮКМ страны АСЕАН имеют и друг к другу, ситуация кажется пока что неразрешимой.

Но легче ли решить территориальный спор, если в нем задействовано только две стороны? Как показывает история пограничного урегулирования между Россией и Китаем, при наличии доброй воли и готовности идти на компромиссы это вполне возможно. Поэтому следует согласиться с мнени-

11 См.: Parag Kh. The Brilliance of China's Grand Strategy: Don't 'Own' Land, Just 'Use' It. URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/the-brilliance-chinas-grand-strategy-dont-own-land-just-use-15741/> (Accessed: 15.10.2016).

12 См.: Beech H. Just Where Exactly Did China Get the South China Sea Nine-Dash Line From? URL: <http://time.com/4412191/nine-dash-line-9-south-china-sea/> (Accessed: 03.10.2016).

ем о том, что отношения не потому не урегулированы, что существует территориальная проблема, а, наоборот, стороны не в состоянии разрешить проблему, поскольку их отношения недостаточно хороши (Чугров, 2015, с. 25). Политические же отношения Японии с Китаем пока что весьма далеки от того, чтобы считаться «хорошими».

Япония в лице премьер-министра Абэ поддержала заключение Гаагского трибунала по островам в ЮКМ, призвав Китай уважать морское право. Министр обороны Японии Инада в сентябре 2016 г. назвала действия Китая «намеренной попыткой изменить статус-кво исходя из свершившегося факта»¹³. Япония тем самым как бы выступила на стороне Филиппин. Любопытно при этом, что Япония возражает против арбитража по поводу островов Сэнкаку (Дяоюйдао), как бесспорно принадлежащих ей, но была бы не против такового в отношении островов Токто, принадлежащих Южной Корее¹⁴.

Напряженная дискуссия прошла в июле 2016 г. между китайским и японским премьерами на полях саммита Азия – Европа в Улан-Баторе. Беседа была «искренней и откровенной», сообщил японский представитель; как известно, это синоним несогласия сторон по обсуждавшимся вопросам. А китайские СМИ сообщили, что Ли Кэцян требовал от Абэ прекратить «нагнетать» и «вмешиваться» в споры вокруг островов в ЮКМ¹⁵.

«Прежде чем упрекать других, Япония должна посмотреть, что она сама говорит и делает», – сказал китайский министр иностранных дел Ван И в 2015 г. на саммите АСЕАН. «Китай – не Япония. Наши права в ЮКМ существуют давно. Нам не надо усиливать наши позиции посредством землеустройства»¹⁶.

Здесь, конечно, китайский министр лукавит, ибо масштабное строительство аэродромов и портовых сооружений на рифах, которые Китай считает сушей под юрисдикцией КНР, со всей очевидностью и в любом случае усиливает позиции Китая. Но что имеет в виду Ван И относительно Японии?

Окинотори

Речь идет об островке Окинотори в Филиппинском море, самом южном из всех японских островов, захваченном после Второй мировой войны США, а затем возвращенном Японии и принадлежащем ей с 1968 г.

От территории Окинотори-сима, размываемого волнами, к 1970-м гг. осталось два клочка. Но как раз к этому времени все страны, испытывающие дефицит природных ресурсов, начали борьбу за исключительные экономические зоны (ИЭЗ). Чтобы остановить физическую эрозию, с 1987-го по 1993 г. Япония построила молы из стали и бетона. Строительство было необходимо, чтобы сохранить остров над

13 China lashes out at Japan's South China Sea plans. *AFP news agency*. URL: <https://www.yahoo.com/news/china-lashes-japan-south-china-sea-plans-110904147.html> (Accessed: 3.10.2016)

14 Группа островов в западной части Японского моря, по-разному называемых на разных картах (Лианкур/Токто/Такасима). Постоянное население отсутствует. Острова со времени окончания Второй мировой войны являются предметом территориального спора между Японией и Кореей.

15 См.: Dooley B. Tokyo seeks to pressure Beijing on S. China Sea ruling. URL: <https://www.yahoo.com/news/tokyo-seeks-pressure-beijing-south-china-sea-ruling-060603786.html>. (Accessed: 20.08.2016)

16 См.: Jennings R. Japan Is Quietly Building A Tiny Tropical Islet, But An Angry China Has Noticed. URL: <http://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2016/07/17/japan-is-quietly-building-a-tiny-tropical-islet-but-an-angry-china-has-noticed/#c5726ae3d6cf> (Accessed: 25.07.2016)

уровнем моря и обосновать претензии Японии на большую ИЭЗ.

22 апреля 2004 г. в ходе двусторонних переговоров в Пекине китайские дипломаты заявили, что Китай не рассматривает Окинотори как остров. Признавая территориальные права Японии на Окинотори, Китай настаивал, что это просто скала, а не остров. Выше уже говорилось о том, почему столь важно – остров это, пригодный для жизни сам по себе, или же просто скала.

Окинотори никогда не был заселён, и вопрос о его экономической жизни является дискуссионным. Отрицание исключительной экономической зоны Японии в этом районе побудило главного секретаря кабинета министров Ясуо Фукуда (премьер-министр в 2007–2008 гг.) сделать заявление: «Китайские утверждения, что наши острова – скала, являются абсолютно неприемлемыми. Мы учредили в районе вокруг острова ИЭЗ на основе международного и внутригосударственного права. Китай является единственной страной, которая утверждает, что это скала».

С тех пор Япония приложила массу усилий по освоению островной территории. Вплоть до высадки кораллов вокруг, чтобы создать видимость экономической жизни там и избежать отнесения острова к категории безжизненных скал, не дающих права прибрежному государству на ИЭЗ. Усилия увенчались успехом, решение ООН 2012 г. позволяет Японии претендовать на континентальный шельф вокруг Окинотори.

Япония возражает теперь Китаю в таком ключе: в случае с Окинотори мы сохраняем природную среду, а в ЮКМ происходит массивное сооружение из песка и бетона фактически но-

вых островов. Японская сторона, в свою очередь, лукавит, ибо на Окинотори, куда было вложено около 600 млн долл., тоже не обошлось без песка и бетона...

За 42 года с тех пор, как Токио и Пекин восстановили дипломатические отношения, двусторонние связи испытывали и взлеты, и падения. Потепление в политических отношениях сменялось серией мини-кризисов, которые, впрочем, не мешали двум странам укреплять экономические связи. Японские прямые инвестиции составили 8,24% всех инвестиций в Китае, заняв третье место после Гонконга и Тайваня. Растет число туристов. За 2014 г. в Китай приехало на 50% больше японских туристов, чем в 2013 г.

К концу 2015 г. экспорт Японии в Китай составил 109 млрд долл., импорт из Китая – 160 млрд, что меньше, чем 2 года назад, но цифры все равно впечатляют¹⁷. Оборот с Китаем уже опережает японо-американский. Таким образом, мы видим, что даже при периодическом возрастании политической напряженности торговля между странами в долгосрочном тренде продолжает расти. Хотя после 2013 г. объемы ее несколько снизились, все равно Китай по состоянию на конец 2015 г. остается для Японии вторым по значимости торговым партнером после США.

Вывод однозначный: военный конфликт между Японией и КНР вряд ли выгоден обеим странам и маловероятен, пока за спиной Японии стоят США. Китай не готов встать на путь военной конфронтации, но в то же время будет продолжать демонстрировать свою военную мощь в АТР.

17 Особенно на фоне товарооборота Японии с Россией – 5 и 15 млрд долл. соответственно.

Можно предполагать, что территориальный вопрос будет решаться на поле жесткой экономической конкуренции, периодически переходящей в экономическую войну. Некоторые наблюдатели не исключают передачи дела о территориальном споре в международный суд ООН, но исходя из последних тенденций взаимоотношений в Восточной и Юго-Восточной Азии, а также после вынесения Гаагским трибуналом своего вердикта в июле 2016 г. такой вариант кажется маловероятным.

Список литературы

Денисов И.Е. (2015). Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине. *Международная жизнь*, (5). 40–54.

Иванов А., Лукин А. (2013). Активизация внешней политики Китая в АТР и интересы России. *Международная аналитика*, (3–4). 154–178.

Ивасита А. (2015). «Сконструированные территории»: некоторые размышления о территориальных спорах в Восточной Азии. *Ежегодник ИМИ*, 4 (14). 33–42.

Чугров С.В. (2015). Эхо второй мировой войны и роль «мягкой силы» в Северо-Восточной Азии. *Ежегодник ИМИ*, 4 (14). 22–26.

References

Chugrov S.V. (2015). Echoes of Second World War and the Role of Soft Power in the North-East Asia. *Ezhegodnik IMI*, 4 (14). 22–26.

Denisov I.E. (2015c). Evolution of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (5). 40–54.

Ivanov A., Lukin A. (2013). Activation of the Foreign Policy of China in the APR and the Interests of Russia. *Mezhdunarodnaya analitika*, (3–4). 154–178.

Ivasita A. (2015). Constructed Territories: Featuring A Fantasy of East Asian Border Disputes. *Ezhegodnik IMI*, 4 (14). 33–42.

Информация об авторе

Андрей Дмитриевич Дикарев, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, Институт международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
andreydikarev@yahoo.com

About the Author

Andrey D. Dikarev, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

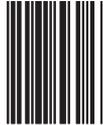
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
andreydikarev@yahoo.com

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

17005

>